КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XL.

1893 г.

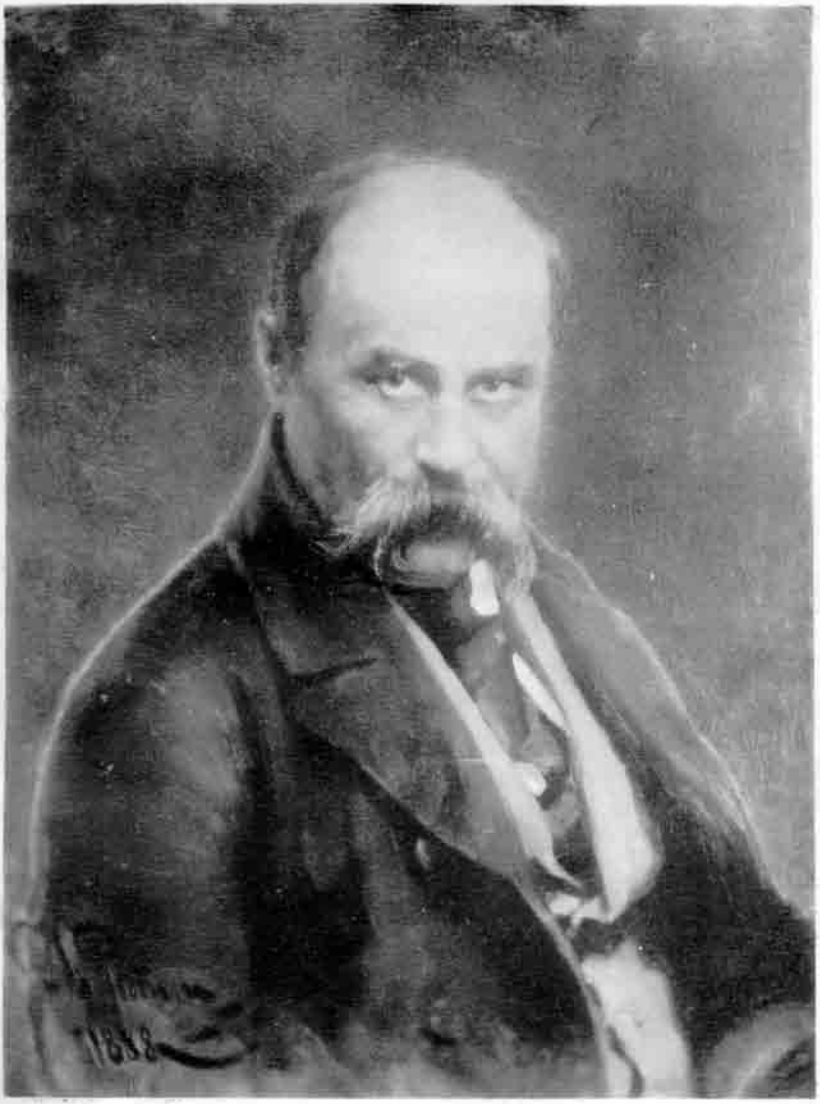
КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. **Зосима Недоборовскаго**	179—208
II. СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ. (Историко-юридическій очеркъ). **А. Д—скаго**	209—239
III. НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА: I. Отъ редакціи. II. Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти. *Е. Косаревъ.* III. Нѣсколько словъ о Т. Г. Шевченкѣ. *Г. Даценка.* IV. Письма Т. Г. Шевченка къ кн. В. Н. Репниной	240—273
IV. ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МАЛОРОССІЮ АКАДЕМИКА ГИЛЬДЕНШТЕДТА И КН. ДОЛГОРУКАГО. *(Продолженіе слѣдуетъ).* **Л. Синицкаго**	274—292
V. СТАРИННАЯ ЗАПИСЬ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ СЪ ОБЗОРОМЪ ВАРІАНТОВЪ КЪ НИМЪ. *(Окончаніе).* **П. Житецкаго**	293—318
VI. ѲАДДЕЙ ЧАЦКІЙ. **Ѳ. Кудринскаго**	319—345
VII. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ г. Н. В. О ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦІИ НАШИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ АРХИВОВЪ. **Д. И. Багалѣя**	346—355
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О происхожденіи слова «коленвщина». **В. Щербины.** б) Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка. **Н. В. Стороженка.** в) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій въ ролн челобитчика въ сенатъ. Сообщ. **Н. В. Стороженко.** г) Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома. **Н. Шугурова.** д) Казенные кабаки въ Кіевѣ (1721—1734 гг.). **А. А.** е) Арестованіе водки, везенной изъ полтавскаго монастыря въ Кіевскую Канцелярію «на поклонъ» (1775 г.). **А. А.** ж) Преслѣдованіе кіевскимъ магистратомъ «неапробованныхъ въ медицін людей». **А. А.** з) Поправка.	356—380
IX. БИБЛІОГАФІЯ: а) Pieśni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muzykę opracował Zygm. Noskowski. **Владиміра Перетца.** б) Этнографическое обозрѣніе. Кн. XIII и XIV. **Я. Ш.** в) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. **А**	381—398
ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—14
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Т. Г. Шевченка, писанный И. Е. Рѣпинымъ. 2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 1—16).	

Дозволено цензур. Кіевъ, 1-го февраля 1893 г.


1858

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

За продолжительное времяпребываніе въ Петербургѣ, покинутомъ мною окончательно въ 1864 г., мнѣ, благодаря моему старому пріятелю-земляку, Сем. Ст. Гулакъ-Артемовскому, довелось не только познакомиться, но даже очень близко сойтись со многими своими земляками-малороссами, проживавшими въ ту пору въ нашей сѣверной столицѣ, а между ними и съ Т. Гр. Шевченкомъ, и съ Н. И. Костомаровымъ... Много воды утекло съ той поры. Многихъ, очень многихъ изъ нихъ уже и не стало..., но образы ихъ, со всѣми свойственными каждому изъ нихъ характерными особенностями, со всею даже мелочною обстановкою, среди которой они жили,—какъ живые, стоятъ предо мною...

Семенъ Степановичъ Гулакъ-Артемовскій былъ уроженецъ черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, и приходился роднымъ племянникомъ Петру Артемовскому, бывшему ректору Харьковскаго университета и извѣстному малорусскому писателю. Одаренный прекраснымъ голосомъ, Сем. Степ. въ молодости былъ вызванъ въ Петербургъ, откуда вскорѣ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію для усовершенствованія себя въ пѣніи. Пребываніе Сем. Ст. въ Италіи совпало съ поѣздкою туда покойнаго государя Николая Павловича, который на столько удостоилъ его тогда своимъ вниманіемъ, что подарилъ даже ему брилліантовый перстень. Въ Италіи Сем. Ст. прожилъ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ не только усовершенствовать себя въ пѣніи, но и овладѣть итальянскимъ и французскимъ языками, что не помѣшало однако ему всѣ письма

къ матери писать не иначе, какъ на родномъ своемъ языкѣ, малорусскомъ. Для образчика привожу одно изъ этихъ писемъ, полныхъ самыхъ неподдѣльныхъ чувствъ.—„О такъ, моя ридная ненько,—пишетъ Сем. Ст.,—сижу я у садочку, пидъ сынимъ небомъ, въ далекій чужій сторони, дывлюсь на сыне море и згадую васъ, а дали дывлюсь, якъ дыки гусы летять, та й заспиваю: гусы мои, гусынята, возьмить мене на крылята, та понесить мене до матинки, а у матинки есть що исты й пыты и хорошо исходыты...“—Мать-старушка, читая такія письма, заливалась, бывало, слезами, приговаривая: „нема кому тоби, мій сыну, моя дытына, въ далекій сторони порадоньки дать, головки вымыть, чистенькои та биленькои сорочки надить...“—По возвращеніи въ Петербургъ Сем. Ст. былъ зачисленъ въ оперные артисты Императорскихъ театровъ и, вплоть до ухода со сцены, пользовался не малою извѣстностью и любовью петербургской публики, посѣщавшей Маріинскій театръ, а особенно въ роляхъ малороссовъ, какъ напр., въ пьесѣ: „Запорожци за Дунаемъ“, слова и музыка которой принадлежали ему-же. Человѣкъ умный, разносторонне, хотя и поверхностно, образованный, крайне живой и подвижный, всегда готовый къ острословію и веселой шуткѣ, Сем. Ст. горячо любилъ свою родину, своихъ земляковъ, но также любилъ и петербургскую общественную жизнь. И гдѣ онъ только не бывалъ, какихъ лицъ не посѣщалъ, начиная отъ убогой квартирки какого-либо изъ своихъ земляковъ до раззолоченныхъ палатъ вельможи, отъ извѣстнаго богача, лейбъ-гусара Яковлева, на лукулловскихъ завтракахъ котораго заставлялъ хозяина завидовать его аппетиту, до знаменитаго нашего математика М. В. Остроградскаго, съ которымъ вечера просиживалъ за столоверченіемъ, чему самъ искренне вѣрилъ и въ чемъ если и не убѣждалъ Остроградскаго, то все же таки заставлялъ призадумываться и говорить: „да, да,—многое еще отъ человѣка сокрыто!...“—Жажда дѣятельности и разнообразія въ Сем. Ст. была такъ велика, что одной своей профессіи ему казалось мало, а потому онъ то и дѣло, что хватался еще за разнаго рода прожекты, которые такъ, впрочемъ, и оставались прожектами, какъ напр., прожектъ объ устройствѣ водопроводовъ

въ Петербургѣ, который съ чертежами былъ даже напечатанъ въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ,—не помню уже,—въ 59 или въ 60 годахъ. А то случалось, что они получали и комическій исходъ. Такъ, вздумалось Сем. Ст. совершенствовать общественную нравственность, для чего очень хорошимъ средствомъ показалось ему, въ виду наступавшаго тогда великаго поста, попросить редакціи газетъ и журналовъ разослать ихъ подписчикамъ заповѣди Божіи, которыя на великолѣпной бумагѣ, золотыми буквами, съ подобающею виньеткою, имъ самимъ-же сдѣланною, Сем. Ст. издалъ на свой коштъ. Цѣна за заповѣди назначена была такая, чтобы только покрыть изданіе. Не смотря однако на то, заповѣди не пошли... Постъ, между тѣмъ, близился къ концу. „Ну что, какъ?“—спрашиваю я Сем. Ст.—„Мы, голубе, Зосиме,—отвѣтилъ мнѣ на это пресерьезно онъ,—зробылы велыку помылку: треба було намъ напечатать заповиди ще по-жидивски, то ихъ жиды скорійше купылы-бъ, нижъ паны“.

Какъ давно былъ знакомъ Сем. Ст. съ Т. Г. Шевченко,—того сказать не могу; но только взаимныя отношенія ихъ, не смотря на несходство натуръ, были самыя дружескія, фамиліарныя, не нарушаемыя даже не совсѣмъ иногда удачными шуточками Гулака насчетъ Тараса. Такъ, собрались разъ ко мнѣ гости, въ числѣ которыхъ были Н. И. Костомаровъ, Стороженко, Артемовскій и Шевченко. Послѣдній какъ-то особенно разговорился про киргизскія степи и, вспомнивъ между прочимъ о киргизскихъ лошадяхъ, замѣтилъ, что крѣпость ихъ такова, что онѣ могутъ пробѣгать въ сутки до 200 верстъ.—„Слухай, Тарасе,—вдругъ останавливаетъ его Сем. Ст.,—одинъ панъ програвъ въ карты все, що тилько мавъ. Осталось въ его тильки сукна аршинъ 200, але винъ и те сукно програвъ. А хто выгравъ, змирявъ сукно та й каже: замисто 200 тутъ тилько 20 аршинъ?!...—„Бо у мене таки аршины“,—отказуе панъ. То, може, и у тебе, Тарасе, таки жъ версты?!...“—„Десь—ты, Семене,—хмуро замѣтилъ на это Тарасъ Григорьевичъ,—для того уродывся, щобъ зъ людей глузуваты?... Лицедію ты!“—„Якъ-бы не було на свити Семеновъ,—продолжалъ расходившійся Артемов-

скій,—то ты, Тарасе, скакавъ-бы съ своими киньми не по 200, а по 1000 верстовъ въ сутки...“—Едва-ли можно представить себѣ болѣе неумѣстнаго, хотя, по сущности, совершенно и незлобиваго подшучиванья, какимъ оказывалось это, направленное на кого-же?—На Тараса Григорьевича!—человѣка въ разговорѣ обыкновенно крайне сдержаннаго, не многорѣчиваго и который, смѣло можно утверждать, въ жизни не проронилъ полъслова лжи: до того послѣдняя находилась въ противорѣчіи со всей его натурой!—Сем. Степан., впрочемъ, и самъ замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ, какъ говорится, зарвался, а потому тотчасъ-же началъ увѣрять своего „щираго земляка по родинѣ, по духу и вири“ въ своей братской любви и просить не сердиться на него, потому что нельзя-же иногда и „не пошутковать?!...“—Шевченко былъ слишкомъ добрый и умный человѣкъ, да къ тому же вдоволь въ своей жизни и натерпѣлый, чтобы сердиться за всякую, хотя-бы и неумѣстную пріятельскую шутку, а потому на эту, какъ равно и на многія другія подобныя шуточки Артемовскаго, вызывавшія ихъ иногда на взаимную и презабавную подчасъ пикировку,—конечно, махнулъ только съ улыбкою рукой.

Сем. Ст. оставилъ сцену въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но переселился изъ Петербурга на родину не свою, а своей жены, въ Москву, гдѣ въ 1874 году умеръ.

Заходилъ я, хотя и не часто, къ Тарасу Григорьевичу, но больше встрѣчалъ его у знакомыхъ. Заходилъ и онъ ко мнѣ, принося, бывало, всякій разъ дѣтямъ моимъ гостинца въ видѣ какихъ-либо книжечекъ или рисунковъ.

Послѣ смерти Тараса Григорьевича, квартира, которую онъ занималъ въ Академіи художествъ, была опечатана, и послѣ похоронъ, спустя немного времени, я получилъ оффиціальное приглашеніе отъ полиціи, какъ домовладѣлецъ, присутствовать при описи его имущества, а Григорій Николаевичъ Честоховскій, какъ экспертъ, въ качествѣ художника, для оцѣнки художественныхъ произведеній, оставшихся послѣ покойнаго. Опись производилъ полицейскій офицеръ,—поручикъ Китченко. Квартира состояла изъ одной довольно обширной—длинной, подъ сводами,

комнаты, всѣ стѣны которой почти исписаны были карандашемъ. Въ комнатѣ царилъ полный безпорядокъ; бумаги лежали на полу разбросанными. Сначала я съ Честоховскимъ посписывали со стѣнъ, что нашли нужнымъ, и что не мало заняло у насъ времени; затѣмъ приступили къ описи и, по приведеніи всего въ извѣстность, за исключеніемъ платья, все было нами взято и отдано Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому. Михаилъ Матвѣевичъ въ то время служилъ старшимъ совѣтникомъ петербургскаго губернскаго правленія. Онъ былъ большимъ пріятелемъ покойнаго Тараса, который въ свою очередь, также очень былъ расположенъ къ нему.

Въ 1861 г. я познакомился у Н. И. Костомарова съ генералъ-маіоромъ Яковомъ Герасимовичемъ Кухаренко, прибывшимъ тогда въ Петербургъ по распоряженію воен. министра для присутствія въ коммиссіи, въ которой долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ устройствѣ войска черноморскаго, гдѣ Кухаренко нѣкоторое время занималъ даже должность атамана. Н. И. Костомаровъ былъ знакомъ съ Кухаренкомъ еще въ Харьковѣ съ молодыхъ лѣтъ, бывши еще студентомъ университета. Яковъ Герасимовичъ пробылъ въ Петербургѣ съ полъ-года и, будучи оторванъ отъ своей семьи и козацкой, очень грустилъ на чужой, далекой сторонѣ, постоянно говоря, что если-бы не встрѣтилъ онъ тутъ своихъ земляковъ, то трудно было бы ему совладать съ собою. Онъ посѣщалъ очень часто редакторовъ „Основы“ В. М. Бѣлозерскаго и Н. И. Костомарова, Артемовскаго и другихъ знакомыхъ, бывалъ частенько и въ такъ называемой нами нашей громадѣ, гдѣ ему постоянно оказывали большое уваженіе и почетъ и гдѣ съ великимъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушали, бывало, мы его живые и остроумные разсказы изъ бытовой и военной жизни его роднаго черноморскаго войска. Подчасъ онъ любилъ и пошутить и поразсказать нѣкоторые презабавные анекдоты. Яковъ Герасимовичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, нанялъ для себя квартиру на Васильевскомъ Островѣ, вблизи моей, почему мнѣ доводилось часто видѣться съ нимъ, а нѣкоторое время даже сидѣть у его постели, когда онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Яковомъ Герасимовичемъ была, какъ извѣстно, написана и издана на малороссійскомъ языкѣ комедія: „Черноморскій побытъ“. Покойному чрезвычайно желательно было, чтобы эта піеса разыграна была на любительскомъ спектаклѣ въ его присутствіи. По выбору его, мнѣ назначена была роль сотника, а остальныя розданы были имъ самимъ тѣмъ, кого онъ находилъ подходящими къ извѣстной роли. Но не успѣли мы заучить своихъ ролей, какъ Яковъ Герасимовичъ былъ уже отозванъ къ мѣсту своего служенія, и ему такъ и не удалось видѣть на сценѣ своего дѣтища. Предъ отъѣздомъ онъ заѣхалъ въ громаду проститься. Мы всѣ окружили своего милаго атамана и спѣли ему пѣсню на мотивъ „Ой Морозе-Морозенку“, замѣняя Морозенка Кухаренкой: „Ой Якове Кухаренку, ой ты славный козаче, за тобою, Кухаренку, черноморске війско—плаче“ и т. д. Яковъ Герасимовичъ, сидя на почетномъ мѣстѣ, глубоко былъ тронутъ нашимъ сердечнымъ къ нему расположеніемъ и со слезами на глазахъ со всѣми нами простился, и простился на вѣки вѣчные, такъ какъ, мѣсяца черезъ два по прибытіи въ Черноморію, взятъ былъ черкесами въ плѣнъ, гдѣ и покончилъ свое земное поприще. Тѣло покойнаго выкуплено было родными и предано землѣ въ Екатеринодарѣ. У покойнаго, кажется, было два сына: Александръ, а имени другаго не знаю. Одна дочь была тогда уже замужемъ, а остальныя воспитывались въ институтѣ. Александръ Яковлевичъ, въ чинѣ поручика, пріѣзжалъ въ Петербургъ и посѣтилъ всѣхъ друзей покойнаго своего отца.

Начало 1860 года представляетъ для исторіи много интереса. Въ юго-западныхъ окраинахъ нашего отечества зарождалось уже тогда сильное броженіе умовъ. Поляки напрягли всѣ усилія свои произвести смуту въ южно-русскомъ народѣ и начали было подкапываться подъ основы нашей народности. Южнорусскій журналъ „Основа“, появился на свѣтъ Божій именно въ то самое время, и сталъ сразу-же на стражу этой народности, горячо защищая ее противъ всякихъ какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ польскихъ притязаній.

Иниціатива изданія журнала „Основа“ принадлежала нашему могучему богатырю слова, Н. И. Костомарову. Редакцію

и изданіе принялъ на себя Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, состоявшій въ то время на службѣ въ государственномъ совѣтѣ и занимавшій видный постъ,—человѣкъ какъ нельзя болѣе для редижировки журнала подходящій. Даровитымъ сотрудникомъ его явился тогда Ал. Ѳед. Кистяковскій, впослѣдствіи извѣстный профессоръ кіевскаго университета. И надо отдать честь редакціи „Основы“, умѣвшей почти сразу поставить этотъ, къ сожалѣнію, столь рано погибшій журналъ на уровень съ лучшими журналами, привлекавшими къ себѣ вниманіе и пользовавшимся наибольшимъ уваженіемъ среди самой просвѣщенной части русской интеллигенціи.

Къ этому-же времени относится и начало собраній, прозванныхъ нами малороссійскою громадою. Собранія эти происходили по воскреснымъ днямъ, въ квартирѣ инженера, Ѳедора Ивановича Черненка, человѣка пожилаго уже, состоятельнаго, умнаго и очень добраго и гостепріимнаго. На собраніяхъ этихъ, на которыхъ единственнымъ впрочемъ угощеніемъ былъ чай, хотя и называвшихся „малоѳссійскою громадою“, бывало не малое число и великороссовъ. Не бывало на нихъ только ни поляковъ, ни женщинъ. На собраніяхъ этихъ мы обмѣнивались новостями, вели иногда ученые диспуты, пѣли, играли на фортепіано. Лучшимъ знатокомъ малорусскаго пѣнія былъ у насъ тогда Данило Семеновичъ Каменецкій.

Николай Ивановичъ Костомаровъ рѣдко посѣщалъ эти воскресныя собранія, а Кулишъ чаще. Припоминаю, что П. А. Кулишъ, возвратившись изъ заграницы, какъ то лѣтомъ, навѣстилъ громаду, досталъ изъ боковаго кармана какую-то тетрадь, и, обратившись къ присутствующимъ, просилъ прослушать стихотвореніе одного славянскаго поэта, котораго онъ встрѣтилъ, гдѣ-то тамъ, за Дунаемъ, и, который, по его мнѣнію, окончательно долженъ затмить талантъ Шевченка. Выслушавши прочитанное П. А. Кулишемъ со вниманіемъ, изъ присутствующихъ ни кто не высказалъ ни своего одобренія, ни порицанія. Стихотвореніе это оказалось впослѣдствіи принадлежащимъ самому П. А. Кулишу.

Съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, нашимъ знаменитымъ историкомъ, я познакомился у Семена Степановича

Артемовскаго. Жили мы на Васильевскомъ Островѣ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга: Николай Ивановичъ по 9-й линіи, вблизи набережной, а я—по 8-й. По натурѣ своей Н. И. былъ человѣкъ добраго сердца, но впечатлительный, крайне нервный, а подчасъ, при головной боли (онъ страдалъ мигренью)—капризный и вспыльчивый. Мы сошлись очень скоро. Я полюбилъ этого человѣка сердечно и часто бывалъ ему спутникомъ въ утреннихъ прогулкахъ его. Онъ имѣлъ обыкновеніе рано вставать, часовъ въ шесть утра, и, по заведенному порядку, читалъ по главѣ изъ библіи; послѣ того отправлялся гулять. Въ рѣдкихъ случаяхъ только онъ не заходилъ по пути ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы составить ему компанію въ прогулкѣ. Хожденіе продолжалось не долѣе часу, и затѣмъ мы возвращались домой, но я непремѣнно долженъ былъ идти къ нему пить чай. Приглашеніе выражалось такою рѣчью: „Отче Зосиме! идемъ въ храмину мою испити чайнаго зелья, ради житейскихъ печалей и треволненій". Напившись чаю, я отправлялся домой, а Николай Ивановичъ принимался за письменную работу. Писалъ онъ на бумагѣ, приклеивши листъ къ листу, такъ, что выходило что-то похожее на турецкій фирманъ, или вѣрнѣе, на старинные свитки грамотъ. До изданія сѣверно-русскихъ народоправствъ Н. И. предварительно ѣздилъ въ новгородскую губернію, для осмотра историческихъ памятниковъ, и на рѣку Шелонь, гдѣ происходила битва новгородцевъ съ москвичами при московскомъ князѣ Іоаннѣ III-мъ. Передъ отъѣздомъ, я и Данило Гавриловичъ Лебединцевъ, котораго очень уважалъ Н. И., сговорились встрѣтиться съ нимъ на николаевской желѣзной дорогѣ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ на пароходѣ продолжать путешествіе съ Ник. Ив. до Старой Ладоги. Какъ было сказано, такъ и сдѣлано. На пароходѣ я потребовалъ порцію лососины, что, глядя на меня, сдѣлалъ и Ник. Иван.—Оттого-ли, что лососина была не свѣжа, или отъ чего другого, но только я почувствовалъ, что меня, какъ-бы тошнитъ, о чемъ и сказалъ своимъ спутникамъ, забывая про крайнюю мнительность Ник. Ивановича. Но лишь только произнесъ я эти слова, какъ вдругъ почувствовалъ тош-

ноту и Ник. Ив. и, приходя все въ большее и большее волненіе, дошелъ до того, что сталъ кричать: „умираю“! — Можно себѣ представить, что за суматоху вызвали эти крики между пассажирами, изъ которыхъ кто сталъ предлагать свои средства помощи больному, кто спрашивать: нѣтъ-ли между нами врача, а кто ругать прислугу, отравляющую путешественниковъ снадобьями своего буфета. А Николай Ивановичъ, не обращая ни на кого вниманія, продолжалъ кричать: „умираю“! Но вотъ, я потребовалъ себѣ чаю съ ромомъ и, выпивши наскоро стаканъ, говорю, обращаясь къ Д. Г. Лебединцеву, что мнѣ лучше. „И мнѣ чаю и рому“, — крикнулъ на всю каюту Н. И. — Подали стаканъ; онъ выпилъ его, и не прошло, полагаю, и получаса, какъ онъ не только почувствовалъ себя здоровымъ, но даже повеселѣлъ и началъ декламировать Энеиду Котляревскаго. Пароходъ остановился у пристани предъ порогами, гдѣ, какъ преданіе говоритъ, остановился св. Антоній Римлянинъ, приплывшій на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ. Съ парохода мы перешли въ лодку и поплыли до Ладоги чрезъ пороги. Порогами теченіе чрезвычайно быстрое, и мы верстъ 15, можно сказать, проплыли въ полъ-часа. Извозомъ этимъ занимаются женщины. Въ Ладогѣ мы остановились на мызѣ у знакомаго мнѣ помѣщика Судакова, на правой сторонѣ Волхова. Послѣ закуски, мы отправились на лѣвую сторону Волхова, гдѣ на берегу расположена древняя небольшая крѣпость съ каменною небольшою церковью. Николай Ивановичъ относилъ построеніе этой крѣпостцы ко временамъ Рюрика. Смѣрявъ шагами окружность этой крѣпости, мы зашли въ церковь, постройки отдаленнаго времени. Н. И. утверждалъ, что церковь эта, судя по архитектурѣ, построена во времена Ярослава Мудраго. Съ крѣпости мы отправились въ мужской монастырь, тутъ же расположенный на берегу Волхова, и зашли къ настоятелю монастыря, принявшему насъ радушно и давшему намъ провожатаго—монаха, который довелъ насъ до стараго зданія бывшаго монастыря, отстоящаго отъ рѣки Волхова въ разстояніи около двухъ верстъ, совершенно въ полѣ. Постройку церкви этого монастыря Николай Ивановичъ относилъ къ временамъ Ярослава Мудраго. Внѣ церкви‘

построекъ никакихъ не было, такъ какъ келіи и трапеза устроены были въ самой церкви. При этомъ сопровождавшій насъ монахъ разсказалъ, что, благодаря тѣснотѣ помѣщенія, съ увеличеніемъ числа братіи, построили на берегу новый монастырь, куда братія переселилась только нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но одинъ старецъ благочестивой и строгой жизни пожелалъ остаться въ этомъ храмѣ въ уединеніи, говоря, что тутъ онъ положилъ начало своего иночества, тутъ же желаетъ скончать и дни своей жизни. Вскорѣ какъ то по переходѣ въ новый монастырь, явился старецъ къ настоятелю, разсказавъ такой случай: „Въ одну ночь церковь была заперта изнутри; слышу, говоритъ,— вдругъ стукъ въ дверь моей келіи. Сотворивъ молитву, я окликнулъ: кто-тамъ? Послѣдовалъ отвѣтъ: „я душа такой-то женщины“ (и назвала свое имя)—умершей въ такомъ-то вѣкѣ; погребена безъ христіанскаго обряда; требую исполнить надъ костями моими установленный церковью обрядъ. Когда дверь была послѣ того отворена, то на порогѣ лежалъ черепъ. По распоряженію настоятеля, въ этотъ день братія предала землѣ черепъ по христіанскому обряду, отслуживъ при этомъ панихиду, послѣ чего, по разсказамъ старца, подобное явленіе больше уже не повторялось.

Разсказъ этотъ, произведшій глубокое впечатлѣніе на воспріимчивую и поэтическую натуру Костомарова, не остался безъ послѣдствій. Мы вернулись въ Петербургъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ я какъ-то захожу къ нему.—„Отъ и добре, что оце вы прійшли: мени чогось сумно“,—говоритъ мнѣ Ник. Ив., видимо очень разстроенный. Что такое случилось?—Хранился у Ник. Ив. въ кабинетѣ на книжномъ шкафу черепъ, найденный имъ на полѣ битвы у р. Шелони, который на столько интересовалъ его, что онъ не рѣдко обращался даже къ черепу съ вопросомъ: „скажи мнѣ, кто ты?—витязь или изъ ратныхъ воиновъ?“—Теперь оказалось, что черепъ этотъ заходилъ по ночамъ по кабинету.—„Ночи, говоритъ,—не сплю, слышу, что кто-то ходитъ по кабинету. Кричу Мирона (такъ назывался старикъ слуга Ник. Ив.). Является Миронъ. Я его спрашиваю: кто ходитъ по кабинету? Никого нѣтъ, отвѣчаетъ Миронъ, но я

самъ слышалъ шаги, и уже не одну ночь, и думалъ, что это вы изволите прохаживаться.—„Отъ тоби и напытавъ соби биды, и треба було мени взять оцей черепъ“... Мнѣ удалось уговорить Николая Ивановича отвезти этотъ черепъ къ отцу Степану Опатовичу на Смоленское кладбище, для преданія землѣ, что нами и было исполнено, и гдѣ, по распоряженію отца Степана, черепъ зарытъ былъ въ землю и отслужена, по желанію Николая Ивановича, панихида. Послѣ чего объ этомъ черепѣ уже никакого помину не было.

Да, премилый, предобрый былъ человѣкъ Ник. Ив., но своеобразный и вспыльчивый иногда до крайности. Такъ, случилось какъ-то мнѣ просить представить ему одного моего земляка, молодаго офицера, очень желавшаго съ нимъ познакомиться. И до сихъ поръ не знаю, съ чего, но только онъ до того напустился и раскричался на меня, что я схватилъ шапку да тотъ часъ-же и ушелъ домой. На другой день пишу ему письмо и извиняюсь предъ нимъ, что я безъ всякаго злого умысла огорчилъ его. Въ отвѣтъ на это получаю письмо отъ Н. Иван., которое, какъ отлично характеризующее этого замѣчательнаго человѣка, привожу здѣсь въ подлинникѣ: „Не Вы мене смутыли, добродію, а я не знавъ на яку ступыть; бо наробывъ дурныци, такъ що и въ вичи соромно добрымъ людямъ глядиты, бо ни за що, ни про що незвычайне и негрешне обійшовся зъ чоловикомъ. Але Богъ мени свидкомъ, що я не думавъ сёго, а зробылось се Богъ-зна якъ знечевья. Хто тутъ виненъ? одинъ я! Бо и Билозерскій мени приводывъ такого чоловика, шчо я бувъ ему радый, а здалось мени (Богъ зна зъ чого—мабудь лихій попутавъ) здалось мени, що винъ мени приводыть *якогось* зъ тихъ хвертикивъ, о которихъ я тильки що писавъ ему, щобъ до мене не вкрались (?) а здалось мени нибы то мени на наругу и на смихъ робытся. А тутъ инше выйшло; все, дале-би, зъ того, що я не хочу, щобъ зъ мене якусь ломаку робылы, которою можно махать туды й сюды. Простить мене добродію, Христа ради,—буду розумнійшій, а колы ласка буде, ходимте на „Жизнь за Царя“, на мирову—заразъ“! Получивши это письмо, я заѣхалъ къ Н. И., и мы вмѣстѣ отправились въ театръ слушать

оперу „Жизнь за Царя“—эту любимѣйшую его оперу, которую, по счету его, онъ ѣхалъ теперь слушать въ 57-й разъ!...

На другой день пришло извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ. Я зашелъ къ Н. И., который уже зналъ объ этомъ. При моемъ появленіи онъ сказалъ; „Восташе ляхове на насъ“, и при этомъ повторилъ слова Богдана Хмельницкаго: „теперь не ти ляхи, що колысь булы: Жолткевскіе, Корецкіе, а Заненчковскіе, Тхоржевскіе...—„Ничого съ цёго не буде, добавилъ онъ—да ще у нихъ Богданъ Хмельницкій отнявъ великую силу и перекопавъ имъ глубокимъ яромъ дорогу. Воны повынни булы сыдить и личить старынни раны, а не робыть соби свижихъ для того, щобъ зновъ ихъ личить“. Событіе это не мало произвело тревоги въ обществѣ и породило не мало путаницы въ воззрѣніяхъ на него при сильномъ броженіи въ то время умовъ. Николай Ивановичъ смотрѣлъ на эти событія съ своей точки зрѣнія и повторялъ слова Лафатера: „нужно искать истину въ путаницѣ понятій“, и написалъ по поводу этому статью: „Богданъ Хмельницкій и Владиміръ Мономахъ“, которая была имъ прочитана на литературномъ вечерѣ, въ домѣ Руадзе, на Большой Морской, и напечатана въ Русскомъ Инвалидѣ въ 1863 г. Редакція почему-то медлила печатаніемъ, чѣмъ Н. И. былъ крайне недоволенъ; вслѣдствіе чего попросилъ меня съѣздить въ редакцію съ слѣдующимъ письмомъ: „Покорнѣйше прошу редакцію Инвалида, въ случаѣ нежеланія печатать мою статью, возвратить ее подателю сего, Зосиму Ѳедоровичу Недобровскому. Іюня 3-го дня Н. Костомаровъ“. Послѣ этого статья эта на другой же день появилась отпечатанною въ Инвалидѣ. Петербургское общество и Государь остались очень довольны этою статьею, какъ передавала объ этомъ Николаю Ивановичу графиня Антонина Дмитріевна Блудова, которою Николай Ивановичъ часто былъ приглашаемъ на литературные вечера. Передавалъ также намъ Николай Ивановичъ, что графиня Блудова въ одно время крайне была на него недовольна за какую-то статью, помѣщенную кажется въ „Основѣ“, сказавъ при этомъ, что она не помирится съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнитъ своего взгляда. По рекомендаціи графини Блу-

довой Николай Ивановичъ часто былъ приглашаемъ покойнымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ для ученыхъ бесѣдъ.

Съ начала мая 1863 г., Н. И. условился съ прочими земляками, чтобы въ день св. Кирилла и Меѳодія заказать обѣдню отцу Степану Опатовичу и отслужить молебенъ просвѣтителямъ славянскимъ, а мнѣ, между прочимъ, поручено было заказать для отца Степана іерейскую палку-патерыцю (посохъ) съ вензелемъ имени его. На собранныя по подпискѣ деньги 15 руб. палка съ серебрянымъ набалдашникомъ ко дню событія была готова, и обѣдня была заказана. 11-го мая пріѣхали въ церковь на Смоленское кладбище, гдѣ отецъ Степанъ былъ настоятелемъ: Н. И. Костомаровъ, В. М. Бѣлозерскій, М. И. Сухомлиновъ, Д. Г. Лебединцевъ, С. С. Артемовскій, Н. И. Петровъ и другіе малороссіяне; не болѣе однако человѣкъ 12-ти. Жена моя снарядила туда и дѣтей моихъ, нарядивъ ихъ въ малороссійскіе костюмы. Въ церкви постороннихъ лицъ было мало, а потому, при просторѣ, тишина была полная. Я читалъ апостолъ. За обѣднею за упокой никто не подавалъ на часточку, и никакихъ покойниковъ не поминали. По окончаніи обѣдни отецъ Степанъ пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на чай. Не долго пробывши у отца Степана,—мы разъѣхались по домамъ; при чемъ В. М. Бѣлозерскій особенно торопился, побуждаемый къ тому посылкою телеграммы въ Моравію съ поздравленіемъ представителямъ печати Моравскаго народа съ общимъ славянскимъ праздникомъ. Но того же самаго дня, въ пятомъ часу по полудни, заѣзжаетъ ко мнѣ о. Степанъ и сообщаетъ новость, что послѣ отъѣзда нашего, пріѣзжалъ къ нему благочинный съ духовнымъ депутатомъ и жандармскимъ офицеромъ для производства дознанія, по распоряженію митрополита Исидора, о томъ, будто бы онъ, Опатовичъ, служилъ панихиду по убіенныхъ полякахъ!! Допросили всѣхъ, кого только можно было допросить, но, какъ и слѣдовало ждать, обвиненіе Опатовича оказалось полнѣйшею нелѣпицею. Всѣ показали, что обѣдня отслужена была вовсе не заупокойная, такъ какъ священникомъ ни разу не было упомянуто на

ектеніи объ умершихъ; что же касается того обстоятельства, какъ вели себя присутствующіе, то дай Богъ, что бы изъ нашихъ, кто такъ молился и стоялъ чинно, какъ тѣ господа; даже дѣтки—и тѣ всю обѣдню клали поклоны; затѣмъ отслуженъ былъ молебенъ св. Кириллу и Меѳодію, и всѣ вмѣстѣ вышли изъ церкви. Тѣмъ дознаніе и было кончено. На другой день отца Степана митрополитъ вызвалъ къ себѣ для личныхъ объясненій; разспросилъ подробно обо всемъ, велѣлъ даже показать подаренную ему нами палку и отпустилъ домой съ миромъ. Впослѣдствіи оказалось, что дѣло началось по доносу, посланному отъ одного священника того же кладбища изъ личныхъ какихъ то непріязненныхъ отношеній [1])...

Николай Ивановичъ Костомаровъ рѣдко когда оставался на лѣто въ Петербургѣ, почти каждый годъ уѣзжая путешествовать съ научною цѣлью или по Россіи, или заграницу. Въ одно время отправился Н. И. съ Кулишемъ заграницу и, по разсказамъ Кулиша, цѣлую дорогу велъ разговоръ на церковнославянскомъ языкѣ, который зналъ въ совершенствѣ. Этотъ разговоръ однажды такъ заинтересовалъ пассажировъ, среди которыхъ было много русскихъ туристовъ, что они, ранѣе зная Н. И., какъ профессора, тутъ же съ нимъ перезнакомились. Въ Италіи они разстались. Кулишъ уѣхалъ въ Испанію, а Н. И. вернулся и, на обратномъ пути, посѣтилъ славянскія страны. Пріѣхавши въ Бѣлградъ, онъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе разговорнымъ сербскимъ языкомъ, такъ что рѣшился уже искать толмача и, вышедши изъ гостинницы на улицу, встрѣтилъ священника, къ которому обратился по славянски:—„миръ ти, отче!“—„Миръ ти, чадо“, отвѣтилъ священникъ.—„Кіи языци пребываютъ въ семъ градѣ, отче?“—„Мнози языци пребываютъ въ семъ градѣ, чадо! Кія страны еси и камо грядеши, чадо?“ „Изъ града Петрограда, и пришелъ въ страну сію къ братіямъ моимъ славянамъ, имя имамъ Николай Костомаровъ“.—„Родной мой отецъ, Николай Ивано-

[1]) Объ этомъ фактѣ мелькомъ сообщено было въ нашемъ журналѣ за прошлый 1892 г., въ некрологѣ прот. С. И. Опатовича (№ 7, стр. 441).—Ред.

вичъ!“ воскликнулъ священникъ, „я самъ воспитанникъ Кіевской академіи и состою тоже профессоромъ въ великой народной школѣ града сего. Я съ вами лично не знакомъ, но по вашимъ сочиненіямъ знаю васъ. Милости прошу пожаловать ко мнѣ и то не на время, а до тѣхъ поръ, пока будете оставаться въ Бѣлградѣ“. „Въ домѣ новаго знакомаго“,—разсказывалъ Костомаровъ,—„ я встрѣтилъ радушный пріемъ и полное славянское гостепріимство. Кромѣ того, сербскій профессоръ познакомилъ меня съ историческими памятниками Сербіи и для этой цѣли пропутешествовалъ по сербской странѣ до трехъ недѣль“.—Съ этого времени Н. И. велъ постоянную переписку съ ученымъ сербскимъ священникомъ. Въ одномъ изъ писемъ писалъ Н. И. относительно перевода священныхъ книгъ на малороссійскій языкъ. Въ отвѣтномъ письмѣ ученый сербскій священникъ высказалъ свое мнѣніе, что, какъ богослужебныя, такъ и прочія священныя книги должны остаться на славянскомъ языкѣ между племенами славянъ и тѣмъ должны напоминать имъ объ ихъ общемъ славянскомъ происхожденіи.

Нельзя умолчать о добромъ сердцѣ Николая Ивановича: постигавшая ближняго скорбь его самого печалила. Для примѣра приведу слѣдующій случай. Профессоръ П—въ читалъ лекцію на одномъ литературномъ вечерѣ: „Настоящее царствованіе Александра II-го“, и, увлекшись текущими событіями, коснулся нѣкоторыхъ вопросовъ, вызвавшихъ среди молодежи манифестацію: въ залѣ произошелъ шумъ, топанье, именованіе тѣхъ лицъ, которыя были сосланы за политическія преступленія. По окончаніи лекціи П—овъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и административнымъ порядкомъ высланъ въ ярославскую губернію. Узнавъ объ этомъ, Н. И. сейчасъ же поѣхалъ къ министру внутреннихъ Дѣлъ Валуеву просить о П—вѣ. По словамъ Н. И., министръ, зная его лично, принялъ его весьма любезно и, выслушавъ защиту Н. И., просилъ успокоиться и не придавать этому инциденту особаго значенія. Проступокъ П—ова, нарушившаго цензурный уставъ, чѣмъ онъ произвелъ не малый соблазнъ въ публикѣ, долженъ быть непремѣнно наказанъ; но между административнымъ на-

казаніемъ и наказаніемъ по суду—разница громадная. Мы, сказалъ министръ, П—ва выслали въ Ярославль на нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ этого срока, а быть можетъ еще и ранѣе, ему будетъ дозволено опять пріѣхать на жительство въ Петербургъ; судъ же поступилъ бы съ нимъ по силѣ закона и, навѣрно, П—ову пришлось бы понести болѣе тяжелое наказаніе, съ лишеніемъ даже на извѣстное время свободы.—Съ доводами министра Н. И. совершенно согласился и успокоился. Въ такихъ случаяхъ, а тѣмъ болѣе въ тогдашнее смутное время, не каждый бы рѣшился просить за опальнаго своего товарища по профессіи.

Въ частной жизни Н. И. былъ человѣкъ совершенно не практичный. Это онъ самъ сознавалъ и никогда ничего самъ не предпринималъ, безъ совѣта людей опытныхъ въ житейскомъ быту.

Въ одно время, послѣ обыкновенныхъ утреннихъ прогулокъ и чаепитія, зашелъ у насъ разговоръ о сибирскихъ мѣхахъ, и порѣшили мы, что собольи мѣха и красивѣе, и легче другихъ. Не долго думая, обращается Н. И. ко мнѣ съ просьбою сей-часъ же ѣхать съ нимъ въ гостинный дворъ, чтобы вмѣстѣ выбрать соболій мѣхъ на шубу и шапку, о чемъ онъ не упустилъ изъ виду тотчасъ-же сообщить и своей матери. Старушка, конечно, не имѣла ничего противъ этого и замѣтила только, что собольи мѣха очень дороги. „Нѣтъ, маменька“,—возразилъ Н. И.,—„ я порѣшилъ построить себѣ шубу и шапку соболью—та ще таку, що якъ надину, то щобъ бувъ похожій на московскаго боярина Ивана Алмазова“. И тутъ же начали мы собираться.—При всякомъ сборѣ мать Н. И. необходимо должна присутствовать. Н. И. досталъ деньги изъ своего письменнаго стола, не считая ихъ, сунулъ, какъ ему показалось, въ карманъ; но вмѣсто кармана деньги очутились на полу. Ощупавъ карманъ, который оказался пустымъ, Н. И. обратился къ матери: „маменька! куда я деньги положилъ?“—„А отъ же що на полу лежить“, отвѣтила старуха и при этомъ дала наставленіе, чтобы деньги онъ всегда носилъ въ бумажникѣ и не въ брючныхъ карманахъ, а въ боковыхъ-сюртучныхъ. Не прошло и

минуты, опять приглашеніе матери—„гдѣ сигары, маменька?“—„И сигары положены, и ты взялъ“, отвѣчаетъ старуха, „и положилъ въ карманъ“. „А платокъ носовой дала мнѣ?“ сказалъ онъ, стоя уже на выходѣ, у порога. „И платокъ тоби дала“.—„То я ничого не забувъ?“—„Та ни, идить уже съ Богомъ!“ отвѣчаетъ старуха.

Кажется, что со дня пріѣзда его въ Петербургъ, онъ квартиръ не мѣнялъ, а постоянно жилъ на Васильевскомъ Островѣ, въ 9 линіи, въ домѣ Киршанова, подъ № 4,—[1]) въ третьемъ этажѣ. Квартира была небольшая, со скромною, но очень приличною обстановкою. Обѣдъ его состоялъ изъ трехъ всегда отлично-хорошо приготовленныхъ блюдъ. Чай онъ любилъ пить хорошій и часто пилъ желтый чай. Кофе также любилъ, но постоянно говорилъ, что въ Петербургѣ не могутъ приготовлять такого вкуснаго кофе, какой онъ пилъ въ Италіи.

Въ тѣсномъ своемъ кружкѣ Н. И. любилъ вести разговоры на темы изъ жизни народной, бытовой, при чемъ иногда проглядывала у него склонность къ суевѣріямъ. Зашелъ какъ-то разъ разговоръ о повѣріяхъ нашихъ малороссіянъ, о посѣщеніи умершими своихъ домовъ. Н. И. разсказалъ по этому поводу такой случай: „Пріѣхавъ разъ какъ-то домой, въ деревню свою, въ острогожскій уѣздъ, къ родителямъ на каникулы съ однимъ изъ медиковъ—студентовъ высшаго курса, мы узнали изъ разсказовъ домашнихъ, что одна изъ крестьянокъ неоднократно заявляла моей матери, что недавно похороненный ея мужъ каждую ночь ровно въ полночь приходитъ домой. Явленіе это всегда случается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ полночь, предъ пѣніемъ пѣтуховъ изъ одного угла избы слышится сильный вѣтеръ, потомъ отворяется въ избу дверь и является тѣнь мужа. Насъ, говоритъ Н. И., заинтересовало это обстоятельство до такой степени, что мы съ товарищемъ порѣшили переночевать въ избѣ и убѣдиться въ справедливости разсказа. Съ вечера пришли мы въ избу и улеглись на полу (поломъ въ малорус-

[1]) Года за три до смерти, Н. И. перебрался изъ этой квартиры въ 1-ю линію въ домъ Бруни.—Ред.

скихъ крестьянскихъ избахъ называется то мѣсто, которое служитъ вмѣсто кровати); съ напряженнымъ вниманіемъ поджидали мы того времени, когда тѣнь явится. Ровно въ полночь услыхали изъ-за угла хаты вѣтеръ; въ это время мы еще больше пришли въ тревожное состояніе; наконецъ мы слышимъ скрипъ дверей, и намъ явственно показалась тѣнь человѣка, идущаго отъ дверей къ столу. Тутъ уже у меня совсѣмъ дыханіе замерло; товарищъ мой до того былъ пораженъ этимъ явленіемъ, что не могъ проговорить ни одного слова. Страхъ нами овладѣлъ не на-шутку; мы не скоро могли подняться и зажечь свѣчу".

Впрочемъ, такіе суевѣрные разсказы имѣли для Ник. Иван. иное значеніе: онъ каждымъ изъ нихъ хотѣлъ воспользоваться для цѣлей научныхъ. Такъ, однажды я разсказалъ ему, что мнѣ пришлось видѣть въ селѣ Либачевкѣ (дубенск. уѣзда), отстоящемъ отъ Берестечка въ 5 верст., множество человѣческихъ костей, валяющихся по дорогѣ и по выгону. На мое замѣчаніе старостѣ, почему онъ не распорядится собрать черепа и кости и предать ихъ землѣ, староста отвѣтилъ мнѣ, что въ этомъ году больше всего вышло костей изъ земли, а бываютъ годы, когда ихъ вовсе нѣтъ; въ иные годы онѣ рѣдко попадаются, но бываетъ время, что поселяне не могутъ обобраться костей, какъ будто село основано на какомъ то большомъ кладбищѣ. „Стари люде говорять, закончилъ староста, и мы добре це зазналы, що кости пидходять съ земли, и це, кажуть, кости тихъ людей, що и земля ихъ не прыймае". Разсказъ этотъ до того заинтересовалъ Н. И., что онъ готовъ былъ сейчасъ ѣхать со мною въ это село для обозрѣнія той мѣстности, изслѣдованія памятниковъ и подробнаго разспроса людей объ этомъ повѣріи. Тутъ онъ припомнилъ то время, когда еще былъ въ Ровенской гимназіи учителемъ и писалъ исторію Богдана Хмельницкаго. Для собранія свѣдѣній о знаменитой битвѣ казаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ я, говорилъ Н. И., въ каникулярное время отправился съ товарищемъ, учителемъ гимназіи, въ м. Берестечко. Прибывши въ Берестечко, мы остановились въ жидовскомъ заѣзжемъ домѣ, гдѣ вели разговоръ, от-

носящійся къ тому событію. Жиды, по своей врожденной любознательности, подслушавъ нашъ разговоръ, дали знать становому приставу (становая квартира въ то время расположена была въ томъ же мѣстечкѣ) и передали ему нашъ разговоръ въ такомъ видѣ, какъ будто бы самъ Богданъ Хмельницкій явился съ своимъ полчищемъ для новаго погрома. Становой приставъ не замедлилъ къ намъ явиться и, узнавъ, кто мы и какова цѣль нашего посѣщенія, сказалъ: „Становой приставъ въ своемъ станѣ хозяинъ, а хозяину неловко противорѣчить; я радъ, что имѣю случай познакомиться съ вами, тѣмъ болѣе, что дѣти мои воспитываются въ вашей гимназіи;—прошу васъ перейти въ мой домъ“. Тутъ же онъ велѣлъ сотскому забрать наши вещи и перенести въ становую квартиру; намъ уступлена была отдѣльная комната, предоставлены были всѣ удобства. Пріемъ оказанъ былъ самый радушный. Мы цѣлыя сутки бездѣйствовали, отдыхали и угощались всѣми возможными наливками, такъ какъ хозяинъ дома былъ малороссіянинъ полтавской губерніи. На другой день, по распоряженію хозяина, собраны были старожилы мѣстечка, съ которыми мы и отправились на тѣ мѣста, гдѣ, по указанію ихъ, происходила козацкая битва. Осмотръ м. Берестечка и окрестностей его, при личномъ содѣйствіи пристава, произведенъ былъ безъ малѣйшихъ затрудненій.

Изъ постоянныхъ посѣтителей Н. И. по вторникамъ были профессора: М. И. Сухомлиновъ, Веселовскій, Савичъ, монахъ воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, Афанасій Турчановичъ, бывшій профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, помѣщавшій свои статьи въ „Основѣ“, священникъ Степанъ Опатовичъ, уроженецъ Волынской губ., воспитанникъ С.-Петербургской Академіи, бывшіе студенты: Южаковъ, Гайдебуровъ, Комаровъ и другія лица, какъ напримѣръ, графиня Толстая съ двумя дочерьми. Покойный математикъ Савичъ, уроженецъ харьковской губ. и воспитанникъ харьковскаго Университета и, кажется, современникъ по воспитанію Н. И., имѣлъ типъ добродушнаго малороссіянина; всегда спокойный, онъ въ разговорахъ и преніяхъ никогда не горячился, рѣчь его была проста,

плавна, сильна; держалъ себя просто, ласково, непритворно, по врожденной своей кроткой натурѣ. Сколько припоминаю, каждый разъ, когда профессоръ Савичъ бывалъ у Костомарова, заводилъ онъ разговоръ о направленіи нашей литературы и о деспотическихъ пріемахъ нашихъ журналистовъ, которые никому не позволяютъ смѣть свое сужденіе имѣть. Не знаю, по просьбѣ ли Н. И. Костомарова, или же по почину самого А. Н. Савича, въ лѣтнее время мы поѣхали къ нему на Академическую обсерваторію, гдѣ не мало удивилъ Савича Костомаровъ своими познаніями въ астрономической наукѣ. „Э э!— замѣтилъ при этомъ Савичъ,—та я бачу що вы не тилько знаете, що робылось и робыться на земли, але и на неби".

Татьяна Петровна, мать Н. И. Костомарова, по типу и языку принадлежала къ стариннымъ нашимъ малороссійскимъ помѣщицамъ. Она рѣдко выходила къ собиравшимся гостямъ, и то на самое короткое время, желая видѣть кого-либо изъ знакомыхъ. Когда же бывали дамы, то она принимала ихъ въ гостинной, въ которой мужчины никогда не принимались, а всѣ, сколько бы ихъ ни было, помѣщались въ рабочемъ кабинетѣ Н. И. Старуха рѣдко куда выѣзжала, а вела жизнь уединенную. Познакомившись съ моимъ семействомъ, она частенько приходила къ намъ; но когда Н. И. сдѣлался моимъ кумомъ (онъ былъ крестнымъ отцомъ моей дочери Александры, а кумою моя другая дочь тогда еще осьмилѣтняя), то не проходило того дня, чтобы старуха не зашла къ намъ провѣдать крестницу своего сына, которую очень любила, равно какъ и куму, которой постоянно носила куклы и гостинцы.

Вотъ тѣ обрывки, которые сохранила мнѣ моя старая память изъ временъ хорошаго прошлаго, и которыми я считалъ нужнымъ подѣлиться съ читателями.

Зосимъ Недоборовскій.

СИСТЕМА КАРАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ ВЪ ЗАПОРОЖЬИ.[1]

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

II.

Карательныя мѣры.

1) *Смертная казнь.* Во главѣ карательной системы въ Запорожьи стояла смертная казнь. Эта карательная мѣра должна была получить тамъ довольно широкое примѣненіе, такъ какъ задачи карательной дѣятельности союза — обезпеченіе общины отъ преступниковъ—наиболѣе легко и удобно достигалось именно при посредствѣ этой мѣры. Независимо отъ этого она заключала еще въ себѣ элементъ устрашенія, какъ по своему существу, такъ и по моментальности исполненія; затѣмъ она была проста, легко примѣнима, не требовала никакихъ затратъ и вполнѣ соотвѣтствовала военному характеру общины. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Сѣчи лишеніемъ жизни наказывалось простое воровство [2]), то должны будемъ прійдти къ заключенію, что область примѣненія смертной казни, при простотѣ и немногочисленности существовавшихъ тамъ отношеній, была довольно значительна сравнительно съ количествомъ совершавшихся тамъ преступленій. Болѣе точныя границы области ея примѣненія могутъ быть установлены,

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г. № 1.

[2]) Грабянка, Дѣйствія презѣльной брани, ст. 19. (Кіевъ 1854).—Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. I, ст. 17. „Воровство и блудъ не терпѣли и если бы кто хотя мало, какъ то путо и плеть у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ".

если мы обратимся къ Литовскому Статуту, первоначальной редакціи (1529 г.) въ то время, когда большая часть Украины входила въ составъ Литовскаго княжества.

Опредѣленія Литовскаго Статута, изданнаго въ первый разъ въ 1588 г., не могли, конечно, остаться безъ вліянія на систему карательныхъ мѣръ и на область примѣненія ихъ въ Запорожьи, такъ какъ запорожская Сѣчь, представляя во многихъ отношеніяхъ оригинальную и самобытную организацію, должна была заключать въ себѣ много наносныхъ элементовъ, принесенныхъ изъ той страны, которая была родиной для большинства членовъ общины. Именно въ виду того обстоятельства, что запорожское товарищество состояло преимущественно изъ лицъ, происходившихъ изъ страны, гдѣ господствовали исключительно юридическіе принципы Литовскаго Статута, духомъ котораго они проникались съ малолѣтства, мнѣ кажется, надо признать, что Литовскій Статутъ долженъ былъ имѣть значительное вліяніе на характеръ отправленія уголовнаго правосудія въ Запорожьи. Конечно, опредѣленія Литовскаго Статута, не соотвѣтствовавшія характеру и задачамъ Сѣчи, отбрасывались, но тѣмъ не менѣе въ общемъ они не могли не отразиться на правовоззрѣніяхъ общины.—Въ Статутѣ 1588 г. въ большинствѣ артикуловъ, относящихся къ уголовнымъ преступленіямъ, какъ наказаніе полагается смертная казнь; въ особенности изобилуютъ ею раздѣлы XI и XIV. Если преступленія, за которыя опредѣлялось лишеніе жизни, разбить по группамъ, то по Литовскому Статуту смертная казнь назначалась за слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній: за различнаго рода убійства, нанесеніе ранъ и увѣчій [1]), за прелюбодѣяніе [2]), увозъ жены отъ мужа [3]) и сводничество [4]), за подлоги бумагъ и поддѣлки печатей [5]), за раз-

---

[1]) Статутъ Великаго Князьства Литовскаго 1588 г. (Изд. Имп. москов. общ. ист. и древ. россійскихъ) разд. XI и XII.

[2]) Разд. XIV, ар. 30.

[3]) Ibid. ар. 29.

[4]) Ibid. ар. 31.

[5]) Разд. I, ар. 16, 17.

бой, грабежъ [1]), поджигательство [2]) и простую кражу [3]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что область дѣяній, обличаемыхъ смертною казнью, по Статуту является черезвычайно широкой. Любопытно то обстоятельство, что по Литовскому статуту, равно какъ и въ Запорожьи, наказывалось смертною казнью простое воровство. По Статуту воровство наказывалось лишеніемъ жизни, когда воръ былъ пойманъ съ поличнымъ и стоимость похищеннаго была выше 4 копъ грошей; кражи предметовъ, стоимостью меньше упомянутой цѣны, влекли за собою тѣлесное наказаніе, но когда воръ попадался на этой маловажной кражѣ третій разъ, то подвергался смертной казни [4]).

Въ запорожской сѣчи мы находили почти однородныя опредѣленія: кражи маловажныя наказывались прикованіемъ къ столбу на площади; за „великое же воровство“ или если въ воровствѣ много разъ „приличился“, опредѣлялась смертная казнь“ [5]). Кража маловажная по стоимости, но квалифицированная по качеству похищенныхъ предметовъ, т. е. кража предметовъ, найболѣе необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ или составляющихъ принадлежность снаряженія или хозяйства, какъ по Статуту, такъ и въ Сѣчи, ставилась подъ угрозу наказанія лишеніемъ жизни.

Въ Запорожьи за „едино путо или плеть“ вѣшали на деревѣ, а по Литовскому статуту за кражу „свирни або клети панское, шляхетское и мужицкое виновный имѣетъ быти гирломъ каранъ“ [6]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что простая кража влекла за собою смертную казнь по Литовскому Статуту и въ Сѣчи лишь при рецидивѣ; квалифицированная же кража, даже маловажная по стоимости,—при первомъ совершеніи преступленія. Достаточно этого сопоставленія, чтобы признать на-

---

[1]) Разд. XI, ар. 31, 32.

[2]) Ibid. ар. 18.

[3]) Разд. XIV, ар. 7, 14, 15, 17, 22 и т. д.

[4]) Литовскій Статутъ 1588 г., разд. XIV, ар. 7.

[5]) Мышецкій, исторія, ст. 58; Ригельманъ, лѣт. повѣст. ч. IV, ст. 83.

[6]) Литов. стат. 1588 г., р. XIV, ар. 14.

личность вліянія Статута на характеръ карательной дѣятельности въ Сѣчи.

Область преступныхъ дѣяній, за которыя въ Запорожьи опредѣлялась смертная казнь, была едва ли не больше, чѣмъ въ Литовскомъ Статутѣ. Дошедшіе до насъ акты и лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ, поставленныхъ подъ угрозу наказанія лишеніемъ жизни: убійство козака козакомъ [1]) и убійство вообще [2]), „великое воровство“ и кража вообще, если въ ней кто „много разъ приличится“; блудъ, мужеложство и скотоложство [3]); грабежъ, разбой и гайдамачество [4]); незаконные поступки и оскорбленіе войсковыми старшинами членовъ общины [5]), посягательство на неприкосновенность сѣчеваго имущества [6]), пьянство во время похода [7]), трусость и проигрышъ старшиной сраженія [8]). Кромѣ того, въ историче-

[1]) Мышецкій, Ист., ст. 56.

[2]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., ч. IV, ст. 82: „напереду сего разбойниковъ, *смертоубійцъ*, злодѣевъ и воровъ по состоянію винъ ихъ казнили смертью“.—Устное повѣствованіе запорожца Коржа, ст. 24 (Одес. 1842): „Убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти“.

[3]) Мышецкій, Исторія ст. 58; Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83, ч. I, ст. 17; Грабянка, Исторія през. брани, ст. 19.

[4]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. IV, ст. 83. Матерьялы для исторіи южнорусскаго края въ XVIII ст. ст. 21. (Письмо кошеваго атамана Милашевича къ кіев. генер.-губернатору 17 мая 1743 г.); ст. 137—дѣло о тумахъ (бродягахъ) 1747 г.—Эварницкій, сборникъ матерьяловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб. 1888 г. № LXXIV, ст. 166.

[5]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст. ч. I, ст. 17.: „но и старѣйшинамъ ихъ жить съ опасствомъ съ ними было должно. Ежели бы кто чѣмъ нибудь оскорбилъ ихъ напрасно, тотчасъ предавали поносной смерти или скинутъ по состоянію вины съ начальства“. То же, но въ другой редакціи у Грабянки (Ист. през. бр. ст. 19), у котораго очевидно заимствовалъ Ригельманъ.

[6]) Кіевская Старина 1882 г. Декабрь, ст. 528, 529,—приговоръ большой экстраординарной рады 23 декабря 1764 г.: „на кажду потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться безъ стариковъ до скарбу неподвижнаго войсковаго подъ смертнымъ штрафомъ и кто поступитъ противъ этого войсковаго устава, то горломъ карать и всю худобу его забрать не уважая ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого“.

[7]) Боплянъ, Опис. Укр., ст. 63: „козаки во время похода всегда трезвы и если замѣчается пьяница, атаманъ приказываетъ его выбросить за бортъ“.—Сѣверный архивъ 1824 г., XI, ст. 283—296, Зап. Ад. Крюйса.

[8]) Боплянъ, Описаніе Укр., ст. 61: „козаки робкаго вождя умерщвляютъ, какъ измѣнника и на мѣсто его ставятъ новаго.—Сѣвер. Архивъ, 1824, XI, ст. 283—296:

скихъ памятникахъ мы находимъ еще указаніе на примѣненіе смертной казни также къ лицамъ, не желавшимъ подчиниться рѣшенію большинства при обсужденіи какихъ либо вопросовъ на общихъ радахъ [1]), а также къ тѣмъ козакамъ, которые отказывались отъ предлагаемаго имъ мѣста кошеваго атамана [2]); но надо замѣтить, что если въ этихъ случаяхъ и имѣло мѣсто наказаніе лишеніемъ жизни, то оно носило скорѣе характеръ народной расправы съ непокорными, нежели было наказаніемъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Въ запискахъ Манштейна упоминается еще о томъ, что смертной казни подвергались также всѣ тѣ лица, не исключая даже и кошеваго, которые вели переписку помимо писаря, такъ какъ въ Сѣчи вести таковую имѣлъ право одинъ лишь войсковой писарь [3]); это свидѣтельство Манштейна другими памятниками не подтверждается. Такимъ образомъ преступленія, за которыя въ Запорожьи назначалась смертная казнь, по своему характеру и свойствамъ почти вполнѣ соотвѣтствовали таковымъ же дѣяніямъ, поставленнымъ подъ угрозу смертной казни въ Литовскомъ Статутѣ, за исключеніемъ, конечно, такихъ преступленій, какъ напр. подлогъ и поддѣлка монетъ, которыя не могли имѣть мѣста въ Запорожьи; но за то здѣсь, съ другой стороны, былъ выдвинутъ цѣлый рядъ новыхъ преступныхъ дѣяній, явившихся какъ послѣдствіе военной организаціи и военнаго характера запорожской общины, напр. трусость и т. п.

Широка область и многообразны преступленія, за которыя въ Запорожьи полагалась смертная казнь, но надо думать, что границы ея дѣйствительнаго примѣненія были значительно уже и приговоры о смертной казни фактически часто не приводи-

---

„Самъ атаманъ не безопасенъ при неудачкѣ какого либо похода, ибо таковое несчастіе обыкновенно ему приписывали въ вину и онъ за это платилъ иногда головою".

[1]) Дневникъ Эриха Лассоты, Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Кіевъ 1890 г., вып. I, ст. 168, 173.

[2]) Боплавъ, Описаніе, ст. 60: "если избранный неохотно принимаетъ мѣсто, ему предлагаемое, отговариваясь неспособностью или дряхлостью, ему отвѣчаютъ, что онъ дѣйствительно не достоинъ чести быть козацкимъ предводителемъ и безъ околичностей убиваютъ его".—Сѣвер. Архивъ, 1824 г., XI, ст. 283—296.

[3]) Манштейнъ, Записки о Россіи, ст. 14 (Сп. 1875 г.).

лись въ исполненіе. Къ такому выводу насъ приводятъ нѣкоторыя мѣста изъ памятниковъ, касающихся исторіи Запорожья; такъ, Ригельманъ (Мышецкій) указываетъ въ своемъ лѣтописномъ повѣствованіи, что преступника иногда освобождали отъ наказанія лишеніемъ жизни, когда онъ былъ „храбръ и человѣкъ надежный“ и о немъ „жалѣли цѣлымъ обществомъ“; затѣмъ изъ приговора Коша 1767 г. августа 8 мы видимъ, что нѣкій житель Протовчанской паланки, убившій женщину и изрѣзавшій ножомъ трупъ убитой, хотя за такую „винность и подлежалъ смертной казни“, но въ виду того, что онъ имѣлъ малолѣтнихъ дѣтей и жену, которыя могли остаться „безъ воскормленія“—смертная казнь была замѣнена для него „жестокимъ“ наказаніемъ кіями и отправленіемъ на прежнее жительство на покаяніе [1]). Слѣдовательно, при опредѣленіи размѣра уголовной отвѣтственности за преступленія, принимались во вниманіе не только внѣшняя сторона преступнаго дѣянія, т. е. количество и качество причиненнаго вреда и субъективные моменты виновности, т. е. внутренняя сторона преступнаго дѣянія, но и обстоятельства совершенно постороннія, не имѣвшія никакого отношенія къ преступному дѣянію. При подобномъ взглядѣ на мотивы, опредѣляющіе собою размѣръ уголовной отвѣтственности за преступное дѣяніе, понятно, что замѣна смертной казни другими видами наказаній могла практиковаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ подобные мотивы могли быть всегда на лицо. Съ другой стороны, область примѣненія смертной казни должна была съузиться благодаря давленію русскаго правительства, которое подозрительно смотрѣло въ послѣдній періодъ существованія Запорожья на его черезчуръ обширное самоуправленіе и широкую юрисдикцію въ сферѣ уголовно-карательной дѣятельности. Указомъ 1749 г. марта 13 приговоры о смертной казни, наконецъ, были окончательно запрещены; но тѣмъ не менѣе, не смотря на это запрещеніе, они продолжали приво-

[1]) Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, ст. 164.—Преступныя дѣянія жителей паланокъ подлежали уголовной юрисдикціи Коша.

диться въ исполненіе до самаго конца существованія Сѣчи: „смертная казнь хотя имъ по указу, такъ равно и прочимъ правительствомъ безъ донесенія о дѣлѣ виновато и безъ повелѣнія чинить запрещено было, но однакожъ мертвили“ [1]); и мы видимъ, что даже въ 1770 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до уничтоженія Сѣчи, по распоряженію кошеваго атамана Калнышевскаго, было велѣно козака „вора Зиму“, заслуживающаго смертной казни, „по общему приговору повѣсить тамъ, гдѣ онъ шалости дѣлалъ“ [2]).

Въ XVIII ст. на Украинѣ и въ польскихъ областяхъ начали свирѣпствовать гайдамаки. Широкой волной разливались они по обширному, богатому краю, неся съ собою опустошеніе и оставляя вездѣ кровавые слѣды. Для прекращенія безпорядковъ русское правительство начало принимать самыя энергическія мѣры и поступало съ виновными какъ съ „бунтовщиками, нарушителями общаго покоя, разбойниками и убійцами“ (указъ 24 іюля 1768 г.).

Въ числѣ гайдамакъ, попадавшихъ въ руки правительства, часто находились также и запорожцы, принимавшіе иногда участіе въ вспышкахъ озлобленнаго населенія, покидавшаго семейные очаги для мести, разбоя и грабежа. Попадая въ руки русскаго правительства, они не передавались для сужденія въ Кошъ, а судились на основаніи существующихъ въ Россіи законовъ. Въ отношеніи кіевскаго генер.-губ. Воейкова къ бригадиру Черткову 15 августа 1768 г. предписывалось произвести допросъ содержащимся вмѣстѣ съ гайдамаками запорожцамъ и „формальнымъ образомъ судить“ ихъ по приложенному экстракту указа; въ экстрактѣ же указывалось, что когда преступникамъ „вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее при самомъ исполненіи въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырываніемъ ноздрей, ссылкой въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы“ [3]). Слѣдова-

---

[1]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 82.

[2]) Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, ст. 63.

[3]) Кіевская Старина 1882 г. Августъ, ст. 320 и 321,—Отношеніе кіев. генер.-губ. бригадиру Черткову о допросѣ и отсылкѣ запорожцевъ, содержавшихся въ

тельно, если смертная казнь не примѣнялась къ такимъ преступникамъ, „какъ будучи взяты съ оружьемъ въ рукахъ противъ войскъ Ея Императорскаго Величества не могутъ, конечно, оправдаться ни въ бунтовщичьемъ супротивленіи волѣ и оружію Е. И. В., ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы“ [1]), то нѣтъ сомнѣнія, что русское правительство прилагало съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы прекратить въ Запорожьи примѣненіе смертной казни за преступныя дѣянія, которыя имѣли несомнѣнно менѣе серьезный характеръ, нежели вооруженное сопротивленіе императорскимъ войскамъ.—Что отправленіе уголовнаго правосудія въ Сѣчи дѣйствительно въ послѣднее время находилось до нѣкоторой степени подъ контролемъ русскаго правительства, можно заключить изъ тѣхъ донесеній, которыя посылались изъ Сѣчи имѣвшими въ ней жительство съ гарнизономъ русскихъ войскъ офицерами и касались дѣйствій Коша по искорененію гайдамачества и опредѣленія наказаній виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ [2]).

Наконецъ, что касается вопроса, какого рода преступныя дѣянія влекли за собою тотъ или другой видъ смертной казни, то мы его коснемся при изложеніи видовъ карательныхъ мѣръ, теперь же замѣтимъ, что строгаго разграниченія въ этомъ отношеніи не существовало и видъ смертной казни, опредѣляемой общиной, назначался въ зависимости отъ обстановки преступнаго дѣянія, а также отъ степени субъективной виновности преступника; иногда за одно и то же преступленіе назначалось нѣсколько видовъ наказаній: „убійство также замѣняютъ убійствомъ и убиваютъ преступника до смерти, какая казнь будетъ положена, тоже по приговору начальства“ [3]).

Виды смертной казни. Виды смертной казни по способу ихъ выполненія раздѣляются на двѣ группы: простые и квали-

---

Кременчугѣ, 15 августа 1768 г.; экстрактъ указа въ кіевскую губернскую канцелярію изъ госуд. коллегіи иностр. дѣлъ, 24 іюля 1768 г.

[1]) Ibid., ст. 321.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матер., донош. капитана Межуева 23 октября 1760 г. и 6 марта 1761 г., ст. 166 и 171.

[3]) Уст. повѣст. зап. Коржа ст. 24.

фицированные. Квалифицированныя формы смертной казни въ свою очередь распадаются на квалифицированныя мучительныя, при которыхъ усугубленіе смертной казни направляется прямо на тѣло преступника прибавленіемъ тѣлесныхъ страданій, которымъ подвергался преступникъ до момента лишенія жизни, и квалифицированныя обрядовыя, соединенныя съ различными унизительными и позорными обрядами и церемоніями. Въ Запорожьи существовали всѣ эти виды смертной казни, при чемъ къ числу квалифицированныхъ должны быть отнесены закопаніе въ землю живымъ, повѣшеніе на крюкъ за ребро, посаженіе на колъ и убіеніе при столбѣ кіями... При разсмотрѣніи наказаній, направленныхъ на жизнь и тѣлесную неприкосновенность, бывшихъ болѣе всего въ употребленіи въ Запорожьи сравнительно съ другими видами наказаній, мы для болѣе полнаго освѣщенія запорожской карательной системы, въ общихъ чертахъ будемъ приводить соотвѣтствующіе виды наказаній, примѣнявшихся по Литовскимъ Статутамъ и въ русскомъ правѣ XVII ст. На этомъ столѣтіи мы останавливаемся въ виду того, что XVII ст. было порой, въ которую запорожское войско достигло найбольшаго развитія и процвѣтанія, и тогда именно получили болѣе удачное выраженіе всѣ самобытныя формы наказаній, еще свободныхъ отъ чуждыхъ имъ по духу вліяній.

а) *Закопаніе живымъ въ землю* [1]). Этотъ жестокій видъ смертной казни, надо полагать, былъ вообще мало роспространенъ даже и въ этотъ суровый вѣкъ. Ни въ судебныхъ, ни въ историческихъ актахъ, относящихся къ исторіи Запорожья, никакихъ указаній на существованіе въ немъ этой формы смертной казни мы не находимъ; упоминаютъ лишь о ней Мышецкій, Ригельманъ и англійскій резидентъ въ Петербургѣ Клавдіусъ Рондо въ донесеніи 1736 г. Лорду Гаррингтону. Надо думать, что закопаніе живымъ въ землю примѣнялось сравнительно рѣдко и къ концу существованія Сѣчи совершенно исчезло, такъ

[1]) M. Lesur. Histoire de kosaques, t. I, p. 294.: „Chez ces farouches guerriers le meurtrier d'un de ses compagnons était enterré vivant couché sur le cadavre". — A. W. Hupel, Von den Kozaken (Riga 1790) p. 205—223. „Wenn ein kozak den andern erschlug so wurde er mit dem erschlagenen lebendig begraben.

какъ, въ противномъ случаѣ, мы несомнѣнно нашли бы указанія на него въ воспоминаніяхъ зопорожца Коржа. Кромѣ того, это же мнѣніе подтверждается и Ригельманомъ; при перечисленіе видовъ наказаній, которымъ подвергались преступники, онъ указываетъ, что „по состоянію винъ ихъ казнили смертью, вѣшали и подъ гробъ убитаго въ могилу клали и у столба убивали, что и до разрушенія ихъ ту послѣднюю кару дѣлывали“ [1]). Останавливаясь на редакціи этой выписки, слѣдуетъ прійдти къ заключенію, что передъ разрушеніемъ Сѣчи, закопаніе живымъ въ землю вышло уже изъ употребленія. Какъ самый грубый, жестокій видъ смертной казни, закопаніе живымъ въ землю назначалось за одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, а именно за убійство козака козакомъ. „Главная вина у нихъ почитается, ежели козакъ козака убьетъ до смерти, то убійцу живаго кладутъ въ гробъ убіеннаго и обоихъ землею засыпаютъ“ [2]). Указаніе англійскаго резидента Рондо и Ригельмана по этому предмету являются болѣе неопредѣленными. Изъ повѣствованія Ригельмана можно вывести заключеніе, что закопаніе живымъ въ землю примѣнялось „по состоянію винъ ихъ“ ко всѣмъ разбойникамъ и смертоубійцамъ безразлично [3]); Рондо же прямо указываетъ, что этотъ видъ смертной казни назначался всѣмъ убіцамъ вообще [4]). Такимъ образомъ изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что, если этотъ видъ смертной казни и не назначался за всѣ тѣ преступленія, которыя перечисляетъ Ригельманъ, то во всякомъ случаѣ онъ опредѣлялся за всякое убійство безразлично. Но подобное заключеніе было бы неправильнымъ. Если мы примемъ во вниманіе, что самая строгая форма казни должна была назначаться за самое тяжкое преступленіе, каковымъ въ дѣйствительности и было убійство ко-

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., ст. 82.

[2]) Мешецкій, Исторія, ст. 56, 57.

[3]) Ригельманъ, ibid., „разбойниковъ, смертоубійцъ, злодѣевъ и воровъ по состоянію винъ ихъ казнили смертью, вѣшали и подъ гробъ убитаго въ могилу клали“...

[4]) Кіевская Старина, 1889 г. № 11, ст. 445. Англійское извѣстіе о запорожцахъ 1736 г.: „обнаруживъ убійцу, выкапываютъ яму, кладутъ убитаго на убійцу и зарываютъ ихъ рядомъ“.

зака козакомъ, такъ какъ этимъ преступнымъ дѣяніемъ нарушался основной принципъ организаціи Сѣчи—братство и товарищество, что выраженія „смертоубійца, убійца“ должны именно означать убійство козака козакомъ, такъ какъ Сѣчь состояла исключительно лишь изъ козаковъ и убійство другихъ лицъ при разбояхъ и грабежахъ влекло за собою, какъ мы увидимъ ниже, наказаніе болѣе мягкаго характера, то должны будемъ остановиться на томъ предположеніи, что закопаніе живымъ въ землю опредѣлялось исключительно лишь за убійство козака козакомъ какъ за самое тяжкое преступное дѣяніе. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ Lesur и Hupel.

Что касается способа совершенія этого наказанія, то подробнаго описанія обряда казни у лѣтописцевъ мы не находимъ. Изъ приведенныхъ выше отрывковъ видно, что убійцу вмѣстѣ съ убитымъ клали въ могилу и затѣмъ зарывали ихъ землею.— Мышецкій указываетъ на нѣсколько другую форму производства казни: убійцу предварительно клали въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ, а затѣмъ уже зарывали гробъ въ могилѣ [1]).

О существованіи этого вида смертной казни въ Московской Руси упоминаютъ нѣкоторые изъ иностранцевъ (Petrejus, Перри), но Сергѣевскій полагаетъ, что это наказаніе употреблялось тамъ скорѣе какъ форма народной расправы, а не какъ установленный закономъ видъ смертной казни [2]). Но тамъ существовалъ другой видъ смертной казни, близко граничившій съ зарытіемъ живымъ въ землю, а именно—*окопаніе въ землю по плечи*. Это наказаніе опредѣлялось женамъ за убійство мужей; оно практиковалось въ довольно обширныхъ размѣрахъ и сохранилось до 1740 г. [3]).

---

[1]) При отсутствіи положительныхъ документальныхъ свѣдѣній о существованіи этого рода казни въ запорожьи и въ виду характера источниковъ, въ которыхъ встрѣтились приводимыя указанія, мы полагаемъ, что, впредь до открытія неоспоримыхъ документальныхъ свидѣтельствъ, мы въ правѣ сомнѣваться въ томъ, что показанія Лесюра, Рондо, Мышецкаго и Ригельмана основаны на дѣйствительности, и полагаемъ, что они могутъ быть, скорѣе заимствованы изъ бродячей, общей многимъ народамъ легенды.—Ред.

[2]) Н. Д. Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Сп. 1887, ст. 104.

[3]) ibid. ст. 108—111.

Въ Литовскомъ Статутѣ о зарытіи живымъ въ землю не упоминается; за преступленія болѣе тяжкаго характера Статутомъ опредѣлялись наказанія еще болѣе мучительныя, которыя въ Сѣчи совершенно не были въ употребленіи, какъ то: четвертованіе и сожженіе [1]).

б) *Повѣшеніе.* Оно было одно изъ самыхъ употребительныхъ видовъ смертной казни, и относительно его мы находимъ въ памятникахъ многочисленныя указанія. Смертная казнь черезъ повѣшеніе опредѣлялась за слѣдующія преступленія: кражу лошадей и скота [2]); воровство „малое“ („если бы кто хотя мало, какъ то путо или плеть у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ“); „великое воровство и кто много разъ приличился, такихъ, бравъ отъ столба вѣшаютъ“ [3]); покупку краденаго и принятіе краденаго на сохраненіе [4]); разбой и грабежъ [5]); гайдамачество [6]). Такъ какъ разбой, грабежъ и вообще гайдамачество сопровождалось большею частью убійствомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что повѣшеніе примѣнялось и къ этому виду преступныхъ дѣяній [7]). Относительно примѣненія въ Запорожьи этой формы смертной казни находятся еще указанія въ документахъ, приведенныхъ Скальковскимъ въ Исторіи новой сѣчи [8]).

Область примѣненія повѣшенія была очень широка, и оно сохранилось до самаго паденія сѣчи. Если обратимъ вниманіе

---

[1]) Литовскій Статутъ 1588 г., разд. XI, ар. 7, 9, 16, 17, 18 и 1—д; Разд. I, ар. 16, 17.

[2]) Матерьялы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII ст., ст. 21; письмо кошеваго Милашевича къ кіев. генер.—губ. Леонтьеву 27 Мая 1743 г.—Эварницкій Сборникъ матерьяловъ, № LXXVIII, ст. 171; доношеніе капитана Межуева 6 марта 1761 г.

[3]) Мышецкій, Исторія, стр. 57.

[4]) Ibid. стр. 58: Вѣроятно лицамъ, виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ, опредѣлялась смертная казнь въ томъ случаѣ, когда они уличались въ такомъ преступленіи неоднократно.

[5]) Матеріалы для ист. юж. рус. края въ XVIII ст., ст. 137 (дѣло о тумахъ 1747 г.).

[6]) Эварницкій, сборн. матер., ст. 166; доношеніе капитана Межуева 23 октября 1760 г.

[7]) Надхинъ, память о запорожьи, ст. 54 (Мос. 1877 г.).

[8]) Ист. нов. сѣчи, ст. 63, 71, 78, 166.

на краткій перечень преступныхъ дѣяній, приведенный нами сейчасъ, то должны будемъ прійти къ заключенію, что повѣшеніе опредѣлялось почти исключительно за преступленія противъ собственности; но съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ перечисленныя выше дѣянія влекли за собой часто и другіе виды наказаній, преимущественно битье кіями у столба.

Такимъ образомъ, точнаго разграниченія преступныхъ дѣяній и наказаній, которыми они облагались, не было, хотя надо думать, что нѣкоторая группировка въ этомъ отношеніи существовала; это подтверждается Коржемъ, который говоритъ, что преступниковъ „казнятъ въ Сѣчи или по паланкамъ, смотря по преступленіямъ: иныхъ вѣшаютъ на шибеницу, иныхъ убиваютъкіями до смерти, иныхъ сажаютъ на пали, а иныхъ отсылаютъ въ Сибирь“ [1]).

Кромѣ преступленій противъ собственности, повѣшеніемъ наказывались также и преступленія противъ нравственности. „За блудодѣяніе ихъ междуусобное, наказывались они такъ, какъ и за воровство домашнее“ [2]); воровство же домашнее, какъ мы видѣли раньше, влекло за собою повѣшеніе. Въ другомъ мѣстѣ указанія Ригельмана относительно этого преступленія не представляются столь опредѣленными: „воровство и блудъ не терпѣли, и если бы кто хотя мало, какъ то путо или плеть у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ“ [3]). Хотя изъ этойредакціи трудно заключить, относится ли повѣшеніе и къ блуду, но весь мавѣроятно, что здѣсь является просто неполнота въ изложеніи,которая можетъ быть восполнена вышеприведенной выдержкой.

Если обратимся теперь къ литовскимъ правамъ, то увидимъ, что статуты великаго княжества Литовскаго имѣли несомнѣнное вліяніе на характеръ наказаній именно за преступленія противъ собственности. Для наглядности приведемъ здѣсь нѣсколько статей изъ этихъ статутовъ. Въ статутѣ 1492 года Казиміра Ягеллончика [4]), смертная казнь черезъ повѣшеніе назначалась за слѣдующія, напримѣръ, преступныя дѣянія про-

[1]) Уст. повѣст. зап. Коржа, ст. 24.

[2]) Ригельманъ, лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 72.

[3]) Ibid., ч. I, ст. 17;—Грабянка, Ист. през. бр., ст. 19.

[4]) Zbior praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529 Poznań 1841).

тивъ собственности: когда татя приводили съ лицомъ (поличнымъ) [1]); за кражу домашнихъ вещей на сумму болѣе полтины, если бы даже эта кража была первой [2]); за первую большую татьбу, наприм.—если была похищена лошадь и преступникъ приведенъ съ поличнымъ [3]). Въ Литовскомъ Статутѣ 1529 года этотъ же видъ смертной казни опредѣлялся за вторичную кражу предметовъ стоимостью хотя и меньше 10 грошей, но когда воръ былъ пойманъ съ поличнымъ [4]) и вообще когда „злодѣй будетъ пойманъ на злодѣйствѣ“ (воровствѣ) [5]). Если теперь сравнить эти постановленія съ тѣми преступными дѣяніями, приведенными выше, которыя облагались въ Запорожьи смертной казнью черезъ повѣшеніе, то нельзя не признать, что опредѣленія Литовскихъ статутовъ отразились въ сѣчевыхъ правовоззрѣніяхъ на характеръ наказуемости именно этого вида преступныхъ дѣяній.—Въ Литовскомъ статутѣ 1588 года опредѣленія наказаній за преступленія противъ собственности носитъ неопредѣленный характеръ; артикулы не дѣлаютъ ссылки ни на ту или другую форму наказаній, а выражаются прямо общей фразой: „горломъ каранъ будетъ“ [6]). Хотя видъ смертной казни и не опредѣленъ здѣсь безусловно, но, имѣя въ виду постановленія предъидущихъ артикуловъ, надо полагать, что и по статуту 1588 г. за эти преступленія назначалось также повѣшеніе.

Повѣшеніе въ эту эпоху примѣнялось и въ Московской Руси. Оно назначалось за различнаго рода преступленія, напр., за измѣну, возстаніе; затѣмъ назначалось ворамъ, разбойникамъ и татямъ, которые... „довелись смертной казни“ [7]).

Что касается способа совершенія казни, то указанія на него находятся у Коржа и Ригельмана. Шибеницы (висѣлицы) устраивались почти во всѣхъ паланкахъ въ различныхъ мѣстахъ,

---

[1]) Ibid. ар. II, ст. 37, 38.
[2]) Ibid. ар. XV, ст. 47.
[3]) Ibid. ар. XVI, ст. 47.
[4]) Ibid. ар. I, ст 376.
[5]) Ibid. ар. XII, ст. 384.
[6]) Лит. стат. 1588 г. р. XIV, ар. 7, 14, 22.
[7]) Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ XVII ст. ст. 101.

преимущественно на большихъ дорогахъ [1]) и вообще внѣ городовъ и селеній: „а когда надобно было злодѣевъ казнить, то довбышъ съ командою выходя за городъ...“ [2]). За неимѣніемъ висѣлицъ вѣшали на деревьяхъ [3]). Въ видахъ устрашенія преступниковъ часто вѣшали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ими были совершены преступленія, какъ это мы видѣли изъ приведенной выше выдержки изъ письма кошеваго Калнишевскаго (11 авг. 1770 г.). Повѣшеніе производилось тремя способами:

1) *простымъ*, нормальнымъ; преступника садили на лошадь верхомъ и подвозили его къ висѣлицѣ или дереву, избранному для повѣшенія, и, накинувши ему петлю на шею, лошадь ударяли плетью; лошадь выводилась такимъ образомъ изъ подъ преступника и преступникъ оставался на висѣлицѣ [4]). Старикъ Россолода въ своихъ воспоминаніяхъ о запорожцахъ разсказываетъ еще о другомъ способѣ этой же казни: „къ висѣлицѣ приставляли лѣстницу, поднимали на ней преступника, а затѣмъ, накинувши ему на шею веревку, лѣстницу отнимали“ [5]).

2) *за ноги*—внизъ головою; объ этомъ видѣ повѣшенія упоминаетъ одинъ лишь Коржъ [6]).

3) квалифицированная форма повѣшенія, — *повѣшеніе за ребро на гакъ* (крюкъ). Объ этомъ видѣ повѣшенія упоминается у Коржа [7]) и у Клавдіуса Рондо [8]), кромѣ того память о немъ сохранилась въ народныхъ преданіяхъ [9]).

Коржъ по поводу этой формы казни говоритъ слѣдующее: преступника вѣшали за ребро на желѣзный крюкъ, и онъ оставался въ такомъ положеніи, пока не умиралъ и кости его не разсыпались; это дѣлалось въ примѣръ и страхъ другимъ, и

---

[1]) Уст. повѣст. Коржа, ст. 24.

[2]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ст. 83.

[3]) Ibidem.

[4]) Повѣст. Коржа, ст. 25, Ригельманъ, Лѣт. пов., ст. 83.

[5]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, ч. II, ст. 29 (Сп. 1888).

[6]) Коржъ, ст. 25.

[7]) Ibidem.

[8]) Кіевская Старина. 1889 г. № 11445 (донес. Клав. Рондо).

[9]) Надхинъ, Память о запорожьи, ст. 54.

снять его съ крюка никто не смѣлъ подъ угрозой смертной казни. Упоминаемый у Надхина случай, сохранившійся въ народныхъ преданіяхъ, относится къ числу черезвычайныхъ: здѣсь на роднаго отца была возложена жестокая, ужасная обязанность „на гакъ зачепыты“ своего сына собственною рукою. За какія именно преступленія назначалось это наказаніе, изъ памятниковъ не видно; Клавдіусъ Рондо утверждаетъ, что вѣшали за ребро на крюкъ за воровство. Если это и было такъ, то по всей вѣроятности оно назначалось за самые тяжкіе, квалифицированные виды воровства или, вѣрнѣе сказать, за найболѣе тяжелыя формы преступленій противъ собственности, соединенныхъ съ посягательствомъ на личность человѣка, напр., разбой, грабежъ. Это наказаніе, надо думать, употреблялось очень рѣдко, въ черезвычайныхъ случаяхъ и вѣроятно къ концу существованія сѣчи совершенно исчезло, иначе мы непремѣнно встрѣтили бы указаніе на него у Ригельмана, хорошо знавшаго запорожье. До Коржа оно могло дойти по преданію, а кромѣ того, весьма вѣроятно предположеніе, что этотъ видъ смертной казни употреблялся во время разгара страстей при ожесточенной, кровавой борьбѣ съ поляками, когда злоба и чувство непримиримой ненависти не останавливались ни передъ чѣмъ, лишь бы только отомстить за тѣ жестокія варварскія казни, которымъ подвергались въ Варшавѣ и другихъ польскихъ городахъ ихъ лучшіе воины, попадавшіе въ плѣнъ къ полякамъ.

Въ литовскомъ правѣ о повѣшеніи за ребро не упоминается. Въ русскомъ правѣ XVII столѣтія оно примѣнялось рѣдко, но въ XVIII столѣтіи о немъ упоминается уже довольно часто: такъ, объ этомъ наказаніи говорится въ инструкціи 24 декабря 1719 г. для искорененія разбойниковъ (эта же инструкція повторяется въ указѣ 1731 г.); кромѣ того, оно примѣнялось Стенькой Разинымъ и при усмиреніи Пугачевскаго бунта. Повѣшеніе за ребро опредѣлялось для „вящихъ воровъ и разбойниковъ, а особенно тѣхъ, кои чинили смертныя убивства и мученія“, а кромѣ того, оно примѣнялось также къ бунтовщикамъ [1]). Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ

[1]) Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ XVII ст., ст. 122—124.

этой казни, приведемъ описаніе совершенія ея изъ книги Сергѣевскаго „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII ст.“.

„Повѣшеніе за ребро, говоритъ Сергѣевскій, производилось посредствомъ желѣзнаго крюка, который прикрѣплялся къ висѣлицѣ, имѣвшей форму глаголя. Крюкъ вонзался осужденному въ бокъ, между ребрами, продѣвался подъ одно ребро и высовывался острымъ концомъ наружу. Повѣшенный такимъ образомъ долженъ былъ висѣть бокомъ и изогнувшись пополамъ—голова и ноги внизъ,—средина туловища кверху“ [1]). Такимъ же способомъ производилась эта казнь вѣроятно и въ Запорожьи.

в) *Посаженіе на колъ* (острая „паля“) было одной изъ обыкновенныхъ и древнѣйшихъ формъ смертной казни. На примѣненіе его въ обширныхъ размѣрахъ у древнихъ славянъ указываютъ нѣкоторые изъ византійскихъ историковъ; такъ, Левъ Діаконъ говоритъ, что во время похода Святослава въ Болгарію эта казнь примѣнялась къ плѣннымъ [2]). Свидѣтельство Діакона относительно существованія этого наказанія у славянъ подтверждается и Прокопіемъ [3]). Въ Запорожьи посаженіе на колъ употреблялось вѣроятно съ первыхъ же годовъ существованія Сѣчи, такъ какъ объ этомъ видѣ наказанія упоминаетъ уже Бопланъ [4]). Затѣмъ дальнѣйшія извѣстія объ этомъ наказаніи мы находимъ у Ригельмана [5]), Коржа [6]) и въ запискѣ Кре-

---

[1]) Ibid., ст. 123.

[2]) Исторія Льва Діакона Калойскаго (Сп. 1820); кн. VI, ст. 65: „Святославъ надменный одержанными побѣдами надъ Мисянами, исполненный варварской своей гордости, устрашившій и изумившій ихъ врожденной своею свирѣпостью (сказываютъ, что онъ, взявши городъ Филиппополь, жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ пересажалъ на колъ 20,000 человѣкъ плѣнныхъ и тѣмъ устрашивъ ихъ, заставилъ себѣ повиноваться)“...

[3]) Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, ст. 156, 157, приводитъ выписку изъ Прокопія: „И долго вся Иллирія и Ѳракія были покрыты трупами. Встрѣчныхъ они убивали не мечемъ, ни копьемъ, ни другимъ какимъ либо оружіемъ, но сажали несчастныхъ на колъ“....

[4]) Бопланъ, Опис. Укр., ст. 61: „власть гетмана неограниченна; онъ имѣетъ право наказывать преступниковъ смертью или сажать на колъ“.

[5]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 82: „... и на колъ живыхъ сажали“.

[6]) Уст. повѣст. запор. Коржа, ст. 25.

мянскаго [1]). Весьма возможно, что на появленіе этого наказанія въ Запорожьи имѣло вліяніе то обстоятельство, что посаженіе на колъ было одной изъ употребительныхъ казней у татаръ [2]), съ которыми запорожцы находились всегда въ тѣсномъ соприкосновеніи.

Острая „паля“ или колъ представлялъ собою деревянный столбъ вышиною въ 6 аршинъ и болѣе, на верху котораго укрѣплялся желѣзный шпиль въ два аршина длины. Посаженіе на колъ производилось слѣдующимъ образомъ: на желѣзный шпиль укрѣпленнаго вертикально столба насаживали преступника такимъ образомъ, что шпиль выходилъ изъ затылка на полъ аршина выше головы; посаженный на колъ преступникъ оставался въ такомъ положеніи, пока „не высохнетъ и не выкоренится, по словамъ Коржа, какъ вяленая рыба; такъ что когда вѣтеръ повѣетъ, то онъ крутится кругомъ, какъ мельница и тарахтятъ всѣ его кости, пока упадутъ на землю“ [3]). Память объ этой жестокой, варварской, мучительной казни, производившей несомнѣнно глубокое впечатлѣніе на народъ, долго еще жила въ преданіяхъ народныхъ и дошла еще до Надхина, который разсказываетъ объ одномъ изъ случаевъ примѣненія этого наказанія. Къ посаженію на колъ былъ приговоренъ нѣкто Каленикъ. Будучи посаженъ на колъ, три дня онъ оставался тамъ живъ и, испытывая невыносимыя страданія, обращался постоянно съ просьбой дать ему испить воды; но его просьбы были тщетны; никто подъ страхомъ смертной казни не рѣшался исполнить его просьбу. Тѣло его оставалось послѣ смерти въ такомъ положеніи 6 дней и до того высохло, что при небольшомъ вѣткѣ вертѣлось на колѣ, какъ дѣтская мельница [4]).

Многочисленныя свидѣтельства лѣтописцевъ, а въ особенности то обстоятельство, что объ этомъ наказаніи упоминаютъ

[1]) Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. (Одесса 1867), т. VI, ст. 646: „и иногда на колъ сажали“ (Записки протоіерея Кремянскаго 17 окт. 1836 г.).

[2]) Ibid.; т. XI (Одесса 1879 г.) стр. 482; Описаніе татаръ Жака де-Мопа: „убійцъ у нихъ сажаютъ на колъ“.

[3]) Коржъ, ст. 25.

[4]) Надхинъ. Память о запорожьи, ст. 53.

Ригельманъ и Коржъ, указываютъ на то, что оно сохранилось до самаго конца существованія Сѣчи и примѣнялось вѣроятно запорожцами въ довольно широкихъ размѣрахъ во время борьбы съ поляками.

За какія именно преступныя дѣянія назначалось посаженіе на колъ, неизвѣстно, такъ какъ въ памятникахъ по этому предмету указаній никакихъ не имѣется. Въ „Запорожской Старинѣ“ [1]) между прочимъ упоминается, что посаженіе на колъ опредѣлялось за третью кражу; по словамъ автора около посаженнаго на колъ клали „качалку“, т. е. дубинку, которой каждый проходящій долженъ былъ ударить преступника три раза.— Это извѣстіе довѣрія не заслуживаетъ; и вѣроятно авторъ смѣшалъ здѣсь посаженіе на колъ съ битіемъ кіями у столба, которое, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно сопровождалось церемоніей, сходной съ вышеуказанной.

Въ русскомъ правѣ посаженіе на колъ практиковалось въ XVI, XVII и въ началѣ XVIII ст.; преимущественно оно примѣнялось къ измѣнникамъ и бунтовщикамъ, и въ особенности часто о немъ упоминается въ документахъ относящихся къ смутному времени. У Сергѣевскаго находится описаніе посаженія на колъ, сходственное съ описаніемъ Коржа [2]). Посаженіе на колъ имѣло мѣсто и въ литовскомъ правѣ; по Статуту 1588 г. за убійство или нанесеніе ранъ „здрадливымъ потаемнымъ обычаемъ“ шляхтичу шляхтичемъ было опредѣлено карать „смертью четвертованіемъ, або на паль битьемъ карать“ [3]).

2) *Утопленіе* преступниковъ практиковалось, кажется. въ довольно широкихъ размѣрахъ; хотя ни въ судебныхъ, ни въ историческихъ актахъ объ этомъ видѣ наказанія не упоминается, но существованіе его въ Запорожьи несомнѣнно подтверждается, какъ записками современниковъ, такъ и малороссійскими лѣтописями.—Первое извѣстіе объ утопленіи, какъ о формѣ наказанія, мы находимъ у Боплана [4]): „козаки во время похода всегда

---

[1]) Запорожская Старина (Харьк. 1833) ч. I, примѣч. 12, ст. 77.

[2]) Сергѣевскій, Наказаніе въ рус. правѣ XVII ст., ст. 112—113.

[3]) Литовскій Статутъ 1588 г. Р. XI, ар. 17, стр. 295.

[4]) Описаніе Украины, ст. 63.

трезвы, и если замѣчается пьяница—атаманъ приказываетъ его выбросить за бортъ"; это же извѣстіе подтверждается и вице-адмираломъ Крюйсомъ [1]). Затѣмъ на примѣненіе этого наказанія находятся указанія въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

Въ 1618 г. въ февралѣ мѣсяцѣ 15 запорожскихъ козаковъ „официяла митрополичаго, а по нашему протопопу, который былъ посланъ отъ митрополита Ипатія Потѣя до Киева на протопопство, Антонія Грековича, который присталъ до римскаго костела и хотѣлъ увязаться у монастырь св. Михайла Златоверхаго, поймавши козаки тамъ же противъ Выдубицкаго *подъ мостъ подсадили воды пити*" [2]).

Эрихъ Лясота, посланный императоромъ австрійскимъ Рудольфомъ II, къ запорожцамъ для заключенія условій о наймѣ ихъ на службу къ императору, разсказываетъ, что когда онъ прибылъ въ Сѣчь и представилъ въ общей радѣ письменное порученіе о вербовкѣ войскъ, то запорожцы для обсужденія сдѣланнаго предложенія раздѣлились на два „кола"—одно, состоявшее изъ старшины, другое—изъ простыхъ козаковъ; когда простые козаки послѣ долгихъ совѣщаній выразили наконецъ желаніе поступить на службу къ императору, то немедленно бросились къ другому колу—старшинѣ съ угрозой *„бросить въ воду и утопить* каждаго, кто будетъ противъ этого мнѣнія" [3]). Затѣмъ, когда предложеніе Лясоты было вновь подвергнуто обсужденію на радѣ, то нѣкоторые изъ запорожцевъ, недовольные ходомъ дѣла, начали обвинять спутника Лясоты Хлопицкаго въ сдѣланныхъ имъ ложныхъ предложеніяхъ и высказывали намѣреніе „бросить его въ воду" [4]). Эти свидѣтельства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что къ этому наказанію запорожцы прибѣгали довольно часто. Что утопленіе въ эту эпоху было наказаніемъ обычнымъ и довольно распространеннымъ

[1]) Сѣверный Архивъ 1824 г., XI, ст. 283—296.

[2]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Кіевъ 1888 г.) Кіевская лѣтопись 1241—1621 г., ст. 85.

[3]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. (Кіевъ 1890); вып. I, Дневникъ Эриха Лясоты изъ Стеблева, ст. 168.

[4]) Ibid. ст. 173.

подтверждается и тѣмъ, что оно примѣнялось вообще на Украинѣ во время недоразумѣній соціальнаго и политическаго характера; на это указываетъ борьба кіевскихъ мѣщанъ съ ихъ войтомъ Ѳеодоромъ Ходыкой въ началѣ XVII в.; борьба эта велась сперва спокойно и глухо, но по мѣрѣ того, какъ страсти горожанъ разгорались, борьба эта начала принимать болѣе острый характеръ и въ концѣ концовъ разрѣшилась тѣмъ, что Ходыка былъ „*подъ ледъ посаженъ воды пить*“ [1]).

Доказательствомъ упомянутаго выше положенія можетъ также служить документъ, содержащій въ себѣ приговоръ, постановленный магистратомъ г. Выжвы по дѣлу, возникшему между членами „парубоцкаго братства“. Братчики жаловались на то, что одинъ изъ ихъ среды, получивъ отказъ отъ дѣвушки, не захотѣлъ уплатить братчикамъ установленнаго обычаемъ выкупа на братскую свѣчу; „когда же братчики въ наказаніе, слѣдуя обычаю, бросили его въ воду, то онъ нанесъ нѣкоторымъ изъ нихъ побои, а другихъ обругалъ“. Хотя здѣсь еще не видно утопленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе обычай и парубоцкаго братства близко граничилъ съ этой формой наказанія.

Въ широкихъ размѣрахъ утопленіе практиковалось во время козацкихъ возстаній по отношенію къ жертвамъ народной ненависти—жидамъ и полякамъ. При ожесточенной, кровавой борьбѣ, когда таящіяся въ душѣ человѣка чувства глухой мести и глубокой ненависти прорываются, наконецъ, наружу и въ своей грандіозной всепоглощающей силѣ ищутъ немедленнаго удовлетворенія и полнаго насыщенія, эта форма народной расправы является наиболѣе удобной и соотвѣтствующей, такъ какъ здѣсь заразъ охватывается большое количество жертвъ, мученія и страданія коихъ до извѣстной степени могутъ успокоить разгорѣвшіяся народныя страсти.

Изъ приведенныхъ выше случаевъ утопленія мы видимъ, что оно назначалось за пьянство во время морскихъ походовъ

[1]) Каманинъ и Истоминъ, Сборникъ историческихъ матерьяловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива при унив. св. Владиміра. (Кіевъ 1890), вып. I, ст. 52.

(это наказаніе здѣсь вполнѣ соотвѣтствовало обстановкѣ, не требуя остановокъ и какихъ либо приготовленій), за измѣну православной церкви (случай съ протопопомъ Грековичемъ; здѣсь наказаніе скорѣе носило характеръ народной расправы), наконецъ оно примѣнялось во время несогласій при обсужденіи на радахъ вопросовъ, касавшихся интересовъ всего войска запорожскаго. Вѣроятно это же наказаніе въ зависимости отъ обстановки, условій мѣста и времени примѣнялось къ различнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, когда обстоятельства дѣла или народное чувство требовало немедленнаго приведенія смертнаго приговора въ исполненіе. Слѣдуетъ еще здѣсь замѣтить, что, какъ это видно изъ всего вышеизложеннаго, къ единичнымъ лицамъ эта форма смертной казни примѣнялась рѣдко, большею частью она употреблялась тогда, когда надобно было исполнить приговоръ о смертной казни надъ большимъ количествомъ лицъ.

Относительно способа производства самой казни никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ; надо думать, что преступниковъ прямо бросали въ воду безъ какихъ либо предварительныхъ обрядовъ и приготовленій, а можетъ быть, подобно тому какъ и у донскихъ козаковъ, къ преступникамъ привязывали какія нибудь тяжести и въ такомъ уже видѣ бросали ихъ въ воду [1]).

Примѣнялось ли утопленіе по литовскому праву до изданія статута 1588 г., неизвѣстно, но по статуту 1588 г. этотъ видъ наказанія, соединенный какъ съ мучительной, такъ и съ обрядовой квалификаціей, примѣнялся за преступленіе, которое и нынѣшнимъ законодательствомъ признается однимъ изъ самыхъ тяжкихъ, а именно—за убійство отца или матери; такой преступникъ „смертью ганебною маетъ каранъ быти, по рынку возечи клещами тело торгати, а потомъ въ мехъ скуриный всадивши до него пса, кура, ужа, и котку и тое все посполу въ мехъ всадивши и зашить и где наглубей до воды утопити“... [2]).

---

[1]) Ригельманъ, Исторія о донскихъ козакахъ 1778 г. (Москва 1846), ст. 10: „на преступниковъ, подлежавшихъ смерти, надѣвали мѣшки, которые наполняли пескомъ и каменьями, и такъ бросали ихъ въ воду“...

[2]) Лит. статутъ 1588 г., разд. XI, ар. 7,

По статуту 1529 г. [1]) за это преступленіе прямо закономъ утопленіе не назначалось; статутъ выражался лишь общей фразой, что такіе убійцы „горло и честь тратятъ“; Czacki [2]) же замѣчаетъ, что они подвергались самой строгой казни, но въ чемъ она заключалась—не извѣстно; можетъ быть, утопленіе въ томъ видѣ, какъ оно изложено выше, употреблялось уже и въ это время.—

У сосѣдей запорожцевъ, у донскихъ козаковъ въ эту эпоху, какъ утверждаетъ Ригельманъ, утопленіе примѣнялось очень часто; кромѣ „преступниковъ, подлежавшихъ смерти“, оно опредѣлялось женщинамъ за „продерзости, чужеложство и иныя вины“. Осужденнымъ связывали руки и ноги, посыпали за рубашку песку или же просто навязывали камень и затѣмъ ихъ „метали въ воду и топили“ [3]). Въ русскомъ правѣ XVII ст. утопленіе практиковалось въ широкихъ размѣрахъ, когда казни производились массами. Къ отдѣльнымъ преступникамъ оно примѣнялось рѣдко, по крайней мѣрѣ на это рѣдки указанія историческихъ памятниковъ [4]).

д) *Разстрѣляніе.* Объ этомъ видѣ смертной казни въ историческихъ памятникахъ, въ запискахъ и лѣтописяхъ современниковъ мы находимъ лишь самыя неопредѣленныя свидѣтельства, поэтому надо полагать, что разстрѣляніе или совсѣмъ не употреблялось въ Запорожьи, или если иногда и примѣнялось, то только въ экстренныхъ, черезвычайныхъ случаяхъ и носило характеръ случайный. Единственное указаніе на примѣненіе этой формы смертной казни мы находимъ лишь у Окольскаго и въ Межигорской лѣтописи [5]). Послѣ низложенія То-

[1]) Zbior praw Litowskich, ст. 286, разд. VII, ар. XIV.

[2]) Czacki, o Litewskich i polskich prawach (Warsch. 1801) ст. 123, разд. VII, ар. 4.

[3]) Ригельманъ, Исторія о донскихъ козакахъ, ст. 9, 10.

[4]) Сергѣевскій. Наказ. въ рус. правѣ, ст. 102—103.

[5]) Okolski, Dyarysz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637 (Krak. 1858): „bez wszelkiego miłosierdzia i respectu, okrutnie na błoniu przed miastem hetmana z pisarzem wojskowym porozstrzelali“...

Сборникъ лѣтописей, относящ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ 1888), Межигорская лѣтопись 1608—1700, ст. 96: „въ 1636 року разстрѣлянъ былъ отъ запорожцевъ гетманъ Савва Москаль и Оношкевичъ“.

Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій, ч. I, ст. 134, 135.

миленка старшинство перешло къ переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу; Павлюкъ, предводитель возставшихъ козаковъ, узнавши объ этомъ, послалъ отрядъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Карпа Скидана и Семена Быховца съ цѣлью схватить Кононовича; Скиданъ дѣйствительно внезапно налетѣлъ на Переяславъ, гдѣ въ это время находился Кононовичъ, схватилъ его вмѣстѣ съ писаремъ Онушкевичемъ и привезъ ихъ въ Крыловъ, гдѣ они были по приказанію Павлюка разстрѣляны.

Отрывочные указанія на существованіе этого наказанія въ Запорожьи передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ старикъ Россолоди; онъ говоритъ, что между прочимъ: „изъ пистоливъ разстрѣлювали; выхопыть пистоль, бацне у грудь, отъ ему и капутъ,—це за измину“ [1]).

Въ литовскихъ статутахъ о разстрѣливаніи совсѣмъ не упоминается; въ русскомъ же правѣ до введенія воинскихъ артикуловъ Петра Великаго случаи примѣненія этого вида наказанія были очень рѣдки.—

е) *Отсѣченіе головы,* какъ самобытная форма наказанія, въ Запорожьи совсѣмъ не употреблялось; на это прямо указываетъ Ригельманъ: „головы же рубили только правительствомъ и то измѣнникамъ“ [2]). Такимъ образомъ, этотъ видъ наказанія вѣроятно началъ примѣняться въ Запорожьи лишь къ концу существованія Сѣчи, когда уголовное правосудіе начало отправляться подъ контролемъ и воздѣйстіемъ русскаго правительства и наиболѣе важные преступники передавались въ руки правительства для сужденія и наказанія ихъ по русскимъ законамъ. Въ историческихъ памятникахъ мы находимъ лишь незначительный намекъ на возможность самостоятельнаго существованія въ Сѣчи этой формы казни. Такъ, Эрихъ Ляссота въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что „когда Наливайко предложилъ запорожцамъ послѣ разбитія татаръ подѣлиться съ ними захваченными конями“ и запорожцы, подозрѣвая его во враж-

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины и предан. народ., ч. II, ст. 29.

[2]) Лѣтопис. повѣст., ч. IV, ст. 83.

дебныхъ къ нимъ отношеніяхъ, отнеслись съ недовѣріемъ къ искренности его дружескихъ увѣреній, то Наливайко пожелалъ лично явиться въ Сѣчь, сложить передъ радой свою саблю и привести доказательства своей дружбы и искренности отношеній; „если же и послѣ того рыцарское коло попрежнему признаетъ его неправымъ, то онъ самъ предложитъ *отрубить ему голову* его собственною саблею“ [1]). Добровольное предложеніе Наливайки, которое могло идти и въ разрѣзъ съ системой карательныхъ мѣръ, господствовавшихъ въ Запорожьи, и съ сѣчевыми правовоззрѣніями, не будучи подтверждено и подкрѣплено другими случаями примѣненія этого наказанія, не можетъ, конечно, опровергнуть высказаннаго нами раньше мнѣнія относительно примѣненія въ Сѣчи этой формы казни.—

Относительно примѣненія отсѣченія головы въ литовскомъ правѣ, трудно сказать что либо опредѣленное; въ статутѣ 1529 года о немъ не упоминается, что же касается статута 1588 г., то большинство артикуловъ не опредѣляетъ точно того или другаго вида смертной казни, а дѣлаетъ лишь общее указаніе—карать „горломъ“. Тѣмъ не менѣе отсѣченіе головы несомнѣнно практиковалось уже въ литовскомъ правѣ начала XVI ст., такъ какъ указаніе на эту форму смертной казни находимъ въ военномъ уставѣ, составленномъ для гетмана Константина Острожскаго въ 1512 г. [2]).

Въ русскомъ правѣ этой эпохи оно практиковалось въ очень широкихъ размѣрахъ, въ особенности во время стрѣлецкихъ бунтовъ, когда бывали случаи, что сами стрѣльцы, являясь съ повинной, приносили съ собою плахи и топоры [3]).

ж) *Убіеніе кіями при столбѣ* стоитъ въ столь тѣсной связи съ тѣлеснымъ наказаніемъ—битьемъ кіями, что рѣзкую, разграничивающую черту между ними провести очень трудно; иногда простое наказаніе битьемъ кіями влекло за собою смер-

---

[1]) Мемуары, относящ. къ истор. Юж. Руси, вып. I; Дневникъ Эриха Ляссоты, стр. 183.

[2]) Zbior praw Litewskich. Ustawa sojmu welikolo Berestejskoho sluczy kniazia Konstantina na służbu, ст. 166.: „а кто кого ранитъ, ино имя втяты“.

[3]) См. Сергѣевскій, Наказ. въ рус. правѣ XVII ст., стр. 99.

тельный исходъ и, наоборотъ, преступники, приговоренные къ убіенію кіями, оставались часто живы и возвращались обратно въ сѣчевое товарищество его полноправными членами; но тѣмъ не менѣе объ этомъ наказаніи, какъ о самостоятельной формѣ смертной казни, находятся многочисленныя свидѣтельства, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ историческихъ документахъ.

Убіеніе кіями при столбѣ опредѣлялось за мужеложство и скотоложство [1]), за „великое воровство и кто много разъ приличился“ [2]); это же наказаніе опредѣлялось тѣмъ, кто принималъ завѣдомо у вора похищенныя вещи или покупалъ ихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступниковъ не убивали при столбѣ, ихъ брали оттуда и затѣмъ вѣшали [3]).

Въ историческихъ памятникахъ указывается еще на нѣкоторые другіе случаи примѣненія этой казни; такъ, кошевой атаманъ Козелецкій доноситъ рапортомъ 17 дек. 1747 г. кіев. генер.-губ., что нѣкій янычаръ „за мерзостную его продерзость при столбѣ убитъ“ [4]); затѣмъ за воровство былъ убитъ кіями въ Самарѣ въ 1746 г. козакъ Сухій [5]). О примѣненіи этой формы казни въ Запорожьи упоминаетъ также и Манштейнъ [6]).

По описанію Коржа эта казнь производилась слѣдующимъ образомъ: „преступника вяжутъ или куютъ до столба въ Сѣчи или въ паланкахъ на площади или въ базарѣ, потомъ поставляютъ около его разные напитки въ канвахъ, какъ то горилку, медъ, пиво и брагу и накладутъ также довольно калачей и наконецъ принесутъ также нѣсколько оберемкивъ кіивъ и положатъ у столба, гдѣ преступникъ и принуждаютъ его ѣсть,

---

[1]) Мышецкій, Исторія, ст. 58: „кто въ такомъ безчеловѣчіи приличится, того къ тому столбу приковываютъ и убиваютъ до смерти“.—Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ст. 83.—Lesur, Histoire de kosaques, t. I, p. 294: „Le crime contre nature, que l'exclusion des femmes semblait deroiz rendre assez fréquent, était puni par un supplice non moins cruel; les biens du coupable étaient confisqués: attaché au pilori fatal, il y périssait sous les coups dont ses camarades allaient l'accabler“.

[2]) Мышецкій, ст. 57, Ригельманъ, ст. 83.

[3]) Ibid.

[4]) Матеріалы для исторіи южно-русскаго края, № IX, ст. 129.

[5]) Скальковскій, Исторія Нов. Сѣчи, т. I, стр. 166.

[6]) Записки о Россіи, стр. 15.

пить сколько хочетъ, а когда наѣстся и напьется, тогда козаки начинаютъ его бить кіями, такъ что всякій казакъ, кто только идетъ мимо него, выпивши корякъ горилки или пива, непремѣнно долженъ ударить его по разу кіемъ и когда ударитъ (де кто якъ попавъ, по головѣ или по ребрахъ), тогда такъ ему приговариваетъ: „отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебя куринемъ платили. „И потудова сидитъ или лежитъ преступникъ около столба, пока убьютъ его до смерти“ [1]). Аналогичное описаніе производства этой казни находимъ также у Ригельмана и Мышецкаго [2]). Манштейнъ въ своихъ запискахъ о Россіи объ этомъ же наказаніи говоритъ слѣдующее: „наказанія у нихъ также странны, какъ ихъ образъ жизни. Они отъявленные воры и разбойники, но осмѣлься только кто украсть малѣйшую вещь у своего товарища—его привязываютъ къ столбу на площади станицы, ставятъ подлѣ него штофъ водки, хлѣбъ и нѣсколько дубинъ. Каждый прохожій вправѣ задать ему столько палокъ, сколько ему угодно, послѣ чего можетъ дать ему выпить водки и поѣсть хлѣба. Въ этомъ положеніи оставляютъ виновнаго столько времени, сколько имъ заблагоразсудится, иногда до пяти сутокъ. Если послѣ такой пытки онъ остается въ живыхъ, то снова вступаетъ въ свое общество“ [3]). Соединенная съ продолжительными мученіями и страданіями, эта казнь по своей жестокости и тяжести должна быть поставлена наравнѣ съ повѣшеніемъ на крюкъ за ребро и посаженіемъ на колъ живымъ. Преступникъ умиралъ здѣсь медленной, мучительной смертью; страданія его продолжались иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней. Какъ мы сейчасъ видѣли, около приговореннаго къ этому наказанію преступника ставили спиртные напитки, которые заставляли его пить; трудно сказать, съ какой именно цѣлью это дѣлалось; можетъ быть, имѣлось въ виду путемъ приведенія его въ состояніе опьяненія нѣсколько облегчить его мученія, или же, наоборотъ, заставляя его выпивать нѣкоторое количе-

[1]) Уст. повѣств. зап. Коржа, стр. 25, 26.

[2]) Ригельманъ, Лѣт. повѣст., ч. IV, ст. 83; Мышецкій, Ист. о коз., ст. 57, 58.

[3]) Стр. 15.

ство спирта, стремились лишь поддержать и укрѣпить слабѣющія его силы и такимъ образомъ продолжить только его мученія.—Бывали случаи, что приговореннаго къ этому виду смертной казни преступника никто изъ козаковъ не трогалъ, и онъ оставался живъ; здѣсь получала выраженіе всенародная форма помилованія, примѣнявшаяся вѣроятно въ тѣхъ случаяхъ, когда запорожская военная община рѣзко расходилась во взглядахъ на совершенное преступное дѣяніе со старшиной, или же, когда преступникъ по своимъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ заслуживалъ снисхожденія со стороны своихъ товарищей. Иногда, не смотря на всю жестокость истязаній, преступникъ все таки оставался живъ; сильная, крѣпкая организація спасала его отъ смерти. Битье кіями можно по его характеру сравнить съ практиковавшимся въ русскомъ правѣ битьемъ кнутомъ; послѣдствія зависѣли отъ силы ударовъ и ихъ направленія; иногда нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ, направленныхъ на найболѣе чувствительныя части тѣла, было достаточно, чтобы положить преступника на мѣстѣ. Оно также нѣсколько напоминаетъ древне-римское воинское наказаніе „fustuarium“, состоявшее въ томъ, что по знаку трибуна, прикасавшагося жезломъ къ осужденному къ смерти преступнику, товарищи послѣдняго наносили ему удары палками и каменьями до тѣхъ поръ, пока онъ не умиралъ [1]).

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ о смертной казни. Приговоры о смертной казни приводились въ исполненіе не присяжными палачами, которыхъ въ Запорожьи не было, а преступниками, приговоренными уже къ смертной казни. Казнь производилась преимущественно внѣ городовъ и селеній, на большихъ дорогахъ („шляхахъ“); хотя нѣкоторые виды смертной казни, напр., убіеніе при столбѣ кіями, надо полагать, приводились въ исполненіе въ самой Сѣчи, на площади или базарѣ. „Для оныхъ казней, говоритъ Ригельманъ [2]), они палачей отъ древности не имѣли, а когда надобно было злодѣевъ

[1]) Dangelmaier, Geschichte des Militär-Strafrechts (Berlin 1891) стр. 12.
[2]) Лѣтоп. новѣст. ч. IV, ст. 83.

казнить, то довбышъ [1]) съ командою выходя за городъ, злодѣю злодѣя вѣшать или другую обществомъ приговоренную казнь совершать приказывалъ и то такому, который самъ смертной казни подлежитъ". Въ тѣхъ случаяхъ, когда такого преступника на лицо не оказывалось,—приговоренный къ смертной казни содержался въ тюремной ямѣ, пока не являлась возможность привести въ исполненіе приговоръ [2]).

До насъ не дошло никакихъ извѣстій о томъ, какъ именно приводились въ исполненіе приговоры, какіе обряды предшествовали казни и слѣдовали за ея совершеніемъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ мы можемъ себѣ составить по одному изъ случаевъ, который передаетъ Надхинъ [3]), какъ воспоминаніе одного изъ старожиловъ. Къ смертной казни черезъ повѣшеніе былъ приговоренъ одинъ знатный запорожскій старшина, человѣкъ богатый и холостой; казнь была совершена въ Новомосковскѣ (самарской паланки). Когда осужденнаго вели на мѣсто казни, то по немъ, какъ по мертвомъ звонили въ колокола; шелъ онъ въ сопровожденіи священника съ крестомъ и хоругвями; во время шествія по пути процессія нѣсколько разъ останавливалась и во время остановокъ священникъ читалъ евангеліе и совершалъ литію; приговоренный же къ смерти каждый разъ подходилъ къ священнику и наклонялъ голову подъ евангеліемъ.—Такія обрядности были, вѣроятно, рѣдко, большею же частью казнь производилась просто, безъ всякаго торжественнаго церемоніала.

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ пріостанавливалось на время праздниковъ и постовъ. Въ 1762 г. февраля 21-го кошевой атаманъ отдаетъ слѣдующій приказъ по поводу содержавшихся въ кодацкой паланкѣ двухъ преступниковъ, обвиняе-

---

[1]) Войсковой довбышъ (барабанщикъ, литаврщикъ) былъ войсковымъ служителемъ и занималъ сравнительно важное мѣсто въ общей войсковой іерархіи. Онъ присутствовалъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ, посылался для привоза въ Сѣчь болѣе важныхъ преступниковъ, для повѣрки сборовъ, для побужденія къ скорѣйшей уплатѣ податей и т. п. (см. Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, т. I, стр. 71).

[2]) Ригельманъ, Лѣт. новѣйш. ч. IV, стр. 83.

[3]) Надхинъ, Память о Запор., ст. 53.

мыхъ въ убійствѣ: „а яко въ нынѣшніе постные дни наступившей первой седмицы о томъ убійствѣ изслѣдованія чинить не слѣдуетъ и не можно до окончанія тѣхъ дней; содержащихся же отцы, жительствующіе въ Кодакѣ, суть люди осѣдлые, для того повелѣваемъ: обвиненныхъ отцамъ ихъ до имѣющагося быть ихъ дѣлу разбора за росписко̀ю отдать на поруки, съ тѣмъ чтобы они по востребованіи оныхъ гдѣ слѣдовать будетъ представили“ [1]).

Приговоры о смертной казни, какъ мы раньше уже упомянули, не всегда приводились въ исполненіе. Въ зависимости отъ личныхъ качествъ преступника, степени его субъективной виновности, а также отъ соображеній и обстоятельствъ, не имѣвшихъ прямаго, непосредственнаго отношенія къ дѣлу, смертную казнь замѣняли иногда другими наказаніями, или же даже совершенно освобождали преступника отъ наказанія. Тамъ, гдѣ самая форма смертной казни давала возможность полному и свободному выраженію народныхъ чувствъ и убѣжденій, какъ наприм., при битьѣ кіями у столба, въ этихъ случаяхъ, при настроеніи чувствъ, умовъ и благопріятныхъ преступнику, приговоръ отмѣнялся самъ собою, такъ какъ никто первый не рѣшался нанести осужденному ударъ и казнь такимъ образомъ лишалась исполнителей. Въ другихъ случаяхъ вопросъ о помилованіи преступника передавался на обсужденіе всей военной общины, и здѣсь уже постановлялся приговоръ о полномъ его помилованіи или же только о замѣнѣ смертной казни какимъ либо другимъ наказаніемъ.

Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе о довольно оригинальномъ способѣ освобожденія преступниковъ отъ смертной казни, практиковавшемся въ Запорожьи: осужденный къ смертной казни преступникъ могъ быть отъ нея освобожденъ, когда какая нибудь дѣвушка высказывала желаніе выйдти за него замужъ. Конечно, подобное освобожденіе могло лишь имѣть мѣсто въ паланкахъ, а не въ самой Сѣчи, куда доступъ женщинамъ былъ безусловно запрещенъ. Разсказываютъ о слѣдую-

[1]) Скальковскій, истор. нов. сѣчи, т. I, стр. 169.

щемъ случаѣ, бывшемъ въ г. Новомосковскѣ (Самарской паланки): осужденнаго къ смертной казни преступника вели уже къ мѣсту казни; толпа народа безмолвно слѣдовала за нимъ; вдругъ на дорогѣ подъ бѣлымъ покрываломъ показывается дѣвушка, она подходитъ къ преступнику и всенародно высказываетъ желаніе выйти за него замужъ; толпа останавливается, преступникъ требуетъ, чтобы она подняла покрывало; дѣвушка повинуется, но преступникъ, взглянувши на лицо дѣвушки, восклицаетъ: „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, липше на шибеницѣ дать дубу“ и требуетъ, чтобы его вели къ мѣсту казни [1]). Если этотъ оригинальный обычай дѣйствительно существовалъ въ Запорожьи, то по своему характеру онъ немного напоминаетъ существовавшій въ Римѣ обычай прощать преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь, когда они на пути къ мѣсту казни встрѣчали святыхъ дѣвъ, служительницъ богини Весты [2]).

По совершеніи казни, какъ мы видѣли, тѣла преступниковъ продолжали еще нѣкоторое время висѣть на висѣлицѣ или оставаться на колѣ, и никто не могъ ихъ снять оттуда подъ угрозой наказанія; эта квалификація имѣла, конечно, цѣлью устрашеніе, которое достигалось также тѣмъ, что преступниковъ казнили на большихъ дорогахъ, а также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они совершали преступленія.

Д—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Уст. повѣст. запор. Коржа, ст. 24.—Надхинъ, память о Запор., ст. 54.

[2]) Момсенъ, Римская исторія (Мос. 1877), т. I, ст. 138.

Нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи Т. Г. Шевченка.

I.

Отъ редакціи.

Хотя минуло уже 32 года со дня смерти Т. Г. Шевченка; хотя много матеріаловъ для біографіи его собрано уже въ печати за это время,—но и до сихъ поръ мы не можемъ похвалиться безусловной полнотой всѣхъ свѣдѣній, касающихся этого замѣчательнаго поэта. Главная причина этой неполноты извѣстій заключается въ непривычкѣ нашихъ соотчичей переводить на бумагу, въ видѣ дневниковъ и мемуаровъ, тѣ мысли, и чувства, которыя переиспытываются ими какъ современниками, подъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ моментовъ. Какъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній унесено уже въ могилу лицами, близко знавшими Т. Шевченка, и какъ много можетъ еще погибнуть для потомства, если находящіеся въ живыхъ его современники не позаботятся разсказать, хотябы и не для текущей печати, но для будущей, всего ими видѣннаго, слышаннаго и пережитаго въ жизни общественной, а равно и личной, въ соприкосновеніи съ именами, ставшими достояніемъ исторіи! Вотъ почему мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ даже мельчайшіе факты въ новыхъ какихъ-нибудь мемуарахъ современниковъ Шевченка; вотъ почему и въ данномъ случаѣ мы охотно на страницахъ нашего журнала помѣщаемъ нѣсколько такихъ новыхъ данныхъ, которыя читатель найдетъ въ напечатанныхъ выше воспоминаніяхъ З. Ф. Недоборовскаго, а равно и въ предлагаемыхъ ниже вос-

поминаніяхъ Г. М. Косарева. Особенно рады мы тому обстоятельству, что приходится намъ помѣстить эти матеріалы въ февральскомъ номерѣ журнала, т. е. въ томъ мѣсяцѣ, который болѣе всего связывается съ именемъ Т. Г. Шевченка, и родившагося, и умершаго въ этомъ мѣсяцѣ чуть ли не въ одно и то-же число (род. 25-го, умеръ 26-го).

Въ 1889 году въ нашемъ журналѣ (№ 2) была помѣщена статья Н. Д. Н. подъ заглавіемъ „На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира". Статья эта составлена была авторомъ на основаніи устныхъ разсказовъ и рукописныхъ замѣтокъ бывшаго ротнаго командира Т. Шевченка во время ссылки послѣдняго въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Этотъ ротный командиръ, не названный тогда авторомъ полной фамиліей, есть *Георгій Михайловичъ Косаревъ*, скончавшійся 30-го декабря 1891 года. Пользуемся случайностью, доставившей намъ № 4-й за прошлый 1892 годъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей", чтобы извлечь оттуда краткія свѣдѣнія о жизни этого симпатичнаго человѣка.

„30 декабря (1891) смерть унесла въ могилу одного изъ старѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ туркестанцевъ, Георгія Михайловича *Косарева*. Покойный происходилъ изъ дворянъ оренбургской губерніи и родился въ 1818 г. Получивъ домашнее воспитаніе, Г. М. въ 1835 г. поступилъ на службу въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ унтеръ-офицеромъ, съ выслугою трехъ мѣсяцевъ за рядоваго. Въ офицеры онъ былъ произведенъ въ 1839 году. Почти вся его долгая, 49-лѣтняя служба прошла на пустынномъ Мангишлакскомъ полуостровѣ и въ степныхъ туркестанскихъ укрѣпленіяхъ. Въ 1846 г. онъ участвуетъ въ возведеніи Ново-Петровскаго укрѣпленія (впослѣдствіи переименованнаго въ фортъ Александровскій) и остается здѣсь много лѣтъ, пользуясь всеобщимъ расположеніемъ и любовью. Въ это время въ укрѣпленіи находился на службѣ *Шевченко*, котораго поэтому близко зналъ Г. М., тѣмъ болѣе, что Тарасъ Григорьевичъ былъ нѣкоторое время у него въ ротѣ. Въ 1864 г. Г. М. былъ назначенъ комендантомъ форта № 2, а чрезъ пять лѣтъ—форта № 1 (Казалинскъ), въ которомъ прослужилъ 15 лѣтъ, до выхода своего въ отставку, поль-

зуясь неизмѣннымъ, глубокимъ расположеніемъ всѣхъ, кто его зналъ. Общій миротворецъ, хлѣбосолъ и истинно добрый и честный человѣкъ, покойный оставилъ по себѣ самую лучшую память. Покойный въ очень многомъ напоминалъ симпатичнаго капитана Миронова, коменданта Бѣлогорской крѣпости („Капитанская дочка", Пушкина). Въ наше время такіе люди уже большая рѣдкость. „Нервный вѣкъ", быстро прогрессирующій, вырабатываетъ иные типы, столь мало похожіе на Косаревыхъ и Мироновыхъ, и тѣмъ большая ощущается грусть, когда смерть похищаетъ изъ нашей среды такихъ людей, какъ покойный Георгій Михайловичъ".

Въ дополненіе къ этой краткой характеристикѣ Г. М. Косарева укажемъ только на упомянутую нами статью Н. Д. Н., гдѣ личность эта обрисована со всей ея простотой и задушевностью, напоминающими лермонтовскаго Максима Максимыча.

Какъ было сказано, статья Н. Д. Н. составлена между прочимъ на основаніи замѣтокъ Г. М. Косарева. Въ настоящее время намъ доставлены точно переписанныя съ подлинной рукописи Г. Косарева его воспоминанія о Шевченкѣ, добытыя у вдовы покойнаго нашимъ сотрудникомъ К. М. Оберучевымъ, который снабдилъ ихъ предисловіемъ и примѣчаніями. По всему видно, что это тѣ самыя воспоминанія, которыя доставлены были покойнымъ г-ну Н. Д. Н. Въ виду какъ общаго, такъ и спеціальнаго интереса этихъ воспоминаній, мы печатаемъ ихъ почти цѣликомъ, исключая только тѣ факты, которые сами по себѣ являются мелочными и мало связанными съ личностью поэта, или же были безъ всякихъ отличій переданы въ статьѣ г. Н. Д. Н.

Пользуемся также случаемъ, чтобы напечатать краткія замѣтки, доставленныя намъ Г. П. Даценкомъ, имѣвшимъ возможность добыть нѣкоторыя данныя изъ времени пребыванія Шевченка въ Орской крѣпости, уясняющія кое-какія подробности, о которыхъ идетъ рѣчь и въ воспоминаніяхъ Г. Косарева.

Можемъ также подѣлиться съ читателями нѣсколькими письмами нашего поэта, писанными извѣстной благопріятельницѣ его, княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной. Слишкомъ хо-

рошо извѣстны тѣ дружескія отношенія, которыя существовали между княжной Репниной и Т. Г. Шевченкомъ, чтобы нужно было намъ указывать на значеніе опубликованія этихъ писемъ, которыя покойная княжна не желала предавать печати при своей жизни. Смерть ея, послѣдовавшая 28-го ноября 1891 года, открываетъ теперь намъ право, не нарушая ея воли, сдѣлать эти письма достояніемъ людей, интересующихся всякими новыми матеріалами для изученія жизни поэта, а тѣмъ болѣе такими, какъ переписка его съ княжной В. Н. Репниной.

Наконецъ, къ этому-же февральскому номеру нашего журнала мы прилагаемъ извѣстный очень немногимъ портретъ поэта, исполненный въ 1888 году знаменитымъ художникомъ И. Е. Рѣпинымъ. Портретъ этотъ есть результатъ долговременной работы художника, которому пришлось исполнить трудную задачу: воспроизвести своей кистью лицо человѣка, руководствуясь только фотографическими снимками, многочисленными портретами, маской, снятой съ лица покойника, и разсказами и описаніями людей, лично знавшихъ поэта. Нечего удивляться, что всѣмъ извѣстный громадный талантъ И. Е. Рѣпина побѣдилъ всѣ эти трудности, и—по заявленію современниковъ поэта—данный портретъ его удался какъ нельзя лучше. Портретъ этотъ былъ въ прошломъ году на выставкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ перешелъ въ частную собственность, вслѣдствіе чего помѣщеніе его въ фототипическомъ снимкѣ не можетъ быть признано излишнимъ.

II.

Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти: нѣчто о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченко, съ 1846 по 1857 годъ включительно.

30-го Декабря 1891 г. въ г. Ново-Маргеланѣ умеръ отставной полковникъ Георгій (Егоръ) Михайловичъ Косаревъ, имя котораго связано съ именемъ поэта Тараса Григорьевича Шевченка: Косаревъ съ 1850 по 1857 годъ зналъ лично Шевченка и даже нѣкоторое время былъ его ротнымъ коман-

диромъ. Послѣ смерти Косарева мнѣ удалось познакомиться съ его семействомъ. Во время одной изъ бесѣдъ я спросилъ вдову Косарева: „не сохранилось ли у нея записокъ ея мужа, нѣтъ-ли какихъ либо воспоминаній его о пребываніи Шевченка въ его ротѣ?“—Есть—отвѣтила мнѣ Серафима Васильевна и охотно предложила въ мое распоряженіе все, что нашла при бѣгломъ просмотрѣ бумагъ покойнаго мужа. Такимъ образомъ, часть записокъ Г. М. Косарева оказалась въ моихъ рукахъ. Полученное мною состоитъ изъ двухъ тетрадокъ, озаглавленныхъ: „Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти“, и $8^1/_2$ отдѣльныхъ листовъ, одна часть которыхъ представляетъ какъ бы черновые листы тетрадей, а другая—заполнена отрывочными замѣтками, справками. По прочтеніи двухъ тетрадей записокъ я нашелъ въ нихъ большое сходство съ замѣткой Н. Д. Н. „На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира“, напечатанной первоначально въ „Кіевской Старинѣ“ и вышедшей затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ. Ясно, что авторъ упомянутой замѣтки пользовался этими записками, что подтверждается однимъ изъ писемъ покойнаго Косарева къ г. Н. Д. Н., черновикъ котораго имѣется у меня. „Окончивъ свѣденія о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченко на 9 цѣлыхъ листахъ, при семъ къ вамъ посылаю“. Такъ пишетъ Косаревъ Н. Д. Н., посылая ему свои замѣтки. Да и самъ Н. Д. Н. въ статьѣ своей указываетъ, что онъ пользовался „замѣтками“ К—ва. Такимъ образомъ замѣтки Косарева были уже предложены публикѣ въ двовольно подробномъ извлеченіи.

Не смотря на это, я позволяю себѣ, съ разрѣшенія вдовы Косарева, опубликовать его записки, во первыхъ, потому, что изъ нихъ извлечено не все, разсказанное Косаревымъ о Шевченкѣ, а во вторыхъ—потому, что ввиду нѣкоторыхъ неточностей воспоминаній Косарева, вошедшихъ и въ замѣтку г. Н. Д. Н. я, для облегченія будущему біографу великаго народнаго поэта, хотѣлъ снабдить эти записки пояснительными примѣчаніями.

Предлагаемыя записки представляютъ точную копію двухъ тетрадей Косарева подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ дѣлъ и памяти“. Въ примѣчаніяхъ мною приведены соотвѣтственныя

замѣтки Косарева, взятыя изъ отдѣльныхъ листовъ, а также сдѣланы нѣкоторыя сопоставленія воспоминаній Косарева съ заявленіями другихъ лицъ и документами.

Считая весьма важнымъ сохраненіе и опубликованіе всякихъ матеріаловъ о жизни поэта, а тѣмъ болѣе о весьма мало извѣстномъ времени ссылки его, я съ удовольствіемъ публикую эти записки, тѣмъ болѣе, что въ нихъ чувствуется теплота и искренность отношеній автора къ поэту.

К. Оберучевъ.

Новый Маргеланъ Ферганской Области.
25 февраля 1892 г.

На сколько могу припомнить художникъ и поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко еще въ 1846 [1]) году былъ конфирмованъ по Высочайшему повелѣнію за политическое преступленіе и сосланъ рядовымъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ для замѣщенія въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ 23-й тогда пѣхотной дивизіи.

По прибытіи къ батальонному штабу рядовой Шевченко поступилъ во 2-ю роту и значился по рапортному списку 191 человѣкомъ, который былъ ростомъ 2-хъ аршинъ $3^1/_4$ вершковъ [2]). Ротный его командиръ былъ тогда поручикъ Богомоловъ.

Въ томъ-же году двѣ роты со штабомъ 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона были замѣнены въ Орской крѣпости

---

[1]) Дата Косарева, какъ извѣстно, не вѣрна.

[2]) Въ замѣткѣ А. Р. „Туркестанская старина“ (Туркестанскія вѣдомости № 15 1891 г.) сказано, что Шевченко „въ іюнѣ (1847 г.) былъ уже въ Орскѣ и зачисленъ въ 5 оренбургскій линейный батальонъ“.

Въ отдѣльныхъ листахъ записокъ Косарева, есть замѣтка, справка изъ дѣлъ: „Рядовой Тарасъ Шевченко 19 декабря 1848 года значился по списку 2-й роты № 4 батальона въ командировкѣ на Косъ-Аралѣ. Командиръ роты былъ поручикъ Богомоловъ. Командиръ батальона маіоръ Дамичъ, начальникъ укрѣпленія подполковникъ Матвѣевъ, состоявшій по особымъ порученіямъ при командирѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса“.

Въ замѣткѣ А. Родзевича „Тарасъ Шевченко въ закаспійскомъ краѣ“ „Русская старина май 1891 г. приведенъ „формулярный о службѣ линейнаго оренбургскаго батальона № 1 рядоваго Тараса Шевченко“, изъ котораго видно, что Шевченко поступилъ на службу 23 іюня 1847 г. въ линейный оренбургскій батальонъ № 5. Изъ того-же формулярнаго списка не видно, чтобы Шевченко числился въ 4-мъ батальонѣ.

таковыми-же батальона № 5, которыя по распоряженію начальства выступили въ уральское укрѣпленіе.

Въ укрѣпленіи этомъ было предназначено собраться отряду изъ указанныхъ 2-хъ ротъ 4-го батальона, 2-хъ сотенъ козаковъ уральскаго войска, артиллеріи оренбургскаго гарнизона, башкирцевъ до 600 человѣкъ и вольнорабочихъ, для возведенія укрѣпленія на р. Чинарѣ. Но къ выступленію отряда въ степь ожидался командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса генералъ-адъютантъ Обручевъ, который тогда съ ранней весны находился на полуостровѣ Мангишлакъ, на сѣверо-восточномъ берегу каспійскаго моря, съ особымъ отрядомъ для возведенія новопетровскаго укрѣпленія, откуда и возвратился въ началѣ мая мѣсяца.

Въ то время отрядъ двинулся къ Аральскому морю, а по прибытіи сталъ возводить укрѣпленіе, такъ что въ 1847 году уже раимское укрѣпленіе было построено.

Генералъ Обручевъ по возведеніи крѣпостныхъ верковъ и сдѣланіи нужныхъ распоряженій возвратился обратно въ городъ Оренбургъ.

Въ 1847 году [1]) въ Раимское укрѣпленіе прибылъ отъ флотиліи лейтенантъ Бутаковъ съ прапорщикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Поспѣловымъ, матерьялами для судовъ и рабочими.

Лейтенантъ Бутаковъ съ помощью сихъ рабочихъ собралъ двѣ парусныя шкуны, оснастилъ ихъ и спустилъ въ р. Сыръ-Дарью. Суда эти въ послѣдствіи времени получили названіе „Михаилъ“ [2]) и „Константинъ“. Первая шкуна была поручена подъ начальство прапорщику Поспѣлову, а надъ второй принялъ начальство самъ лейтенантъ Бутаковъ, онъ же завѣдывалъ и эскадрою.

---

[1]) Въ упомянутой замѣткѣ А. Р. („Туркестанскія Вѣдомости № 15 1891 г.) сказано „ 11 мая 1848 года онъ (Шевченко) выступилъ изъ Орска въ степь, въ Раимъ вмѣстѣ съ транспортомъ, при которомъ шелъ начальникъ и члены экспедиціи, а также части разобранной шкуны „Константинъ“.

[2]) Въ запискѣ Косарева на листахъ есть замѣтка: „Шевченко находился съ Бутаковымъ на шкунѣ „Константинъ“, въ 1848 и 1849 годахъ, шкуной же „Николай“ командовалъ прапорщикъ Поспѣловъ“.

Для выполненія матросскихъ обязанностей были откомандированы нижніе чины изъ двухъ ротъ 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона: 5 унтеръ-офицеровъ, 36 рядовыхъ и одинъ фельдшеръ. Въ этомъ числѣ находился и рядовой Тарасъ Шевченко [1]).

Для этого флота въ 1848 году былъ построенъ на Косъ-Аралѣ отдѣльный небольшой фортъ, названный Косъ-Аральскимъ фортомъ, въ которомъ и помѣщались всѣ воинскіе чины флота, независимо отъ гарнизона, расположеннаго въ Раимскомъ укрѣпленіи.

Лейтенантъ Бутаковъ получи(в)лъ распоряженіе отъ главнаго начальника оренбургскаго края отправиться съ ввѣренной ему эскадрой въ аральское море, по открытіи весенней навигаціи 1848 года, какъ для обозрѣнія онаго и береговъ, такъ и (для) промѣра глубины въ морѣ.

Дождавшись этого времени, онъ выступилъ съ эскадрою въ морское плаванье, пробывъ тамъ все лѣто, а въ половинѣ августа возвратился въ Косъ-Аральскій фортъ, еще неокончивши всего обозрѣнія. Въ 1849 году съ открытіемъ весенней нави-

---

[1]) Назначеніе Шевченка въ экспедицію Бутакова въ замѣткѣ А. Р. объясняется совершенно иначе. „Когда А. И. Бутаковъ собирался для описи Аральскаго моря, то его просили доброжелатели Шевченка взять съ собою поэта. Вѣроятно и передъ В. А. Обручевымъ было замолвлено доброе слово. По крайней мѣрѣ, Шевченко безъ особыхъ затрудненій былъ назначенъ, по просьбѣ Бутакова, къ нему въ экспедицію, *для рисованія видовъ морскихъ береговъ*".

Изъ примѣчанія 3-го видно, что Шевченко прибылъ въ Раимское укрѣпленіе въ 1848 году, а не вмѣстѣ съ ротами 4-го батальона весною 1847 года. Сопоставляя это съ данными формулярнаго списка и датами стихотвореній „Чернець" и „Не для людей и не для славы", подъ которыми подписано „1848 г., Орская крѣпость" (см. „Кобзарь" Прага 1876 г. и С-П-бургъ 1884 г.) можно съ увѣренностью заключить, что Косаревъ ошибался, говоря, что Шевченко прибылъ въ Раимъ въ 1847 г. вмѣстѣ съ ротами 4-го батальона и отъ нихъ былъ уже командированъ въ качествѣ матроса къ лейтенанту Бутакову.

Поэтому правильнѣе указанія А. Родзевича и А. Р. (два разныя лица), что Шевченко по прибытіи въ Оренбургъ былъ зачисленъ въ 5-ый батальонъ. Былъ-ли потомъ переведенъ Шевченко въ 4-ый батальонъ и это пропущено въ формулярномъ спискѣ, или же оставался въ 5-мъ, пока остается открытымъ.

Не лишнее припомнить, что подъ стихотвореніемъ „На Різдво" помѣчено „Косъ-Аралъ, на Аральскому мори 24 декабря 1848 г.

гаціи лейтенантъ Бутаковъ вторично выступилъ въ море, гдѣ по окончаніи всего обозрѣнія возвратился въ фортъ.

Всѣ нижніе чины, исполнявшіе обязанности матросовъ, въ томъ числѣ и Тарасъ Шевченко, за морскую кампанію 1848 и 1849 года получили Высочайше дарованную денежную награду, каждый по 5 рублей серебромъ [1]).

Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, согласно испрошеннаго имъ разрѣшенія у командира отдѣльнаго Оренбургскаго округа генералъ-адъютанта Обручева, отправился въ г. Оренбургъ, что-бы ускорить (поспѣшить) тамъ составленіемъ плана и отчетности по обозрѣнію, для Государя Императора и военнаго министра, передавъ флотилію въ распоряженіе коменданта, взявъ съ собою подпоручика Поспѣлова, топографовъ Рыбина и Христофорова, унтеръ-офицера Вернера, старшаго фельдшера Истомина, рядоваго Шевченко и своего деньщика Тихова, съ которыми и отправился въ г. Оренбургъ, выѣхавъ изъ Раимскаго укрѣпленія 8 октября [2]). Степью прослѣдовалъ благополучно и прибылъ въ г. Оренбургъ 10 числа ноября.

Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ возвратился въ Раимское укрѣпленіе въ половинѣ мая мѣсяца 1850 года. Тарасъ Шевченко не возвращался [3]); а изъ дѣлъ архива въ укрѣпленіи коменданта форта № 1 по спискамъ 2-хъ ротъ 4-го батальона, болѣе не значился. А также не видно, чтобы Шевченко зани-

---

[1]) „Согласно предписанія Штаба войскъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса отъ 30-го апрѣля 1851 года за № 2267“. какъ сказано въ отдѣльныхъ листахъ замѣтокъ Косарева.

[2]) „Приказъ по Раимскому гарнизону маіора Дамича (о распоряженіи) отъ 6 октября 1849 г. за № 607 объ отправленіи (ихъ) 8 числа капитанъ-лейтенанта Бутакова съ прочими (словъ не разобралъ) (въ томъ числѣ и Шевченко), подъ прикрытіемъ „ “ основанный на распоряженіи корпуснаго командира отъ 12 мая № 1466“. Замѣтка Косарева на отдѣльныхъ листахъ.

[3]) Относительно этого считаю не лишнимъ сопоставить указанія А. Р. и А. Родзевича. Изъ замѣтки А. Р. видно, что Шевченко по доносу былъ арестованъ въ концѣ апрѣля 1850 г. въ Оренбургѣ, отправленъ въ Орскъ и болѣе въ Туркестанскій край не возвращаясь, что согласуется съ замѣтками Косарева. А Родзевичъ говоритъ, что въ половинѣ апрѣля 1850 г. Шевченко былъ отправленъ изъ Раимскаго укрѣпленія въ Орскъ, т. е. какъ будто изъ Оренбурга онъ возвратился назадъ въ укр. Раимское.

мался когда либо въ Раимскомъ укрѣпленіи художественными издѣліями или какими сочиненіями [1]).

. . . . . .

Я не буду здѣсь описывать въ подробности всего, но только обращусь къ тому времени, когда прибылъ на службу къ намъ рядовой Тарасъ Шевченко.

Онъ прибылъ въ Новопетровское укрѣпленіе въ двѣ роты Оренбургскаго Линейнаго № 1 батальона въ маѣ[2]) мѣсяцѣ 1850 года и поступилъ въ 4-ю роту, которой тогда командовалъ штабсъ-капитанъ Потаповъ, онъ же и завѣдывалъ двумя ротами, такъ какъ штабъ батальона еще въ 1847 году возвратился въ г. Уральскъ.

Командиръ 4-й роты былъ довольно строгій съ нижними чинами, приказалъ назначить къ Шевченку дядьку, хорошаго строгаго солдата, поручивъ ему обучать Шевченка ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. Но почему-то Шевченку эта наука не давалась, поэтому онъ и называлъ ее „премудростью“.

О Шевченкѣ никакихъ письменныхъ свѣдѣній изъ батальона не присылалось, а только было предписано завѣдывающему двумя ротами считать его политическимъ преступникомъ, а у коменданта было особое распоряженіе отъ штаба войскъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, что-бы ему недозволять имѣть карандаши, чернило, перья и бумагу, писать и рисовать; но въ послѣдствіи времени это было разрѣшено, только подъ надзоромъ коменданта или кого изъ офицеровъ.

Въ 1852 году я былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а штабсъ-капитанъ Потаповъ отправлялся въ 10-й Оренбургскій Линейный батальонъ. Поэтому мнѣ было предложено вступить въ завѣдываніе двухъ ротъ этого батальона и одной ротой командовать на законномъ основаніи. Рядовой Шевченко перешелъ

---

[1]) Послѣ этого въ запискахъ Косарева идетъ подробное изложеніе хода постройки укрѣпленія Ново-Петровскаго (нынѣ фортъ Александровскій), участникомъ которой онъ былъ. Я пропускаю всѣ подробности, какъ неимѣющія никакого отношенія къ поэту.

[2]) Дата А. Родзевича „17 октября“ правильнѣе, такъ какъ основана на офиціальныхъ документахъ.

ко мнѣ въ роту. Держалъ онъ себя очень прилично и жилъ онъ въ казармахъ. Въ свободное время ходилъ къ коменданту обучать дѣтей грамотѣ.

Когда было разрѣшено Шевченку писать и рисовать, тогда онъ со многихъ офицеровъ снималъ портреты, въ томъ числѣ и съ меня, бѣлымъ, чернымъ и желтымъ карандашами,—но нѣкоторые портреты не были похожи [1]). Онъ также написалъ въ стихахъ „Кобзаря“ [2]), сдѣлалъ двѣ формы и отлилъ изъ алебастра двѣ картины: одна — Іисусъ Христосъ, сидящій на табуретѣ въ терновомъ вѣнцѣ, мучимый евреями; другая картина: стоитъ въ лѣтнее время раскрытая киргизская битка, въ которой у задней стѣны рѣкишетки лежитъкирпичъ съ открытымъ ртомъ и довольной физіономіей, играя на домрѣ (родъ русской балалайки), самъ полунагой и на головѣ надѣтъ кошмяной [3]) колпакъ. Снаружи противъ него у дверей стоитъ жена съ улыбающейся къ нему физіономіей, толчетъ въ деревянной ступѣ просо; она, какъ видно, одѣта въ рубашку и на головѣ чаблукъ. Около нея сидятъ на землѣ двое играющихъ нагихъ маленькихъ дѣтей—мальчиковъ; съ правой стороны кибитки привязанъ теленокъ, а съ лѣвой три козы [4]).

---

[1]) Вотъ что говоритъ Косаревъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ на листахъ... Только съ меня снятый портретъ вышелъ очень похожій. Отдѣланный на полулистѣ александрийской бумаги портретъ мой и въ настоящее время находится въ Оренбургѣ у прежнихъ моихъ родственниковъ по первой женѣ,—Колмаковыхъ,—который остался у нихъ послѣ смерти тамъ моей жены.

[2]) Именно ко времени пребыванія поэта въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (1850—1857 гг.) относится наименьшее число поэтическихъ произведеній Шевченка.

„Хатына“ подписана „1850 р. надъ Каспіемъ“, „Москалева Криниця“ подписана „1857 р. Новопетровское укрѣпленіе“. („Кобзарь изд. 1884 г.“). Кромѣ того въ томъ же изданіи подъ 1850 помѣщены нѣсколько пьесъ. 1851, 1852, 1853, 1854, 1855 и 1856 года въ „Кобзарѣ“ совершенно отсутствуютъ.

Въ сборникѣ русскихъ повѣстей и разсказовъ есть двѣ повѣсти, относящіяся къ этому же времени: 1) „Художникъ“—„4 октября 1856 г.“ и 2) „Музыкантъ“—„15 января 1857 г.“.

[3]) Войлочной.

[4]) Эта группа нѣсколько иначе описана Косаревымъ на отдѣльныхъ листахъ... а двое маленькихъ нагихъ дѣтей,—мальчикъ и дѣвочка—играли, сидя на землѣ съ правой стороны матери, съ козленкомъ.

Кромѣ того, Шевченко выливалъ изъ элебастра и другія статуэтки.

Произведенія эти онъ раздавалъ желающимъ, за что ему платили деньги.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи было офицеровъ до 20 человѣкъ, въ томъ числѣ семейныхъ 12. Жизнь была почти однообразна: днемъ казенныя работы и ученья, а вечерами собирались по домамъ провести время въ семействахъ, гдѣ устраивалось лото, преферансъ и ералашъ по $^1/_{10}$ или $^1/_{1000}$ копѣки, или танцы. Музыканты у насъ были изъ двухъ оркестровъ, одинъ офицерскій, а другой изъ нижнихъ чиновъ; но и это намъ наскучило.

Окрестности укрѣпленія незавидныя: съ одной стороны горы, а съ другой бушующее море. Осенью и зимою постоянно дуютъ сѣверо-восточные вѣтры.

Наконецъ придумали устроить любительскій спектакль.

Помѣщенье было занято въ одной пустопорожней казармѣ. Декораціи были сдѣланы своими же художниками. Занавѣсъ былъ данъ на время изъ пунцовой шелковой матеріи съ кистями одной офицершей. Люстры и канделябры устроены изъ ружейныхъ штыковъ, взятыхъ изъ цейхгаузовъ. Освѣщенье было общее, такъ какъ представленье театра игралось безденежно.

Выбрали комедію соч. Островскаго „Свои люди сочтемся". Дамы наши не участвовали въ комедіи, а только были зрительницами. Роли были даны: поручику З(убильскому)—купца Большова, его жену Аграфену Кондратьевну дали прапорщику Б(ажанову), дочь Липочку—прапорщику У(гла), сваху Устинью Наумовну—поручику Г., приказчика Подхалюзина пришлось играть мнѣ и приказнаго Расположенскаго—Тарасу Шевченку, а роль приказчика Тишки—поручику Б.

Всѣ актеры свои роли разучили къ 25 декабря [1]) довольно твердо; костюмы, парики и бороды накладныя были готовы, сдѣланы и прилажены очень сносно.

---

[1]) 1850 года, какъ это видно изъ замѣтокъ на отдѣльныхъ листахъ, слѣдовательно—Шевченко сразу былъ принятъ въ общество офицеровъ.

1-е представленіе было назначено 27 декабря[1]); такъ какъ представленіе было безденежное, то и посѣтителей набралось очень много, не исключая и купечества, которое тоже намъ содѣйствовало къ убранству комнаты и въ освѣщеніи.

Наступило время представленія. Шевченка я замаскированнымъ не видалъ, потому что мнѣ приходилось въ своемъ костюмѣ дирижировать оркестромъ музыки, поставленной за кулисами, и самому играть первую скрипку. Комедія началась. О себѣ ничего не скажу, но всѣ играли хорошо, а въ особенности Липочка. Нужно замѣтить, что прапорщикъ У(гла) былъ шведъ, красивый собой, блондинъ съ голубыми глазами, бѣлымъ лицомъ, безъ усовъ, стройный и небольшаго роста; немного картавилъ.

Но когда показался на сцену Шевченко, то смѣшно было на него смотрѣть: онъ былъ одѣтъ въ довольно поношенный, старый и нѣсколько узкій на него фракъ изъ синяго сукна, короткіе панталоны неизвѣстной матеріи гороховаго цвѣта, тоже поношенныя, сапоги съ заплатами, а одинъ—истоптанный на одну сторону, жилетъ когда-то бывшій зеленаго цвѣта изъ бумажной матеріи съ обтяжными пуговицами. На головѣ надѣта стариковская, смятая пуховая шляпа. Въ соотвѣтствіе такому костюму и лицо Шевченка было размалевано красками. Однимъ словомъ, онъ изображалъ изъ себя приказнаго, какъ будто явившагося съ похмѣлья и не доспавшаго послѣ сильнаго перепоя.

Шевченко былъ смѣшонъ въ то время, когда купецъ Большовъ былъ за долги посаженъ въ яму, и жена его, сидя дома съ свахой Устиньей Наумовной, скорбѣла и плакала, а приказный Расположенскій въ то время заходитъ къ ней и спрашиваетъ: „а что вы, Аграфена Кондратьевна, огурчики то солили? Это что у васъ—водочка, что-ли? Я рюмочку выпью“.—„Э-эхъ батюшка, до огурчиковъ ли мнѣ сегодня! Выпей, батюшка“,—отвѣчала Аграфена Кондратьевна“. Вообще Шевченко съумѣлъ превосходно сыграть свою роль.

[1]) Въ замѣткахъ Косарева на листахъ сказано, что 1-й спектакль былъ 26 декабря, 2-й 28-го, а 27-го и 29-го комедія „Свои люди сочтемся“ была сыграна для нижнихъ чиновъ.

По окончаніи спектакля, комендантъ укрѣпленія устроилъ намъ вкусный ужинъ, на который были приглашены и прочіе съ семействами офицеры и купечество.

Послѣ того, комедія эта, по просьбѣ общества, еще повторялась 2 раза [1]), и два раза играли для нижнихъ чиновъ. ..... [2]) Такъ что къ масляницѣ составился театръ изъ нижнихъ чиновъ, которые играли довольно удачно комедію „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“ и одинъ водевиль „Дядюшка“, за что платилось имъ за первое мѣсто рубль, второе 50 к., третье 20 к. и четвертое 10 к.

Шевченко по окончаніи втораго представленія комедіи „Свои люди сочтемся“, переодѣвшись въ малороссійскій костюмъ, плясалъ на сценѣ малороссійскій танецъ. Музыка играла трепака Онъ удивилъ всѣхъ своимъ искусствомъ въ пляскѣ; съ тѣхъ поръ, гдѣ бывали вечера съ танцами, приглашали и Шевченка, и онъ, по просьбѣ общества, никогда не отказывался отплясать трепака.

Въ воскресные дни офицеры нерѣдко собирались пѣть на клиросѣ. Не отставалъ отъ нихъ и Шевченко. Онъ пѣлъ теноромъ. Голосъ у него былъ довольно чистый и звонкій. Онъ любилъ иногда дома, или по просьбѣ, въ обществѣ, пѣть пѣсни и малоросійскія, а въ особенности любилъ пѣть „Віють витры“.

Тарасъ Шевченко, какъ было видно, хорошо образованъ; любилъ много говорить. Онъ копировалъ купцовъ, хохловъ, поповъ, старовѣровъ разныхъ сектъ.

Любилъ онъ и выпить или убить муху въ зеленомъ винѣ. Офицеры изучили Шевченка такъ, что если у кого онъ сидитъ въ гостяхъ и преимущественно въ семейномъ домѣ, то слѣдятъ за нимъ, въ особенности, когда подана на столъ сухая закуска и водка.

Шевченко зналъ множество анекдотовъ; когда онъ выпивалъ первую рюмку водки, то разсказывалъ ихъ уже свободнѣе,

---

[1]) Смотри примѣчаніе выше.

[2]) Очевидно пропускъ. На отдѣльныхъ листахъ это мѣсто написано слѣдующимъ образомъ: „27 го и 29-го чиселъ было сдѣлано представленіе этой комедіи для нижнихъ чиновъ, которое послужило имъ въ пользу, такъ что въ послѣдствіи

за второй рюмкой еще свободнѣе, а наконецъ послѣ 3-й онъ былъ только годенъ въ холостой компаніи [1]).

Въ укрѣпленіи въ то время находился повѣреннымъ по акцизной части нѣкто отставной чиновникъ 14-го класса, Константинъ Николаевичъ Зигмунтовскій, и жена его чухонка, Софья Самойловна. Ему было отъ роду лѣтъ 70, а ей 50. Онъ былъ еще бодрымъ, а она свѣжая, бѣлая и румяная; смолоду, надо полагать она была красавица. Семейство это, кромѣ продажи питей, имѣло у себя винный погребокъ и магазинъ разныхъ для продажи вещей. Зигмунтовскій еще въ нижнихъ чинахъ служилъ въ какомъ-то гусарскомъ полку, былъ въ походахъ съ княземъ Суворовымъ за Балканами, а по выходѣ въ отставку съ чиномъ 14-го класса жилъ въ Бессарабіи, послѣ того перебрался въ городъ Астрахань и поступилъ къ кому-то въ повѣренные. Зигмунтовскій любилъ тѣхъ людей, которые вызывали его на разсказы о его походахъ за Балканы съ княземъ Суворовымъ. Онъ готовъ говорить цѣлые дни и ночи, а гдѣ возможно даже и приврать. Въ это время хозяйка дома выноситъ большой подносъ съ винами и разными закусками, ставитъ на столъ передъ диваномъ и угощаетъ гостя и своего мужа Константина Николаевича. Тарасъ Шевченко часто придумывалъ предлогъ забраться къ спиртомору (такъ солдаты прозвали Зигмунтовскаго, потому что онъ при отпускѣ спирта въ команды показывалъ крѣпость онаго черезъ спиртометръ Траллеса,—поэтому отъ слова спиртометръ назвали его спиртоморомъ), а тѣмъ болѣе, что онъ былъ и пріятелемъ Зигмунтовскаго. Отправляется: „Здравствуйте, добрѣйшій мой Константинъ Николаевичъ и многоуважаемая Софья Самойловна! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье? Какъ живете, можете?“—Ахъ безцѣнный нашъ, Тарасъ Григорьевичъ! Живемъ, слава Богу, по маленьку вашими усердными молитвами. Какимъ вѣтромъ васъ занесло къ намъ? Вы

времени изъ нихъ нашлось много актеровъ, которые стали въ дни сырной недѣли играть комедіи и водевили. А съ того времени постоянно были театры“.

[1]) Пропускаемъ тутъ разсказъ о шуточныхъ похоронахъ Шевченка, переданный уже въ ст. Н. Д. Н.

давненько насъ не навѣщали... Очень, очень рады! Просимъ милости садиться, дорогой нашъ гость! Побесѣдуемъ кое-о чемъ, а то вѣдь намъ скучно однимъ-то со старухою.

Гость и хозяинъ садятся на диванъ за круглый столъ, а хозяйка отправляется за закускою.

Кхи, кхи, кхи, а я, почтеннѣйшій Константинъ Николаевичъ, составляю исторію, то мнѣ нужно бы кое-что извлечь отъ васъ о Суворовскомъ походѣ, о Дунаѣ и переходѣ черезъ Балканы, а также нѣчто о Бессарабіи. Вѣдь у васъ навѣрно это все осталось въ памяти?"

Зигмунтовскому только этого и нужно было. Начинается разсказъ чуть-ли не со дня рожденія его самого и Софьи Самойловны, которая въ то время уже ставила на столъ подносъ съ винами и многосложной закускою. Разсказъ продолжался до возвращенія изъ Суворовскаго похода и оканчивался тѣмъ, что у нихъ въ Бессарабіи родятся огурцы настолько большіе, что, бывало, разрѣжешь пополамъ огурецъ, изъ одной половинки сдѣлаешь лодку, а изъ другой два весла, сядешь и переплывешь черезъ Дунай на другую сторону.

Тарасъ въ свою очередь прерываетъ разговоръ и начинаетъ свой.

Выслушайте теперь меня, безцѣнный Константинъ Николаевичъ! Когда я служилъ на Раинѣ, вы не повѣрите, что тамъ есть рѣка Сыръ-Дарья, очень широкая и рыбная. Въ ней очень много всякой крупной рыбы, которая почти вся по верху плаваетъ и довольно смирная и никого не пугается. Бывало, захочешь отправиться на другую сторону рѣки, то свиснешь и скоро перебѣжишь по рыбѣ: одной ногой станешь на сома, другой на осетра, а потомъ на сазана, судака, усача, а иногда такъ случится, что большая рыба и сама догадается—перевезетъ; смотришь—и переправился. Стоишь на берегу и любуешься на эту рыбную рѣку".

— Да вы, кажется, неправду говорите Тарасъ Григорьевичъ!?—смотритъ удивленно на него Зигмунтовскій.

„Можетъ быть я и привралъ, Константинъ Николаевичъ, но и вы, кажется, сказали неправду объ огуречной лодкѣ".

Наконецъ хозяинъ сознается передъ гостемъ, что онъ соврaлъ.

Между тѣмъ бутылка опустѣла, закуска съѣдена; хозяинъ и гость угостились; оставляя разговоръ до другаго времени, ложатся спать, или гость кое-какъ отправляется домой (въ казармы) [1]).

Въ 1856 году, по семейнымъ обстоятельствамъ я выпросилъ себѣ смѣну и отправился съ ротою въ г. Уральскъ; пробывъ тамъ до весенняго времени 1857 г., женился и возвратился обратно въ укрѣпленіе, такъ какъ нѣкто маіоръ Л., смѣнившій меня, сталъ вести себя дурно, пить, ничего не дѣлать и, наконецъ, умеръ скоропостижно. Все это дошло до свѣдѣнія начальника дивизіи, бывшаго тогда въ г. Уральскѣ, который и командировалъ меня туда вступить по прежнему въ завѣдываніе тѣми-же двумя ротами и за это представилъ меня въ маіоры. По прибытіи въ Ново-Петровское укрѣпленіе въ маѣ мѣсяцѣ того года, я засталъ Шевченка въ добромъ здоровьи, котораго я перевелъ тогда къ себѣ во 2-ю роту изъ 4-й, отправлявшейся въ г. Уральскъ (роты стояли въ укрѣпленіи по 2 года каждая).

Въ томъ же году рядовой Шевченко получилъ Высочайше дарованное прощеніе и уволился отъ службы; съ тѣмъ однако, что ему запрещено было проживаніе въ г. Кіевѣ [2]), а также въѣздъ въ столицу.

Въ концѣ августа [3]) того-же года Тарасъ Шевченко былъ отправленъ на почтовой лодкѣ въ Гурьевъ городокъ [4]) для от-

---

[1]) Пропускаемъ разсказъ о поѣздкѣ на охоту, переданный въ статьѣ Н. Д. Н.

[2]) Билетъ № 1403 Шевченку былъ выданъ (правда по ошибкѣ) для проживанія въ С.-Петербургѣ.

Въ предписаніи генералъ-адъютанта графа Перовскаго отъ 28 мая 1857 г. № 543 начальнику 23 пѣхотной дивизіи мѣстомъ жительства Шевченко впредь до увольненія на родину назначенъ г. Оренбургъ. Въѣздъ въ столицы былъ ему воспрещенъ. „Русская Старина“, май, 1891 г. статья А. Родзевича. *К. О.*

[3]) 1-го августа 1857 г., „Русская Старина“ май, 1891 г. стр. 444, ст. А. Родзевича.

[4]) Въ Гурьевъ городокъ Шевченко не ѣздилъ, а отправился прямо въ Астрахань, куда и прибылъ 22-го августа, что видно изъ рапорта отъ 4 сентября 1857 г. № 97 астраханскаго плацъ-адъютанта прапорщика Буруева маіору Ускову. Тамъ-же, стр. 444.

правленія ва г. Уральскъ къ батальонному штабу. По прибытіи туда [1]) и увольненіи отъ службы, Шевченко и выѣхалъ изъ Уральска въ г. Кіевъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Съ того времени я его больше не видалъ.

О немъ хлопотала одна графиня, которой онъ показывалъ мнѣ и письмо.

Шевченка мнѣ много разъ приходилось исправлять гауптвахтнымъ арестомъ или казарменнымъ, не выпуская со двора, и онъ сознавалъ свою виновность, нисколько на это не ропталъ, а напротивъ меня любилъ и уважалъ.

По выходѣ изъ службы Шевченко расписалъ въ какомъ-то журналѣ батальоннаго командира подполковника Л. [2]), котораго онъ не уважалъ.

Начало службы Шевченка я зналъ изъ разсказовъ самого его и другихъ лицъ, служившихъ въ Раимѣ, а также и изъ дѣлъ сохранившихся, въ архивѣ управленія форта № 1; а остальная его служба была почти (все время) подъ моимъ начальствомъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи.

Е. Косаревъ.

III.

Нѣсколько словъ о «Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ».

Съ 1886 года по 1889 мнѣ пришлось служить въ военной службѣ въ Орскѣ въ управленіи уѣзднаго воинскаго начальника. При управленіи оказался архивъ, въ которомъ хранятся дѣла нѣсколькихъ частей войскъ, бывшихъ въ 40 и 50 годахъ въ крѣпости Орской и др. ближайшихъ степныхъ укрѣпленій. Архивъ былъ въ большомъ безпорядкѣ, такъ что мнѣ въ 1888 году пришлось приводить его въ порядокъ. Зная, что Та-

---

Объ отправленіи Шевченко въ Астрахань, а не въ Гурьевъ городокъ говорила мнѣ вдова Косарева, объясняя это ошибочнымъ распоряженіемъ маіора Ускова.

[1]) Въ Уральскъ Шевченко не ѣздилъ, а прямо направился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и былъ задержанъ. Тамъ-же стр. 444, 446.

[2]) Если не ошибаюсь, въ журналѣ „Основа“ за 1861 г. въ дневникѣ.

расъ Григор. былъ первоначально на службѣ въ Оркѣ въ № 5 баталіонѣ, я сталъ просматривать дѣла съ цѣлью отыскать что нибудь, имѣющее біографическое значеніе. Хотя меня предупреждали, что все уже, что только было, вынуто изъ дѣлъ и отослано будто-бы въ Петербургъ по чьему-то требованію, но это меня нисколько не остановило. Впрочемъ, дѣйствительно я сталъ замѣчать, что нѣкоторыя бумаги, и повидимому относящіяся къ жизни поэта—вынуты изъ дѣлъ. Но мнѣ все таки попалось нѣсколько бумагъ, о которыхъ я и намѣренъ сообщить—быть можетъ это когда нибудь пригодится. Къ сожалѣнію изъ числа попавшихся мнѣ бумагъ я снялъ копію только съ одной, а остальныя такъ и оставилъ въ дѣлахъ безъ снятія копій: я думалъ, что все попадавшееся мнѣ уже извѣстно въ печати. Изъ числа оставшихся въ дѣлахъ бумагъ помню рапортъ баталіоннаго командира о томъ, что прибывшій на службу художникъ с.-петербургской академіи Т. Гр. Шевченко заявилъ, что въ Кіевѣ у губернатора остался принадлежащій ему портфель съ бумагами, рисунками и, кажется, палка, почему проситъ ходатайства о возвращеніи ихъ ему. На это оказался въ дѣлѣ отвѣтъ кіевскаго губернатора о томъ, что портфель и вещи Шевченка отосланы въ 3-е отдѣленіе канцеляріи Его Императорскаго Величества. Нашелся листъ, на которомъ Тарасъ Григорьевичъ былъ приведенъ къ присягѣ. Листъ этотъ послѣ слова „аминь“ подписалъ „рядовой Тарасъ Григорьевъ сынъ Шевченко“, священникъ Павловскій и присутствовавшій подпоручикъ Ростопчинъ. Не помню только ни числа, ни года, когда была сдѣлана присяга. Затѣмъ нашлось распоряженіе командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и оренбургскаго военнаго губернатора, генерала отъ инфантеріи Обручева, отъ 27 апрѣля 1850 г. за № 52 на имя начальника 23 п. дивизіи, генерала Толмачева,—съ котораго снята мною копія.

Генералъ Обручевъ, въ дополненіе къ предписанію отъ 22 генваря и 9 февраля за №№ 292 и 507, даетъ знать, „что назначенный къ отправленію въ Ново-Петровское укрѣпленіе рядовой Шевченко, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, отставляется отъ этой командировки“, и проситъ распоряженія „о

переводѣ его изъ оренбургскаго линейнаго № 4 по прежнему въ баталіонъ № 5 съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго надзора съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ сочиненій, какъ было сообщено отъ 10 іюня 1847 г. за № 25. При чемъ далѣе говорится, что, рядовой этотъ, по моему распоряженію, содержится нынѣ въ здѣшней главной гауптвахтѣ, а потому объ отправленіи его въ баталіонъ послѣдуетъ въ свое время особое распоряженіе". Генералъ Толмачевъ, начальникъ 23 п. дивизіи, сообщилъ объ этомъ командиру 1 бригады, генералу Федяеву, съ присовокупленіемъ, что Шевченко приказомъ по дивизіи 30 апрѣля за № 91 переведенъ изъ № 4 въ № 5. баталіонъ. Федяевъ въ свою очередь сообщилъ распоряженіе командиру № 5 баталіона, находившагося по прежнему въ кр. Орской.

Такъ какъ баталіонъ № 4 находился въ то время въ укрѣпленіи Раимскомъ, баталіонъ № 5—въ орской крѣпости, а главная гауптвахта въ Оренбургѣ, то ясно, что весною 1850 года Шевченко былъ уже не въ Орскѣ, а въ Оренбургѣ, откуда предполагалось отправить его въ Ново-петровское укрѣпленіе, находившееся на Аральскомъ морѣ. Такъ какъ командировки въ степныя укрѣпленія совершались однажды въ годъ, а именно весною, въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ, то нужно полагать, что въ весну 1850 г. Тарасъ Григорьевичъ не былъ въ степи.— Подъ выраженіемъ упомянутаго распоряженія о томъ, что онъ содержится въ главной гауптвахтѣ, нужно подразумѣвать, что онъ въ то время находился подъ арестомъ и по этой причинѣ не могъ быть отправленъ къ № 5 баталіону въ Орскъ тотчасъ, а впредь до особаго распоряженія.

Кромѣ этой бумаги, въ дѣлахъ попадались мнѣ списки нижнимъ чинамъ, отданнымъ въ военную службу по Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія. Въ этихъ спискахъ значится и Т. Гр. Шевченко. Въ отмѣткахъ противъ него говорится, что онъ опредѣленъ на службу 23 іюня 1847 года въ № 5 оренбургскій линейный баталіонъ по Высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи корпуснаго командира

отъ 10 іюня 1847 г. за № 25, изъ художниковъ с.-петербургской академіи „за сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ возмутительнаго и самаго дерзкаго содержанія стиховъ", съ правомъ выслуги. Другихъ важныхъ документальныхъ свѣдѣній о пребываніи Шевченка въ войскахъ не попадалось мнѣ, не смотря на то, что я чуть-ли не по листамъ пересмотрѣлъ многія дѣла. Если и были таковыя, то, какъ я уже говорилъ, они вынуты раньше по чьему т отребованію изъ С.-Петербурга.

Въ бытность мою въ Орскѣ мнѣ попалось одно стихотвореніе Шевченка, котораго, кажется, вовсе нѣтъ въ изданныхъ до сего времени сборникахъ стихотвореній поэта. Такъ какъ стихотвореніе я помню наизустъ, то и привожу его здѣсь цѣликомъ.

„Ой у саду, саду,
Гуляли кокошки,
Чернявая, билявая,
Дзюбатая трошки.
Хочь я и дзюбата,
Таки-жъ бо я пышна,
Сватай мене, серце мое,
Я-бъ за тебе выйшла.

Я-бъ за тебе выйшла,
Я-бъ тебе любыла,
Ой я тоби, що субботы,
Кучерики змыла.
Ой змыла-бъ я, змыла,
Та щей й росчесала,
Ой я-бъ тебе, серце мое,
Ще-й поцилувала.

Стихотвореніе это было напечатано въ Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1888 годъ[1]). Долженъ сказать, что въ этихъ вѣдомостяхъ часто попадаются корреспонденціи или фельетоны, сообщающіе о различныхъ обстоятельствахъ жизни Тараса Григорьевича въ этомъ краю. Сообщенія эти очевидно принадлежатъ почитателямъ таланта и личности поэта, пребывающимъ до настоящ. времени тамъ. Изъ числа этихъ свѣдѣній навѣрное найдутся очень важныя въ біографическомъ отношеніи. Поэтому желательно было бы, чтобы составители полной біографіи знаменитаго нашего поэта не преминули воспользоваться всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находится въ названныхъ вѣдомостяхъ, а быть можетъ и въ другихъ, напр. Ташкентскихъ.

Людей, которые бы могли помочь въ чемъ нибудь существенномъ по собиранію біографическихъ свѣдѣній, въ г. Орскѣ

[1]) Почти навѣрое можно сказать, что это стихотвореніе не принадлежитъ Шевченку, о чемъ мы подробнѣе скажемъ послѣ.—Ред.

въ настоящее время нѣтъ. Сколько мнѣ извѣстно, свѣдѣнія о Шевченкѣ собиралъ инспекторъ городскаго училища въ Оркѣ Иванъ Антоновичъ Романинъ, которыя онъ, вѣроятно, и помѣщаетъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а также учитель того училища А. Михайловъ.

Между прочимъ, долженъ сказать, что память о Шевченкѣ, самая пріятная, сохранилась въ Оркѣ до настоящаго времени, не смотря на то, что со времени пребыванія его прошло около 40 лѣтъ. Встрѣчались тамъ мнѣ люди, которые, знакомясь со мною, при одномъ имени, что я малороссъ и прибылъ изъ Малороссіи, вспоминали Тараса Григоревича Шевченка и что онъ былъ сосланъ туда. Какъ тѣ немногіе, которые лично помнятъ Тараса Григорьевича, такъ и другіе, знающіе о немъ только по наслышкѣ отъ другихъ, но уже умершихъ или выѣхавшихъ изъ Орска людей,—восхваляли поэта, какъ веселаго, остроумнаго и добраго человѣка. Люди, которые лично помнятъ его, говорятъ о немъ съ глубокимъ одушевленіемъ и уваженіемъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что память о поэтѣ надолго останется у жителей города Орска и вообще въ томъ краѣ.— Вотъ все, что я хотѣлъ сказать въ нѣсколькихъ словахъ о нашемъ высокочтимомъ поэтѣ. *Г. П. Даценко.*

IV.

Письма Т. Г. Шевченка къ кн. В. Н. Репниной.

Въ сочиненіи М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ (стр. 43) сказано: „къ величайшему сожалѣнію, письма Шевченка къ княжнѣ безвозвратно погибли“. Не знаемъ, какія данныя имѣлъ въ рукахъ почтенный авторъ этого сочиненія, утверждая только-что приведенное, но мы можемъ съ полной достовѣрностью сказать, что печатаемые ниже 7 писемъ Шевченка къ княжнѣ сохранились въ подлинномъ видѣ, и намъ доставлена самая точная копія съ нихъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что это, по всей вѣроятности, далеко не всѣ письма его къ княжнѣ, т. к. переписка ихъ началась по крайней мѣрѣ за три года раньше даты перваго изъ этихъ писемъ (1847 г.).

I [1]).

Крѣпость Орская.
24 окт 1847.

По ходатайству вашему, добрая моя Варвара Николаевна, я былъ опредѣленъ въ Кіевскій университетъ, и въ тотъ самый день, когда пришло опредѣленіе, меня арестовали и отвезли въ Петербугъ 22 апреля (день для меня чрезвычайно памятный), а 30 маія мнѣ прочитали комфермацію и я былъ уже не учитель Кіевскаго университета, а рядовой солдатъ Оренбургскаго линѣйнаго гарнизона!

О какъ невѣрны наши блага
Какъ мы подвержены судьбѣ.

И теперь прозябаю въ киргизской степи, въ бѣдной Орской крѣпости. Вы непремѣнно разсмѣялись бы, еслибъ увидѣли теперь меня; вообразите себѣ самого неуклюжого гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, съ чудовищными усами, и это буду я, смѣшно, а слезы катятся, что дѣлать, такъ угодно Богу. Видно я мало терпѣлъ въ моей жизни, и правда, что прежнія мои страданія, въ сравненіи съ настоящими, были дѣтскія слезы; горько, невыносимо горько! и привсемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать что бы то нибыло и писать (окроми писемъ), а здѣсь такъ много нового: Кыргизы такъ живописны, такъ оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ, и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ, мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное, тощая рѣчка уралъ и орь, обнаженные сѣрые горы, и безконечная киргизская степь. Иногда степь оживляется бухарскими на верблюдахъ караванами, какъ волны моря зыблющими вдали, и жизнію своею удвоеваютъ тоску, я иногда выхожу за крѣпость, къ караванъ-сараю, или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры, какой стройный народъ! Какіе прекрасные головы! (чистое кавказское племя) и постоянная важность, безъ малѣйшей гордости; если бы мнѣ можно рисовать, сколько бы я вамъ

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.—Ред.

прислалъ новыхъ и не оригинальныхъ рисунковъ. Но что дѣлать! а смотрѣть и нерисовать это такая мука, которую пойметъ одинъ истинный художникъ. И я все таки почитаю себя счастливымъ въ сравненіи съ Кулѣшомъ и Костомаровымъ, у перваго жена прекрасная молодая, а у второго бѣдная добрая старуха мать, а ихъ постигла таже участь, что и меня, и я не знаю, за какое преступленіе они такъ страшно поплатились. Вотъ уже болѣе полугода я не имѣю никакого понятія о нашей бѣдной новой литературѣ, и я просилъ бы васъ, добрая Варвара Николаевна, ежели достанете последнѣе сочиненіе Гоголя *письма къ друзьямъ*, то пришлите мнѣ, вы сдѣлаете доброе дѣло и если можно, *чтеніе Московскаго Археологическаго Общества* издаваемое *Бодянскимъ*, я могъ бы выписать все это самъ но..... пришлите добрая Варваря Николаевна это будетъ вѣрнѣе, и Богъ вамъ заплатитъ за доброе дѣло. Адресъ мой сообщитъ вамъ Андрей Ивановичъ [1]). Моя сердечная благодарность княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ [2])—и всему дому вашему моя любовь и уваженіе, прощайте желаю вамъ всѣхъ благъ и иногда вспоминать безталаннаго Т. *Шевченка*.

Княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ.

II.

К. О. 1848.
25 февраля.

Тринадцатый день уже читаю ваше письмо, наизустъ выучилъ, а сегодня только нашелъ время и мѣсто (въ казармахъ) отвѣтить вамъ, Добрѣйшая и благороднѣшая Варвара Николаевна. Я какбы отосна тяжолого проснуся, когда получу письмо отъ кого-нибудь неотрекшагося мене, а ваше письмо, перенесло меня изъ мрачныхъ казармъ на мою родину—и въ вашъ прекрасный Яготынъ, какое чудное наслажденіе воображать тѣхъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ, хотя ихъ очень мало, ща-

[1]) Андр. Ивановичъ Лизогубъ.—Ред.

[2]) Варвара Алексѣевна Репнина.—Ред.

сливъ кто малымъ доволенъ, и въ настоящее время я принадлежу къ самимъ щастливымъ, я бесѣдуя съ вами, праздную 25 февраля, не шумно, какъ это было прежде! но тихо, тихо, и такъ весело, какъ никогда не праздновалъ, и за эту виликую радость я обязанъ вамъ и Г. Ивановнѣ [1]), Да осенить васъ благодать божія, пишите ко мнѣ такъ часто, какъ вамъ время позволяетъ. молитва и ваши искренніи письма болѣе всего помогутъ мнѣ нести крестъ мой. Евангеліе я имѣю, а книги, которыхъ я просилъ васъ, пришлите, это для меня хотя малое но все же будетъ развлеченіе.

26 февр. вчера я немогъ кончить письма, потому что товарыщи солдаты кончили ученье, начались разсказы кого били, кого обѣщались бить, шумъ, крикъ, балалайка, выгнали меня изъ казармъ, я пошолъ на квартиру къ офицеру (меня спасибо имъ всѣ принимаютъ какъ товарища) и только расположился кончить письмо, и вообразите мою муку: хуже казармъ, а эти люди (да простить имъ богъ) съ большой претензіей на образованность, и знаніе приличій, потому что нѣкоторые изъ ихъ присланы изъ западной Россіи, Боже мой! неужели и мнѣ суждено быть такимъ. страшно! пишите ко мнѣ и присылайте книги.

27 фев. Только сегодня, и то можетъ быть, кончу давно начатое письмо. Что дѣлать!

Теперъ самое тихое и удобное время—одинадцатый часъ ночи: все спитъ, казармы освѣщены одной свѣчкой, около которой только я одинъ сижу и кончаю нескладное письмо мое, не правда ли картина во вкусѣ Рембрандта?—Но и величайшій геній поэзіи не найдетъ въ ней ничего утѣшительнаго для человѣчества, содня прибытія моего въ К. О. [2]) я пишу дневникъ свой, сегодня развернулъ тетрадь, и думалъ сообщить вамъ хоть одну страницу,—и чтоже! такъ однообразно-грустно, что я самъ испугался—и зжогъ мой дневникъ на догорающей свѣчѣ. Я дурно здѣлалъ, мнѣ послѣ жаль было моего дневника, какъ матери своего дитяти, хотя и урода.

---

[1]) Глафира Ивановна Дунинъ-Борковская.

[2]) Крѣпость Орская.

28 фв. вчера я просидѣлъ до утра, и немогъ собраться съ мыслями, чтобы кончить письмо, какоето безотчетно состояніе овладѣло мною (прійдите всѣ труждающіися и обремененные, и азъ упокою вы). предъ благовѣстомъ къ заутрени, пришли мнѣ на мысль слова распятаго за насъ, и я какъ бы ожилъ, пошолъ къ заутрени и такъ радостно, чисто молился, какъ можетъ быть никогда прежде. Я теперь говѣю, и сегодня пріобщался святыхъ таинъ—желалбы чтобъ вся жизнь моя была такъ чиста и прекрасна, какъ сегоднѣшній день! Ежели вы имѣете, первого или второго изданія книгу Ѳомы Кампейскаго о подражаніи Христу, Сперанскаго переводъ, то пришлите ради Бога. Предстоитъ весною походъ въ степь, на берега оральскаго моря для построенія новой крѣпости, бывалые въ подобныхъ походахъ здѣшнюю въ К. О. жизнь сравниваютъ съ эдемомъ. каково же должно быть тамъ, коли здѣсь эдемъ! Но никто какъ богъ, одно меня печалитъ: туда не ходитъ почта и прійдется годъ, а можетъ быть и три, коли переживу, не имѣть сообщенія ни скѣмъ близкимъ моему сердцу, пишите, еще мартъ мѣсяцъ нашъ, а тамъ да будетъ воля божія!

Пугаетъ моя настоящая болѣзнь *скорбутъ*, а въ степи говорятъ, она ужасно свирепствуетъ. Да заменимъ унынie надеждой и молитвой, странно! прежде я смотрѣлъ на природу одушевленную, и неодушевленную, какъ на совершеннѣйшую картину, а теперь какъ будьто глаза перемѣнились: ни линій, ни красокъ ничего невижу. Неужели это чувство прекрасного утрачено на вѣки? а я такъ дорожилъ имъ! Такъ лелеялъ его! нѣтъ я должно быть тяжко согрѣшилъ, предъ богомъ, коли такъ страшно караюсь!

Ежели будете писать Андрею Ивановичу, просите его о томъ, о чемъ я его просилъ, и если можно, чтобы онъ поторопился, боюсь ежели его посылка не застанетъ меня здѣсь, и васъ прошу о томже; одно спасеніе отъ одереveненія—книги.

29 фев. *высокосъ* читая и перечитывая ваше письмо, я только сегодня замѣтилъ слова—*вы меня вспомнили въ далекой сторонѣ*. Не вспомнилъ, Добрая благородная Варвара Никоваевна,

а помнилъ, со дня или вечера, когда я вамъ жаловался на сосѣда вашего П. Л. [1]) (да проститъ ему господь), и буду помнить васъ, пока угодно будетъ богу оставить во мнѣ-хоть искру чувства добраго. Молитеся, молитеся, молитва ваша угодна богу. Она меня оградитъ, отъ этого страшного безчувствія, которое уже начинаетъ проникать въ мою разслабленную душу.

Миръ праху доброго человѣка [2]), который привѣтствовалъ меня въ новый годъ не какъ безпріютного скитальца, а какъ роднаго сына. Какъ это недавно было, мнѣ кажется вчера, а сколько надеждъ моихъ несбылися?

Вы говорите, что у васъ въ Яготынѣ все идетъ по прежнему, общество тоже самое, исключая Татьяны Ивановны, да исцѣлитъ ея господь. Сердечно радъ, что добрый человѣкъ, бывшій кіевскій студентъ, между вами, благодарю его за память обо мнѣ, и всѣхъ кто не забылъ меня. Князю В. Н. [3]) и княгинѣ мое глубочайшее почтеніе, прощайте и молитеся за нещастливаго и душею вамъ преданного. *Т. Шевченка.*

Благодарю васъ Глафира Ивановна за ваши не многіе но искренніе строки, не пиняйте что я поздно отозвался, такъ было угодно богу, и это письмо не знаю когда прыйдетъ къ вамъ! когда бы не пришло, передайте его доброй вашей тети и вспоминайте хоть изрѣдка незабывающаго васъ *Т. Ш.*

Т. И. тое глубочайшее почтеніе; пришлите ежели имѣете *свячену воду*; она ороситъ мое увядающее сердце, братьямъ и сестрамъ вашимъ поклонъ, скажите имъ и просите ежели незабыли меня Да помолятся обо мнѣ.

III.

На дняхъ возвратился я изъ Киргизской степи, и изъ аральского моря, въ Оренбургъ. И сегодня Лазаревскій сообщилъ мнѣ письмо ваше, гдѣ вы именемъ всего дорогого просите сообщить обомнѣ хоть какое нибудь извѣстіе. Добрый и

---

[1]) Платонъ Лукашевичъ.—Ред.

[2]) Вмѣсто „человѣка“ стояло „отца вашего“, но зачеркнуто рукою Т. Г. Ш. – Ред.

[3]) Василій Николаевичъ Репнинъ.—Ред.

единый другъ мой! Обо-мнѣ никто не зналъ, гдѣ я прожилъ эти полтора года, я ни съ кѣмъ не переписывал, потому что не было возможности, почта ежели и ходитъ черезъ степь, то два раза въ годъ. а мнѣ всегда въ это время не случалось бывать въ укрѣпленіи. вотъ причина! и да сохранитъ васъ господь подумать, чтобы я могъ забыть васъ, добрая моя Варвара Николаевна. Я очень, очень часто въ моемъ уединеніи вспоминалъ Яготинъ и наши кроткіе и тихіе бесѣды, немного прошло времени, а какъ много измѣнилось, по крайней мѣрѣ со мною, вы бы уже во мнѣ не узнали прежняго глупо восторженнаго поэта, нѣтъ я теперь сталъ слишкомъ благоразуменъ; вообразите! въ продолженіи почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помисла вдохновеннаго—проза и проза или лучше сказать степь, и степь! да, варвара Николаевна я самъ удивляюсь моему превращенію, у меня теперъ почти нѣтъ ни грусти ни радости, зато есть миръ душевный, моральное спокойствіе до рибьего хладнокровія. Грядущее для меня какъ будьто не существуетъ. ужели постоянные несчастія могутъ такъ печально переработать человѣка? да это такъ. Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченка, и благодарю бога,

Много есть любопытнаго въ киргизской степи и въ аральскомъ морѣ, но вы знаете давно, что я врагъ всякихъ описаній, и потому не описываю вамъ этой неисходимой пустыни, лѣто проходило въ морѣ, зима въ степи, въ занесенной снѣгомъ джеломѣйкѣ *въ родь шалаша*, гдѣ я бѣдный художникъ рисовалъ киргизовъ и между протчимъ нарисовалъ свой портретъ, который вамъ посылаю на память обо мнѣ, о нещастномъ вашемъ другѣ.

Проживая въ Одессѣ бить можетъ встрѣтитесь съ алексѣемъ ивановичемъ Бутаковымъ, это флотскій офицеръ и иногда бываетъ въ Одессѣ, у него въ Николаевѣ родственныки и родные, это мой другъ товарищъ и командиръ, при описаніи аральскаго моря. сойдитесь съ нимъ Благодарите его за его доброе братское сомною обращеніе, онъ ежели встрѣтитесь съ нимъ, сообщитъ всѣ подробности о мнѣ,

Прощайте добрая моя варвара Николаевна, кланяюсь Глафирѣ Ивановнѣ князю василію Николаевичу и всему дому вашему.

Т. Шевченко.

14 Ноября
1849—оренбургъ.

IV.

1. Января 1850
Оренбургъ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, молю Господа о ниспосланіи вамъ всѣхъ благъ. Я теперь сижу одинъ одинешенекъ и вспоминаю то прошлое, когда мы съ вами въ первый разъ встрѣтились въ яготынѣ—и многое пришло въ мою грустную безталанную голову—ужели и конецъ моей жизни будетъ также печаленъ какъ настоящій день? въ несчастіи невольно дѣлаешься суевѣрнымъ—я теперь почти убѣжденъ, что мнѣ невидить веселыхъ дней, и сердцу дорогихъ, и милой моей родины!

Для новаго года мнѣ обявили, что слѣдующей весною я долженъ буду отправиться опять на аральское море, вѣрно мнѣ отуда невозвратится! за прошедшій походъ мой мнѣ отказано въ представленіи на высочайше помилованіе? и подтверждено запрещеніе писать и рисовать! вотъ какъ я встрѣчаю новый годъ! неправда весело?

Я сегодня же пишу Василію Андреевичу Жуковскому—(я съ нимъ лично знакомъ) и прошу его о исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Напишите и вы ежели вы съ нимъ знакомы. Или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ, онъ съ нимъ въ весьма короткихъ отношеніяхъ. О большемъ несмѣю васъ безпокоить. Мнѣ страшно дѣлается, когда я подумаю о киргизской степи—съ отходомъ моимъ въ степъ я долженъ буду опять прекратить переписку съ вами и можетъ быть намного лѣтъ—а можетъ быть и навсегда! Не допусти Господи!

Я недавно вамъ писалъ; незнаю, получили-ли вы? потому что адресъ не тотъ, который мнѣ прислалъ на дняхъ андрей ивановичъ. ежели будите писать ко мнѣ; то сообщите свой на-

стоящій адресъ—и сообщите адресъ Гоголя, и я напишу ему по праву малоросійского виршеплета, а лично его не знаю. Я теперъ какъ падающій въ бездну готовъ завсе ухватится—ужасна безнадежность! такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ боротся съ нею. Я васъ попрошу, ежели можно достать въ Одессѣ—потому что я здѣсь не наполъ—прислать мнѣ *Ѳому Кампейскаго* о подражаніи Христу. Единственная отрада моя въ настоящее время,—это евангеліе. Я читаю ее безъ изученіе, ежедневно и ежечастно. прежде когдато думалъ я анализировать серце матери, по жизни святой Маріи, непорочной матери Христовой,—но теперъ и это мнѣ будетъ въ преступленіе, какъ грустно я стою между людьми! ничтожны матеріальные нужды въ сравненіи съ нуждами души,—а я теперъ брошенъ въ жертву той и другой! добрый Андрей Ивановичъ проситъ меня прислать все чтобы я ненарисовалъ и назначать самъ цѣну; что я ему пошлю? когда руки и голова закованы! едвали кто нибудь терпѣлъ подобное горе!

Я васъ печалю для нового года, добрая Варвара Николаевна, своимъ грустнымъ посланіемъ—что дѣлать! у кого что болитъ, тотъ о томъ говоритъ; и мнѣ хотя немного отрадніе стало, когда я выисповѣдался предвами! Кланяюсь Глафирѣ Ивановнѣ и всему дому вашему.

Пишите ко мнѣ въ Г. Оренбургъ на имя его благородія Карла Ивановича *Герна* въ генеральный штабъ, не надписывая моей фамиліи—онъ узнаетъ по штемпелю.

Прощайте Варвара Николаевна; незабывайте бѣдного и искреннаго къ вамъ *Т. Шевченко.*

V.

Оренбургъ 7-го марта 1850.

Всѣ дни моего пребыванія когдато въ Яготинѣ есть и будутъ для меня рядъ прекрасныхъ воспоминаній. одинъ день былъ покрытъ легкой тѣнью, но послѣднее письмо ваше и это грустное воспоминаніе освѣтило. Конечно вы забыли? вспомните! Случайно какъ то зашла рѣчъ у меня съ вами о *мертвыхъ душахъ* и вы отозвались чрезвычайно сухо, меня это по-

разило не пріятно, потому что я всегда читалъ Гоголя съ наслажденіемъ, и потому что я въ глубинѣ души уважалъ вашъ благородный умъ, вашъ вкусъ, и ваши нѣжно возвышенные чувства. Мнѣ было больно, я подумалъ: я такъ грубъ и глупъ, что не могу нипонимать, ни чувствовать прекрасного? да, вы правду говорите, что предубѣжденіе ни вкакомъ случаи не позволительно, какъ чувство безъ основанія.—Меня восхищаетъ ваше теперешнее мнѣніе—и о Гоголѣ, и его безсмертномъ созданіи! я въ восторгѣ, что вы поняли истинно христіанскую цѣль его! да!... Передъ Гоголемъ должно благоговѣть, какъ предъ человѣкомъ, одареннымъ самимъ глубокимъ умомъ и самою нѣжною любовью къ людямъ! Сю, помоему похожъ на живописца, который, не изучивъ порядочно анатоміи, принялся рисовать человѣческое тѣло, и чтобы прекрить свое невѣжество, онъ его полуосвѣщаетъ. Правда, подобное полуосвѣщеніе эфектно, но впечатлѣніе его мгновенно!—такъ и произведенія Сю, пока читаемъ—нравится и помнимъ, а прочиталъ—и забылъ. Эфектъ и больше ничего! Нетаковъ нашъ Гоголь—истинный вѣдатель сердца человѣческаго! Самый мудрый философъ! и самый возвышенный поэтъ долженъ благоговѣть предъ нимъ, какъ передъ человѣколюбцемъ! Я никогда не престану жалѣть, что мнѣ не удалося познакомиться лично съ Гоголемъ. Личное знакомство съ подобнымъ человѣкомъ неоциненно, въ личномъ знакомствѣ случайно иногда откриваются такіе прелести сердца, что невсилахъ никакое перо изобразить!

Я здѣлался настоящимъ попрошайкой! Что дѣлать? Оренбургъ такой городъ, гдѣ и неговорятъ о литературѣ, а не то чтобы можно было въ немъ достать хорошую книгу. Вся та рѣчь къ тому, что бы вы мнѣ (найвсепокорнѣйше прошу) прислали *Мертвыя души*. Меня погонятъ 1 маія въ степь, на восточный берегъ каспійскаго моря въ новопетровское укрѣпленіе, слѣдовательно опять прервутъ всякое сообщеніе съ людьми. И такая книга какъ М. Д. будетъ для меня другомъ въ моемъ одиночествѣ!

Пришлите В. Н. ради Бога—и ради всего высокого заключенного въ сердце человѣческомъ;—конечно ненадокучая

вамъ можнобы выписать изъ Москвы, но увы! Я немогу себѣ теперь позволить подобной роскоши. У меня давно было намѣреніе просить у васъ эту книгу, но помня тотъ грустный вечеръ въ Яготынѣ, я не осмѣливался. Пришлите ради всего святого!

Новый завѣтъ я читаю съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Въ слѣдствіи этого чтенія во мнѣ родилась мысль описать сердце матери пожизни пречистой дѣвы матери спасителя. И другая— написать картину роспятого сына ея. Молю Господа, чтобы хоть когда нибудь олецетворились мои мечты! Я предлагаю здѣшней католической церквѣ (когда мнѣ позволятъ рисовать) написать запрестольный образъ (безъ всякой цѣны и уговору), изображающій смерть спасителя нашего, повѣшенного между разбойниками, но ксендзъ не соглашается молится предъ разбойниками! Что дѣлать! поневоли находишъ сходство между 19 и 12 вѣкомъ.

Молюся Богу, и нетиряю надежды что испытанію моему прійдетъ когда нибудь конецъ. Тогда отправляюся прямо въ Седневъ, и помѣрѣ силъ моихъ, олецетворю мою такъ долго лелѣянную идею. Въ седневской церквѣ надъ иконостасомъ два вдѣланные въ стѣну желѣзные крюка, меня непріятно поражали — и я думалъ; чемъ закрыть ихъ? И ничего лучше не могъ выдумать, какъ картиною, изображающей смерть спасителя нашего. Если не ошибаюсь, я говорилъ обетомъ съ Андрей Ивановичемъ, непомню.

Лазаревскій теперь въ отсутствіи, но вы адресуйте свое письмо въ пограничную коммисію. Онъ и его получитъ. Это одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей! Онъ первый не устыдился моей сѣрой шенели, и первый встрѣтилъ меня по возвращеніи моемъ изъ Кирги. степи и спросилъ, есть ли у меня что пообѣдать. Да, подобный привѣтъ дорогъ для меня; напишите ему, благодарите его, потому что я и благодарить не умѣю за его пріязнь!

Хотѣлось бы долго, вѣчно бесѣдовать съ вами, единая сестра моя! но что дѣлать. Почта, какъ и время, неостанавли-

ваются ни для нашей грусти, ни для нашей радости. Адресъ мой прежній К. И. Герну. До свиданія *Т. Шевченко.*

(Сбоку страницы) Глафирѣ Ивановнѣ и всему дому вашему поклонъ.

VI

Ново-Петровское укрѣпленіе.
12 генваря 1851 года.

Мнѣ до сихъ поръ живо представляется 12 число генваря—и сосѣдка ваша Т. О. Вольховская, жива ли она добрая старушка? Собираются ли по прежнему въ этотъ день къ ней нецеремонные сосѣди сочады и домочадцы повеселиться денька два-три и потомъ разъехатся по хуторамъ до слѣдующаго 12 генваря. Жива ли она? И много ли еще осталося въ живыхъ, о которыхъ съ удовольствіемъ воспоминаю? Да, впрошедшемъ моемъ хоть изрѣдка мелькаетъ нето чтобы истинная радость, покрайней мѣрѣ и не гнетущая тоска. Недавно каж[illegible] всего четыре года, а какъ тяжело они прошли надъ мое[illegible]оловою, какъ измѣнили они меня, то я самъ себя не узнаю. Вообразите себѣ безжизненного флегму—и это буду я. Не слѣдовало и говорить объ этомъ, а лучшаго нѣчого сказать.

Въ прошедшемъ году сомною ничего новаго не случилось, развѣ только что меня перевели изъ орской крѣпости въ новопетровское укрѣпленіе, на восточный берегъ каспійскаго моря. Начальники мои добрые люди, здоровье мое благодаря Бога хорошо, только чтеніе весьма ограничено, что и удвоиваетъ скуку однообразія. Вотъ и весь бытъ мой настоящій. Когда будете писать Андрею Ивановичу, поклонитесь ему отъ меня, живъ ли Алексѣй Васильевичъ [1])? Я онемъ совершено ничего незнаю, кланяюся Глафирѣ Ивановнѣ и князю В. Н. и всему дому вашему и поздравляю васъ, единый другъ мой съ новымъ годомъ Прощайте! вспоминайте иногда искренного вашего *Т. Шевченко.*

Въ лѣтніе мѣсяцы пишите ко мнѣ черезъ г. Астрахань, а въ зимніе черезъ г. Гурьевъ въ Новопетровское укрѣ-

[1]) Каинистъ.—Ред.

пленіе, на имя Г. Коменданта Его Высокоблагородія Антона Петровича Маевскаго.

VII.

Я здѣсь пользуюся покровительствомъ полковника *Матвѣева*. Напишите ему хоть пару строчекъ, васъ это не унизитъ, а мнѣ принесетъ существенную пользу. Его зовутъ, *Ефимъ Матвѣевичъ Матвѣевъ*, адресуйте письмо на имя *Герна*—съ передачею *Матвѣеву*. Бога для, здѣлайте это, мое возвращеніе изъ Новопетровскаго укрѣпленія будетъ зависить отъ него.

Послалъ я здѣшнего краю произведеніе (кусокъ матеріи) Андрею Ивановичу, въ первыхъ числахъ генваря—и досихъ поръ неимѣю отвѣта. Чтобы значило? Когда будете писать къ нему, упомяните и обе этомъ.—

Простите мнѣ подобные требованія.

Путешествія въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукаго.

Güldenstedt. Reise durch Russland. B. II (изд. 1791 г.).

Кн. И. М. Долгорукій. Славны бубны за горами или путешествіе мое коекуда 1810 г. („Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Ист. и древ. Россійскихъ". 1869 года кн. II и III).

Онъ-же. Путешествіе въ Кіевъ въ 1817 г. (Тѣ-же „Чтенія" 1870 г., кн. II).

При написаніи настоящей статьи изъ путешествій на нѣмецкомъ языкѣ, подъ руками у насъ находилось не только путешествіе Гильденштедта, но еще и „Путешествіе въ 1787 году изъ Волыни въ Херсонъ" Моллерса (Möllers, Reise von Volhynien nach Cherson im Jahre 1787, Hamburg 1802) и „Путешествіе въ южную Россію" Коля (Kohl, Reisen in Südrussland, Dresden und Leipzig, 1841). Но намъ не удалось въ равной степени воспользоваться этими сочиненіями: въ то время, какъ Гильденштедтъ даетъ обильный матеріалъ, у Моллерса мы находимъ очень мало данныхъ для характеристики современной ему Малороссіи, у Коля—никакихъ. Въ виду этого, оставивъ совершенно въ сторонѣ Коля, все свое вниманіе мы сосредоточили на Гильденштедтѣ, а у Моллерса взяли лишь нѣсколько данныхъ о цѣнахъ и его разсказъ о Кременчугѣ, гдѣ онъ былъ въ 1787 г., входя въ составъ свиты императрицы Екатерины II; все-же остальное опустили, такъ какъ разсказы его о Кіевѣ, Каневѣ, Черкасахъ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ не представляютъ никакого интереса.

Отказавшись, такимъ образомъ, отъ ознакомленія читателей журнала съ разсказами 2-хъ иностранцевъ (Моллерса и Коля),

мы въ то же время позволили себѣ пополнить свѣдѣнія, сообщаемыя Гильденштедтомъ, данными, позаимствованными изъ путешествій Долгорукаго въ Малороссію. Хотя эти „Путешествія“ не составляютъ библіографической рѣдкости, подобно путешествію Гильденштедта (въ Кіевѣ мы не нашли этого сочиненія, и экземпляръ, которымъ пользовались, принадлежитъ Московскому Обществу Испытателей Природы), но, будучи напечатаны въ спеціальномъ изданіи, они могутъ быть совершенно потеряны для неспеціалиста, а въ то же время они даютъ нѣсколько несомнѣнно интересныхъ данныхъ.

Изъ сочиненія Гильденштедта мы передаемъ лишь то, что касается собственно Малороссіи, не касаясь его разсказовъ о слободской губерніи и елисаветградской провинціи, такъ какъ недавно въ мѣстныхъ изданіяхъ („Харьковскій Сборникъ“ за 1891 г. и „Елисаветградскій Вѣстникъ“ за 1889 г.) былъ помѣщенъ переводъ этихъ разсказовъ. Находя очень цѣнными тѣ свѣдѣнія, какія сообщаетъ путешественникъ-академикъ, мы даемъ во многихъ случаяхъ полный переводъ ихъ, въ другихъ подробное изложеніе. Далеко не въ такой полнотѣ пользовались мы разсказами Долгорукаго, но гдѣ это дѣлали, тамъ, по возможности, старались говорить словами самого-же путешественника.

Гильденштедтъ описаніе своего путешествія (онъ совершалъ его въ 1774 г., когда еще существовало дѣленіе Малороссіи на 10 полковъ)—даетъ въ формѣ дневника. При передачѣ разсказа Гильденштедта, мы не нашли удобнымъ сохранить ни эту форму разсказа, ни порядокъ изложенія, а соединили отдѣльныя поденныя записи въ 5 болѣе крупныхъ отдѣловъ, къ которымъ пріурочили и разсказы Долгорукаго.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Гильденштедтѣ имѣются въ предисловіи г-жи Салтыковой къ переводу разсказа Гильденштедта о слободской губ. („Харьковскій Сборникъ“, 1891); о кн. Долгорукомъ есть статья Дмитріева въ „Москвитянинѣ“ за 1851 г. (кн. III). Путешествія Долгорукаго, изъ которыхъ Дмитріеву, если и было знакомо, то лишь первое, даютъ обильный матеріалъ для обрисовки личности путешественника, но при

всемъ интересѣ, какой представляла бы задача,—дать характеристику этого губернатора-поэта, за свое покровительство просвѣщенію удостоившагося чести быть почетнымъ членомъ московскаго университета, этого несомнѣнно оригинальнаго мыслителя, правда защищающаго иногда слишкомъ рискованныя положенія,—она заставила бы насъ выйти далеко за намѣченныя нами рамки, и потому, отказываясь отъ нея, мы переходимъ къ непосредственной передачѣ разсказовъ нашихъ путешественниковъ о Малороссіи, начиная эту передачу съ разсказовъ о Кіевѣ.

I.

Г. Кіевъ; учебныя заведенія Харькова и Чернигова.

При разсказѣ о Кіевѣ Гильденштедтъ останавливается главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, на внѣшнемъ описаніи города. Но даже и въ этомъ внѣшнемъ описаніи есть много любопытныхъ подробностей, благодаря которымъ оно можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ почти одновременному описанію Кіева д-ра Лерхе (послѣднее относится къ 1770—1771 г.), помѣщенному въ „Описаніи Кіева“ Закревскаго [1]). Подъ 1 октября 1774 г. Гильденштедтъ пишетъ:

„Дорога такъ песчана, что намъ потребовалось 5 часовъ для проѣзда 18 верстъ отъ Броваровъ до Кіева. Мостъ черезъ Днѣпръ имѣетъ 450 шаговъ длины. Мостъ—пловучій, укрѣпленный вбитыми сваями; онъ лежитъ шаговъ на 100 внизъ отъ Печерска. Съ моста мы въѣхали на высокій западный берегъ Днѣпра, самая высокая часть котораго, гдѣ расположена печерская крѣпость, находится на высотѣ 44 саж. По возвышенности дорога шла влѣво отъ печерской крѣпости, далѣе вправо отъ стараго Кіева и затѣмъ на приднѣпровскую низменность—Подолъ. На эту дорогу, всего около 4-хъ верстъ, при плохихъ почтовыхъ лошадяхъ, намъ понадобилось тоже 5 часовъ“.

---

[1]) „Описаніе Кіева“ стр. 83—94. М. 1868.

Въ Кіевѣ путешественникъ пробылъ отъ 2 до 9 октября, подъ какими числами и помѣщено описаніе города. Давъ понятіе о геологическомъ строеніи днѣпровскихъ береговъ и гидрографіи мѣстности, болѣе подробно Гильденштедтъ останавливается на ботаническихъ данныхъ и затѣмъ переходитъ къ кіевскимъ садамъ.

„Фруктовые сады можно найти почти при каждомъ домѣ въ Кіевѣ. Въ самомъ городѣ они малы, въ предмѣстьяхъ-же и при монастыряхъ—обширны. Въ нихъ не замѣтно ни порядка, ни стремленія къ красотѣ, не заботятся даже о надлежащемъ подрѣзываніи деревьевъ. Говоря это, мы исключаемъ казенный садъ при царскомъ дворцѣ, на возвышенности между старымъ городомъ и печерскомъ, и губернаторскій садъ, на возвышенности внизу Печерска. Въ нихъ есть нѣсколько аллей, крытыхъ ходовъ, бесѣдокъ. Счастливое естественное положеніе придаетъ царскому саду особую прелесть. Верхняя часть его, лежащая предъ дворцомъ, представляетъ собою квадратную площадь, сторона которой имѣетъ 400 шаговъ длины. Отъ площадки садъ продолжается амфитеатромъ, имѣющимъ 3 уступа; въ углубленіи послѣдней долины расположена бесѣдка, апредъ ней прудъ. Къ сѣверу отъ дворца и по обѣимъ его сторонамъ (въ нѣкоторомъ разстояніи) находятся теплицы. Противоположная возвышенность, съ покатостью къ югу, занята виноградниками“. Перечисляя фруктовыя деревья царскаго сада, Гильденштедтъ въ особенности останавливается на волоскихъ орѣхахъ и шелковицѣ и говоритъ, что деревья этихъ двухъ родовъ есть почти при всякомъ домѣ въ Кіевѣ, шелковица даже чаще, чѣмъ волоскій орѣхъ. Шелковичныя деревья такъ велики, что ихъ нижній діаметръ достигаетъ $1^1/_2$ футовъ. На Подолѣ есть казенная шелковичная плантація, занимающая 40 кв. саж. и заключающая въ себѣ 500 большихъ шелковичныхъ деревьевъ и зданіе для выращиванія шелковичныхъ червей. Шелководство на этой плантаціи представляется Гильденштеду игрушкой, жители совершенно имъ не занимаются. А между тѣмъ, еслибы какъ слѣдуетъ воспользоваться всѣми имѣющимися въ Кіевѣ шелкович-

ными деревьями, то, по разсчету путешественника, ежегодно можно было-бы получать до 40 пуд. шелка. Онъ указываетъ и удобное мѣсто для обширной шелковичной плантаціи — это въ верхней части Подола, въ низменной равнинѣ предъ Іорданскимъ монастыремъ.

Вотъ, что касается разведенія винограда въ Кіевѣ, то оно представляется нашему путешественнику дѣломъ неимѣющимъ будущности; имъ, по его выраженію, можно заниматься лишь „курьеза ради“: виноградъ здѣсь дозрѣваетъ рѣдко, а если и дозрѣваетъ, то очень киселъ.

„Саженяхъ въ 100 къ юго-западу отъ описаннаго сада есть еще другой царскій садъ, расположенный на высокой плоскости. Въ немъ были липовыя аллеи и фруктовыя деревья, но теперь остались лишь жалкіе остатки. Въ саду есть большое каменное 2-хъ этажное зданіе съ 15 окнами въ длину и ширину, служившее вмѣстѣ съ другими окружающими его зданіями лазаретомъ для 1-й арміи. Дворецъ при раньше описанномъ царскомъ саду имѣетъ 50 саж. длины и 5 ширины. Фундаментъ и подвалъ каменные, остальное изъ дерева. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этого главнаго зданія стоятъ 2 флигеля, безъ подваловъ и цѣликомъ каменные. Благодаря тому, что дворецъ и садъ расположены на возвышенной мѣстности, изъ нихъ открывается великолѣпный видъ на всѣ части города, такъ что это мѣсто несомнѣнно самое красивое во всемъ Кіевѣ и очень удачно выбрано для увеселительнаго дворца“.

О самомъ Кіевѣ Гильденштедъ разсказываетъ слѣдующее:

Городъ Кіевъ состоитъ изъ 3-хъ совершенно отдѣльныхъ городовъ: Печерской крѣпости, стараго Кіева и Подола.

Печерская крѣпость—важнѣйшая часть города. Крѣпость была собственноручно заложена въ 1707 году Петромъ Великимъ. Она правильной формы, съ 2 воротами въ каменной стѣнѣ, глубокими сухими рвами, высокими валами и различными наружными укрѣпленіями, занимаетъ 2 версты въ окружности. Крѣпость лежитъ на открытой возвышенности, на высотѣ 44 саж. надъ уровнемъ воды въ Днѣпрѣ, на крутомъ правомъ бе-

регу его. Обращенная къ рѣкѣ, или сѣверная, часть имѣетъ наклонъ къ рѣкѣ и не снабжена укрѣпленіями.

Въ крѣпости помѣщается сильная артиллерія.

Внутренность печерской крѣпости не застроена правильно; въ ней находится: 9 каменныхъ монастырей и церквей, 3 деревянныхъ казенныхъ дома: губернатора, оберъ-коменданта и артиллерійскаго генерала, и затѣмъ каменныя: караулки, казармы и магазинъ.

Затѣмъ Гильденштедтъ описываетъ печерскій монастырь—церковь Успенія, печерскую колокольню, пещеры (послѣднее даетъ поводъ ему, какъ геологу, остановиться на свойствахъ печерской горы и указать, что въ такой почвѣ трупы тощихъ людей легко могли засохнуть, не подвергаясь гніенію), посѣщенія пещеръ; приводитъ также краткую историческую справку о печерскомъ монастырѣ.

Внѣ монастыря въ печерской крѣпости есть еще 4 плохихъ каменныхъ церкви. Рядомъ съ монастыремъ очень запущенный фруктовый садъ, изъ бесѣдки котораго открывается прекрасный видъ на Днѣпръ. Самый лучшій видъ на Днѣпръ изъ дома генералъ-губернатора, расположеннаго на краю возвышенности, спускающейся къ рѣкѣ. Шагахъ въ 300 къ западу отъ печерской крѣпости—монастырь св. Николая. Къ югу, шагахъ въ 100 отъ крѣпости на плоской возвышенности раскинулось обширное *Печерское предмѣстье*, гдѣ 100 съ чѣмъ-то домовъ, въ которыхъ живутъ гарнизонные офицеры, солдаты и нѣсколько русскихъ купцовъ; тамъ-же рыночная площадь, на которой лавки. Въ предмѣстьи—2 деревянныхъ церкви.—Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже по Днѣпру лежитъ каменный Выдубецкій св. Михаила монастырь, деревянный Голосеевскій и каменный Китаевскій.

Старый Кіевъ. Ст. Кіевъ лежитъ почти въ 2-хъ верстахъ къ с.-з. отъ печерской крѣпости или въ такомъ-же разстояніи вверхъ по Днѣпру. Онъ расположенъ на 10 саж. ниже печерской крѣпости, поверхность его очень неровно и круто спускается въ низменную равнину, которая, при ширинѣ почти въ 1 версту, простирается до днѣпровскаго русла. Укрѣпленія, со-

стоящія изъ земляного вала и сухихъ рвовъ и окружающія Старый Кіевъ, имѣютъ около 3-хъ верстъ въ окружности. Они теперь въ полномъ упадкѣ, возлѣ нихъ только нѣсколько часовыхъ, да и тѣ скорѣе полицейскіе, чѣмъ воины. Но въ тоже время на валахъ стоитъ еще нѣсколько большихъ желѣзныхъ пушекъ. Внутри укрѣпленія—2 монастыря, 5 каменныхъ и 5 деревянныхъ церквей и какая-нибудь сотня плохихъ деревянныхъ жилыхъ домовъ, гдѣ живутъ офицеры, солдаты и церковнослужители.

Описывая каѳедральный Софійскій соборъ, Златоверхій Михайловскій монастырь, Андреевскую и Десятинную церковь (упоминая также церкви Георгіевскую, св. Троицы и 3-хъ Святительскую) и приводя историческія справки относительно названныхъ церквей, Гильденштедтъ настаиваетъ на возобновленіи, за счетъ правительственныхъ средствъ, Десятинной церкви, имѣвшей тогда 3 саж. въ длину и 2 въ ширину и построенной изъ остатковъ старой.

Внутри укрѣпленія Стараго Кіева нѣсколько хорошихъ колодцевъ. Возлѣ Десятинной церкви замѣтны остатки стараго фундамента, на которомъ, повидимому, стоялъ великокняжескій домъ. Тогда городъ, говоритъ Гильденштедтъ, былъ, вѣроятно, гораздо меньше теперешняго, если на площади, гдѣ нынѣ Софійская церковь, были разбиты печенѣги. Большая часть жителей жила, конечно, тогда, какъ и теперь, на приднѣпровской низменности. Старый Кіевъ въ просторѣчьи обыкновенно зовется Софійскимъ городомъ.

За укрѣпленіями на западной сторонѣ, рядомъ со Старымъ городомъ, находится оврагъ, называемый *Гончарами*, такъ какъ тамъ живутъ гончарники. Между жилищами тамъ 2 деревянныхъ церкви. Этотъ оврагъ открывается на Подолъ.

Подоломъ называется низменная часть Кіева, лежащая между пологимъ берегомъ Днѣпра и подножіемъ спускающейся отъ Стараго города возвышенности. Низменность эта образуетъ 3-хъугольникъ; самая длинная сторона его, до 2-хъ верстъ, примыкаетъ къ подножію возвышенности, другая—около 1-й версты—граничитъ съ Днѣпромъ и третья—длиной тоже въ 1 версту—

ограничена частоколомъ, идущимъ отъ подножія возвышенности къ Днѣпру.

Въ ю.-в. углу, гдѣ подножіе возвышенности почти примыкаетъ къ Днѣпру, идетъ дорога вверхъ по возвышенности на Печерскъ; почти по срединѣ длинной стороны треугольника идетъ дорога вверхъ по возвышенности на Старый Кіевъ. Дорога на Печерскъ на протяженіи $^1/_2$ версты дѣлаетъ подъемъ въ 25 саж., затѣмъ идетъ горизонтально на протяженіи $^1/_3$ вер. вдоль забора царскаго сада, далѣе на $^1/_2$ вер. очень полого, дѣлая спускъ въ 15 саж. все возлѣ сада до царскаго дворца, а оттуда по горизонтальной равнинѣ, еще почти на $^2/_3$ вер., до печерскаго укрѣпленія.

На Подолѣ до 300 домовъ, возлѣ каждаго фруктовый садъ и обширный дворъ. Но улицы такъ узки, что въ нихъ едва могутъ разминуться 2 повозки. Только нѣсколько главныхъ улицъ выложено досками, остальныя очень грязны и почти непроходимы, такъ какъ туда стекаетъ вода почти со всѣхъ сторонъ возвышенности. Дома обыкновенно стоятъ внутри двора за высокими досчатыми заборами, такъ что ихъ почти не видно. Дома—плохіе, деревянные, крытые гонтомъ; только нѣсколько каменныхъ и тѣ очень маленькіе. Между общественными зданіями есть нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ. На площади, занимающей средину города и имѣющей около 200 шаговъ въ сторонѣ четырехъ-угольника, находится ратуша—2-хъ-этажное зданіе, длиной въ 17 и шир. 8 саж. Почти по срединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ ратуши—башня сажень въ 20 высотой, на ней часы, циферблатъ которыхъ обращенъ во всѣ 4 стороны. Они бьютъ часы и четверти, при чемъ слышится игра колокольчиковъ. При восходѣ солнца, въ полдень и при закатѣ на площади играютъ въ трубы трубачи, содержимые магистратомъ. На верху башни—подвижной золоченый двуглавый орелъ. Съ другой стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ратуши, среди ярмарочной площади подъ каменнымъ куполомъ—колодезь съ каменными стѣнками. Посрединѣ колодца на пьедесталѣ стоитъ статуя, въ правой рукѣ держащая большую кружку, изъ которой постоянно течетъ вода. Для устройства этого главнаго колодца воспользо-

вались ручьемъ на возвышенности, отъ котораго, при помощи подземныхъ трубъ, и отвели воду къ колодцу. Изъ послѣдняго, тоже при помощи трубъ, вода проведена во многіе другіе колодцы, устроенные на улицахъ города. Они обшиты деревомъ, имѣютъ сажень въ поперечникѣ и обшивка ихъ подымается всего на 3 фута надъ поверхностью земли, такъ что изъ нихъ очень удобно черпать воду. По маленькому каналу, идущему чрезъ городъ вдоль частокольной стѣны, вода стекаетъ въ Днѣпръ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короткой стѣны ратуши находится каменный кабакъ. Плохія мелочныя и мясныя лавки окружаютъ торговую площадь съ остальныхъ сторонъ. Вблизи площади есть еще каменный магазинъ, а на площади стоятъ вѣсы и четвериковая мѣра.

Братскій монастырь, какъ обыкновенно его называютъ, собственно-же „Кіево-Братской, Училищной Богоявленской монастырь“ (такъ пишетъ русскими буквами его названіе Гильденштедтъ),—самое видное зданіе на Подолѣ. Церковь Успенія имѣетъ 17 саж. длины и 10 шир. Рядомъ съ ней—2-хъ-этажное зданіе, въ которомъ обучается юношество. Въ нѣсколькихъ вокругъ лежащихъ деревянныхъ зданіяхъ живетъ начальство, учителя и монахи монастыря. Всѣ зданія окружены стѣной, которая только одной улицей отдѣляется отъ ратуши. Число юношей, обучающихся при монастырѣ, нынѣ (т. е. 1774 г.) доходитъ лишь до 500. 200 изъ нихъ живутъ въ монастырскомъ зданіи и содержатся на общественный счетъ,—частью на счетъ подаяній, частью на счетъ суммъ, оставляемыхъ по завѣщанію, частью на счетъ монастыря, который отпускаетъ имъ провизію: гарнецъ муки въ мѣсяцъ. Остальные живутъ на свой счетъ, на вольныхъ квартирахъ.—Здѣсь учатъ латинскому языку, въ 4-хъ классахъ, въ каждомъ есть особый учитель; греческому, еврейскому, французскому и нѣмецкому; латинской поэзіи и риторикѣ, аристотелевой философіи, богословію и 3-мъ частямъ математики: именно—ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи. Всему учатъ на латинскомъ языкѣ, только математика преподается по-русски. Каждый языкъ и наука имѣютъ особаго учителя, большею частію изъ монаховъ. Ихъ содержитъ и оплачиваетъ монастырь. Архимандр-

ритъ монастыря—въ то-же время ректоръ. Часто происходятъ философскіе и богословскіе споры, въ праздники говорятся проповѣди.

Описанное учрежденіе не заслуживаетъ названія университета; оно едва можетъ сойти за посредственную гимназію. Но въ тоже время оно единственное во всей Малороссіи, гдѣ учатъ наукамъ. Въ остальныхъ школахъ, которыя есть при каждой церкви, и въ Кіевѣ, и во всей странѣ, учатъ лишь читать и писать по-русски и затверживаютъ евангеліе и нѣсколько молитвъ.

Красивые каменные—церковь и жилые дома принадлежатъ Фроловскому женскому монастырю; монастырь свв. Петра и Павла и „Кіево-Подолской святыя Великомученицы Екатерины монастырь“, въ просторѣчіи „Греческій“ имѣютъ каменныя церкви, но плохія постройки. Кромѣ этихъ монастырей, на Подолѣ есть еще 8 каменныхъ церквей, названія которыхъ Гильденштедтъ пишетъ по-русски слѣдующимъ образомъ: храмъ Воскресенія, Пречистои, Николая Бережнаго, Николая Доброва, Николая Критійска, Покрова, Бориса и Глѣба, Царя Константина; и 6 деревянныхъ (названія—тоже по начертанію Гильденштедта): храмъ Рожества, Духа Святаго, Спасителя, въ Веденія въ храмъ Богородицы, Василія Великаго и Епископской дворецъ.

За частоколомъ кончается Подолъ, но по подошвѣ возвышенности на протяженіи 2-хъ верстъ тянется еще цѣлый рядъ домовъ, большею частью винокуренъ. Между этими домами 2 плохихъ женскихъ монастыря—Іорданскій и Богословскій. Въ 4-хъ верстахъ съ с.-з. отъ Подола лежитъ Кирилловскій монастырь, верстахъ въ 20 дальше—каменный Межигорскій монастырь, одинъ изъ красивѣйшихъ. Такимъ образомъ къ Кіеву принадлежитъ всего 12 мужскихъ и 3 женскихъ монастыря. Въ 6 мужскихъ монастыряхъ архимандриты, въ остальныхъ—только игумены.

Приведши историческую справку о Кирилловскомъ монастырѣ, Гильденштедъ даетъ такую же справку о Кіевѣ слѣдующаго содержанія: „Городъ построенъ около 430 года славян-

скимъ княземъ Кіемъ. Въ 880 сдѣлался резиденціей великаго князя новгородскаго; значеніе его возрастало, и въ 1037 г. Великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ былъ объявленъ резиденціей и главнымъ городомъ всей Россіи. Это почетное положеніе онъ занимаетъ до средины XIII в. Онъ былъ разоренъ въ 1240 г. татарскимъ ханомъ Батыемъ и покинутъ великимъ княземъ и митрополитомъ, изъ которыхъ первый избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Москву, 2-й—сперва Владиміръ, а затѣмъ тоже Москву. Вскорѣ послѣ татарскаго погрома городъ захватили литовскіе князья, а отъ нихъ его отняли польскіе короли. Послѣдніе съ 1471 по 1651 г. управляли городомъ черезъ воеводъ. Въ 1667 г. Кіевъ по Андрусовскому миру перешелъ къ Россіи на время, а съ 1686 г. на всегда".

Жители Печерска и его предмѣстій, а также Стараго Кіева принадлежатъ къ числу священно-и церковно-служителей, чиновъ администраціи, а также служащихъ въ артиллеріи въ гарнизонѣ, который состоитъ изъ 6 батальоновъ. Жители Подола—купцы, ремесленники и козаки. Губернскіе чиновники и магистратъ подчинены генералъ-губернатору [1]); ему-же подчинена кавалерійская рота, которая употребляется для посылки по пограничнымъ дѣламъ. Онъ-же завѣдываетъ раскольниками, живущими въ стародубскомъ полку, числомъ до 20,000, прежде зависѣвшими отъ гетмана. Гарнизонъ подчиненъ оберъ-коменданту, которому подчинены также гарнизонъ и коменданты въ Черниговѣ, Переяславѣ, Переволочкѣ, Самарѣ, Изюмѣ и Торѣ.— Козаки подчинены кіевской сотничьей канцеляріи, и только въ этомъ отношеніи Кіевъ принадлежитъ къ малорусской коллегіи или малорусскому генералъ-губернаторству; во главѣ купцовъ и ремесленниковъ стоитъ магистратъ, главное лицо въ которомъ войтъ и къ которому принадлежатъ также 6 бургомистровъ и 6 ратмановъ.

[1]) Въ Кіевѣ существовалъ тогда еще свой отдѣльный генералъ-губернаторъ съ очень ограниченнымъ кругомъ власти, такъ какъ у него, по выраженію Шафонскаго, не было даже „настоящей и цѣлой губерніи". Отдѣльное кіевское генералъ-губернаторство было уничтожено 20 сентября 1775 г. (См. А. Шафонскаго „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе", стр. 103 и 104).

Торговля въ Кіевѣ весьма незначительна, въ обширныхъ размѣрахъ не торгуютъ ничѣмъ. Въ немногихъ мелочныхъ лавкахъ продаютъ пряности, посредственнаго достоинства галантерейные товары и обыкновенную домашнюю утварь. Немногимъ больше можно найти на ярмаркахъ; ихъ бываетъ 3 на Печерскѣ: на Тройцу, на Петра и Павла, на Успеніе; на Подолѣ 2—въ первую субботу великаго поста и на Вознесеніе.

Главные доходы купцы получаютъ отъ винокуренъ и шинковъ, при чемъ на Подолѣ вольная продажа вина, а на Печерскѣ—отъ казны. На берегу Днѣпра возлѣ Кіева много водяныхъ мельницъ, построенныхъ на судахъ.—Нищіе, къ стыду богатыхъ монастырей, сидятъ въ Кіевѣ на улицахъ, какъ и вездѣ въ Украинскихъ городахъ. Многіе могли-бы еще зарабатывать хлѣбъ въ рабочихъ домахъ. Очень много слѣпыхъ, объ излѣченіи которыхъ слѣдовало-бы позаботиться правительству.

При губернской канцеляріи есть докторъ, штаба—хирургъ и нѣсколько хирурговъ; на Подолѣ—частная аптека.—Нѣмцы сами содержатъ лютеранскаго пастора.

Кіевъ оба раза служилъ главною цѣлью путешествія Долгорукаго, но обстоятельныхъ свѣдѣній о современномъ ему положеніи города и его жизни Долгорукій не даетъ: какъ онъ самъ признается, онъ „многое видѣлъ урывками, а обстоятельно не видѣлъ ничего“. Онъ особенно жалѣетъ, что въ первое свое путешествіе не провелъ въ Кіевѣ мѣсяца вмѣсто 10 дней, которые онъ былъ тамъ. „Тогда, говоритъ онъ, я носилъ званіе публичное; меня и пускали, и провожали повсюду, опасаясь, не ревизоромъ-ли я инкогнито разъѣзжаю, а нынѣ (въ 1817 г.) другое совсѣмъ воспослѣдовало.

Такъ какъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ князь, у насъ въ Россіи можетъ видѣть что-либо лишь тотъ путешественникъ, который снабдитъ себя „ордерами и рублями“.

Но и въ тѣ 10 дней, когда предъ княземъ были раскрыты всѣ двери, онъ не могъ воспользоваться этимъ въ достаточной степени, такъ какъ его отвлекали отъ этого съ одной стороны „суеты набожныхъ посѣтителей“ Кіева по случаю Успенскаго

праздника, съ другой—необходимость сдѣлать и принять массу визитовъ.

Главнымъ образомъ въ Кіевѣ вниманіе князя, по выраженію его, привлекали „разные духовные предметы". Съ особеннымъ чувствомъ посѣтилъ онъ Фроловскій монастырь,—гдѣ подвизалась знаменитая бабка князя—схимомонахиня Нектарія, въ мірѣ княгиня Наталья Борисовна Долгорукая,— и поклонился гробу своей бабки у входа въ Кіево-Печерскую лавру. Былъ, конечно, въ самой Лаврѣ и въ пещерахъ. Въ Лаврѣ показывали князю ризницу, но онъ нашелъ, что „въ ней нѣтъ никакихъ достопамятныхъ рѣдкостей или отмѣнныхъ сокровищъ, нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкою".

Не останавливаясь на описаніи кіевскихъ святынь, видѣнныхъ княземъ, упомянемъ о знакомствахъ, которыя онъ сдѣлалъ (въ 1810 г.) въ духовномъ мірѣ. Съ особеннымъ восторгомъ Долгорукій говоритъ о знаменитомъ кіевскомъ проповѣдникѣ, протоіереѣ Левандѣ: „какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ (ему было тогда 70 лѣтъ) не скучаетъ своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ паритъ, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи!... Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неисчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ плѣнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на каѳедру, сказать: „Отверзу уста моя—и наполнятся духа!"

„Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда—любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и пріязнь почитаю пріобрѣтеніемъ".

Далеко не такія чувства внушилъ Долгорукому Викарій митрополита кіевскаго—епископъ чигиринскій Ириней (Фальков-

скій), обладавшій, по отзыву Бодянскаго [1]), самой многосторонней ученостью, почему бывшій незамѣнимымъ человѣкомъ для академіи того времени.

„Онъ уже не молодъ и отправляетъ званіе свое безъ всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной простоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенья его всѣ отмѣнно скоры... Ни слово его, ни обращеніе не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: пріемъ принужденный, бесѣда пустая".

Въ 1817 г. Долгорукій не измѣнилъ своего мнѣнія объ Иринеѣ:

„Ириней все такъ-же бѣгаетъ, какъ заяцъ, тупитъ глаза въ землю, какъ сурокъ, и отъ излишней дикости въ поступкахъ чрезвычайно страненъ... Онъ говорилъ проповѣдь своего собственнаго рукодѣлія... я слушалъ его со вниманіемъ, но, наскучивъ повтореніемъ безпрестаннымъ однихъ и тѣхъ-же словъ, въ числѣ которыхъ чаще всего твердилъ онъ „дѣла таковыя" или: „таковыя дѣла" и опять черезъ строку „таковыя дѣла", я проворчалъ отъ себя на счетъ его поученія: „такія суть дѣла, ужасныя дѣла!" и обратился къ мощамъ, приложился къ нимъ и поѣхалъ домой".

Попавъ (въ 1810 г.) въ Кіевъ въ каникулярное время, Долгорукій не могъ ознакомиться съ его учебными заведеніями. Онъ былъ лишь въ академіи, зданіе которой ему очень понравилось.

„Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми богословскаго—Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ пытливыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ-ли учитъ насъ Богословія, когда она прямо отъ источника вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

---

[1]) См. примѣч. къ „Путешествію 1810 г." стр. 275.

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится разсмотрѣть его, но жмурится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ или язычникъ на Саваоѳа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце и видитъ безъ помѣхи; труба въ его рукахъ—есть вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество".

Очень понравилось Долгорукому нахожденіе на хорахъ академической залы бюстовъ „остроумныхъ писателей въ язычествѣ"—Цицерона, Саллюстія, Виргилія и др. „Кто располагалъ эту залу, говоритъ онъ, тотъ не былъ суевѣръ".

Изъ „гражданскихъ строеній и заведеній", осмотрѣнныхъ въ 1810 г. княземъ, наиболѣе интересно описаніе арсенала, откуда въ то время постоянно возили (на волахъ) въ Молдавію бомбы и ядра. Особенное вниманіе князя въ залахъ арсенала обратили на себя слѣдующіе предметы: кумачный шатеръ, завоеванный Румянцевымъ у визиря; мѣдныя орудія, взятыя у турокъ; турецкіе бунчуки; гетманскія булавы; собраніе россійскихъ орудій и различныхъ знаменъ, частью завоеванныхъ, частью отобранныхъ у полковъ „по разнымъ реформамъ".

Въ то время, когда (въ 1810 г.) былъ въ Кіевѣ Долгорукій, городъ уже славился своими контрактами. Всѣ знаютъ, говоритъ онъ, что такое контракты: они начинаются въ генварѣ и продолжаются недѣли 3. Въ эту бѣшенную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, все раскупятъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюду для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ посыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе дома, которые невѣроятный даютъ хозяину доходъ, напримѣръ, домъ г-на Спер., въ которомъ жилъ тамошній прокуроръ, занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду на время контрактовъ какой-то графинею Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а домъ деревянный и далекъ отъ того, чтобъ быть очень обширнымъ; мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ".

Изъ магазиновъ удивленіе князя возбудилъ магазинъ Губарева, „у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все вы-

лисное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ-же и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены контракты. Это очень возвысило красоту города и воспособило его отстройкѣ".

Весело жилось князю въ Кіевѣ въ 1810 г.: его всѣ тогда принимали: онъ былъ на „огромномъ праздникѣ", который давалъ 10 Августа кіевскій военный губернаторъ въ честь г-жи Мятлевой, пріѣхавшей изъ Рима; пилъ чай у гр. Безбородки (чего мы при этомъ не ѣли и не пили, говоритъ Долгорукій по этому поводу); обѣдалъ у Миклашевскихъ, у Могилевскаго, почти каждый день бывалъ за-просто у Мятлевыхъ, у которыхъ просиживалъ цѣлые вечера, говоря „о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ". Но ни эта веселая жизнь, которая должна была настроить Долгорукаго на благодушный тонъ, ни почетъ, съ которымъ встрѣчали вездѣ „носившаго званіе публичное", не могли заставить князя удержаться отъ нѣсколькихъ ѣдкихъ замѣчаній на тему о неумѣстной торговлѣ, нарушающей благочиніе и благолѣпіе храма, а также отъ замѣчанія по поводу кичливой надписи на монументѣ погребеннаго въ Лаврѣ фельдмаршала гр. Разумовскаго.

Къ проявленіямъ притворнаго благочестія и ханжества относитъ князь открытіе въ Кіевѣ Библейскаго Общества. Князь былъ на торжественной церемоніи открытія и про себя подумалъ: „Du sacre à la folie il n'y a qu'un pas." То молитвенное настроеніе, которое охватило высшія и чиновныя сферы послѣ столь недавняго индифферентизма въ этомъ отношеніи, то смиренномудріе, на которое стали смотрѣть, какъ на высшую добродѣтель, и, конецъ, само библейское общество, возникшее на этой почвѣ,—все это казалось Долгорукому ложнымъ, не естественнымъ:

„Не молиться вовсе и никогда, какъ завелось было у насъ, совершенно пагубно; но при всякой исходящей изъ суда бумагѣ класть, при подписаніи ея, земные поклоны, при помѣтѣ каждаго имяннаго указа бѣгать въ соборъ и окропляться святою водою есть другое низкое суевѣтство, которое не религію оз-

начаетъ, а слабость ума человѣческаго. Отчего многіе вообразили, что будто подъ словомъ: „нищіе духомъ“ должно разумѣть людей, окраденныхъ умомъ и безтолковыхъ? Большое заблужденіе! Религія ни мало не чужда уму высокому, но чистому; напротивъ, чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ умнѣе и разсудительнѣе между себѣ подобными; и прямыхъ христіанъ, угождающихъ Богу, отнюдь не въ толпѣ ханжей и не въ безумныхъ домахъ искать должно“.

„Я, не робѣя, дерзну сказать, что наши Общества Библейскія не суть плодъ вѣры, а плодъ духа лести. Это какой-то припадокъ, который такъ-же скоро пройдетъ, какъ и многіе, ему подобные, порождаемые не любовію ко христу, а лукавствомъ и самолюбивою прелестью. Я помню, что кумъ Матвѣй не выходилъ изъ рукъ у каждаго юноши; теперь всякой хватается за Іезекіиля: все иода и человѣкоугодіе! Дай Богъ, чтобъ въ этомъ случаѣ не сбылась съ Россіей старая ея пословица: „гдѣ вода была, тутъ и будетъ“. Опять появится кумъ Матвѣй, но, Боже сохрани, чтобъ послѣдняя лесть не сдѣлалась горше первой“.

Болѣе подробно, чѣмъ о кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Долгорукій говоритъ о Харьковскихъ, именно о Духовномъ Коллегіумѣ и Университетѣ. Въ Коллегіумѣ Долгорукому пришлось (въ 1810 г.) присутствовать на происходившемъ „по порядку годичному“ „состязанію въ Богословскихъ и Философскихъ предметахъ“. Состязаніе это велось на русскомъ языкѣ „съ примѣсью иногда латыни“, и князю, основательному знатоку латинскаго языка (по свидѣтельству Дмитріева) особенно понравилось латинское произношеніе учениковъ Коллегіума. „Нигдѣ, говоритъ онъ, я не слыхивалъ такого сладкаго произношенія латинскаго нарѣчія, какъ въ устахъ малороссіянъ: выговоръ ихъ имѣетъ что-то особенно пріятное для слуха нѣжнаго“. Въ диспутахъ принимали участіе и студенты университета. „Студенты университета приходили съ академиками въ коллегіумъ оспаривать ихъ предложенія и отъ сей стычки умовъ и понятій летятъ искры глубокихъ познаній“.

Благодаря любезности ректора университета, профессора Рижскаго, Долгорукому удалось осмотрѣть университетское зданіе, кабинеты, познакомиться съ профессорами.

Университетъ помѣщался тогда (1810 г.) въ генералъ-губернаторскомъ домѣ; къ тому времени онъ былъ уже „обогащенъ книгами и разными инструментами". „Сихъ послѣднихъ, говоритъ Долгорукій, на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ ихъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ (оно было основано въ 1803 году) заведеніи". Долгорукій съ похвалой говоритъ объ астрономическомъ и минералогическомъ кабинетахъ; онъ видѣлъ также „мимоходомъ нѣсколько искусственныхъ моделей для класса Технологіи". Изъ рѣдкостей университетскихъ больше всего вниманіе Долгорукаго привлекла „кожа, содранная съ дикой женщины въ Америкѣ". Онъ даже выпросилъ себѣ на память лоскутокъ этой кожи.

Изъ профессоровъ, между которыми всѣ почти были люди молодые, Долгорукій „особенно занялся" старикомъ-французомъ Беленъ де Баллю (Belin de Ballu), который былъ преподавателемъ „изящной латинской и греческой словесности" и въ тоже время библіотекаремъ.

„При всей угрюмости, разсказываетъ Долгорукій, какой требуютъ возложенные на него труды и самыя его лѣта, я удивился, нашедъ его въ иныя минуты такъ легкимъ, смѣю-ли сказать? и вѣтреннымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснѣйшимъ педантомъ, чтобъ тотчасъ-же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую-нибудь остроту". Студентовъ въ университетѣ было 60 человѣкъ; на медицинскомъ факультетѣ, при 12 профессорахъ, всего 2 студента. „Студенты, сообщаетъ Долгорукій, сами держатъ артель, и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ".

Независимо отъ университета, „по общему стату для губернскихъ городовъ", въ Харьковѣ была и гимназія съ 400 учениковъ.

На учебныхъ заведеніяхъ Долгорукій останавливается и при описаніи *Чернигова*. Самый городъ,—гдѣ „нѣтъ ни театра, ни клуба, ни гульбищъ, одна модная лавка, да и та заперта, а только вывѣска торчитъ, дабы проѣзжій въ просонкахъ увидалъ изъ коляски, что онъ будто въ городѣ“,—такой городъ ему не понравился. Едва-ли есть въ Россіи много уѣздныхъ, которые были-бы хуже Чернигова, говоритъ Долгорукій.

Но зато очень понравилось „полезное учрежденіе“, которымъ городъ обязанъ кн. Куракину, именно ремесленное училище. Въ немъ „разные вольные мастера обучаютъ искусствамъ: столярному, рѣзному, слесарному и бронзовому, сребродѣланію, мастерству сапожному и проч. Всякой малороссійской помѣщикъ можетъ отдать сюда обучаться своего слугу за самую умѣренную плату“.

Кромѣ ремесленнаго училища въ городѣ существуетъ гимназія и училище для бѣднѣйшихъ дворянъ съ 40 учениками.

Л. Синицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

9.

Кишка Самыйло [2].

Вопросъ о происхожденіи этой думы остроумно поставленъ и разрѣшенъ В. П. Науменкомъ [3]. На основаніи лѣтописныхъ извѣстій о Самыйлѣ Кишкѣ онъ пришелъ къ заключенію, что, „плѣненіе Самыйла Кишки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII вѣка около 1620 года,—фактъ же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ". Сопоставляя затѣмъ содержаніе одной италіанской брошюры, изданной въ Римѣ въ 1643 го-

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1893 г., № 1.

[2]) Долгое время эта дума считалась unicum, не имѣвшимъ варіантовъ. Въ первый разъ напечатана она была Лукашевичемъ въ 1836 г. (Малорус. и Черноруск. думы и пѣсни 15—27), но разъ послѣ того она была перепечатана, какъ образецъ думы, самой обширной по объему и богатой по содержанію (Сборн. Украинск. пѣсенъ Максимовича, 1849, Изв. Акад. наукъ, т. II. 1853 г.; Историч. пѣсни малорус. народа Антон. и Драгом., т. I, 1874 г.). Только въ 1880 г. явились отрывки изъ варіантовъ ея въ изслѣдованіи Костомарова: Исторія козачества въ памятн. южнорус. народ. пѣсен. творчества, (отдѣльный оттискъ, 16—30): одинъ изъ нихъ—печатаемый ниже варіантъ Котляревскаго, другой—отрывочный и скудный—сообщенъ былъ Костомарову г. Зайкевичемъ, который записалъ эту думу въ Лубен. у. Полт. губ. Наконецъ въ Кіевс. Старинѣ за 1882 г. (декабрь, 505—507) напечатанъ былъ варіантъ, сходный съ варіантомъ Зайкевича, записанный г. Горленкомъ въ г. Лохвицѣ Полт. губ.

[3]) Кіевс. Старина, 1883 г., іюнь.

ду, съ содержаніемъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ, онъ нашелъ, что герой брошюры" нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, овладѣвшій турецкой галерой и освободившій себя и 207 невольниковъ христіанъ изъ польской Руси, подъ вліяніемъ разсказовъ объ этомъ событіи невольниковъ, возвратившихся на родину, пріуроченъ къ народному герою, Самыйлѣ Кишкѣ, о плѣненіи котораго существовалъ уже раньше рядъ сказаній. Эти соображенія подкрѣпляются варіантами Зайкевича и Горленка, въ которыхъ ренегатъ—дидъ Бутурлакъ представляетъ полнѣйшее сходство съ ренегатомъ брошюры, по имени Микулой: и тамъ, и здѣсь ренегаты, оставаясь въ тайнѣ вѣрными христіанской религіи, только лицемѣрятъ передъ турками и proprio motu содѣйствуютъ своимъ единоплеменникамъ овладѣть галерой. Оказывается, что болѣе искаженные варіанты ближе стоятъ къ первоначальной редакціи этой думы, если допустимъ, что на образованіе ея имѣли вліяніе разсказы невольниковъ, освобожденныхъ Симоновичемъ, котораго подвигъ приписанъ Самыйлу Кишкѣ. Нужно сказать однакоже, что и варіанты Лукашевича и Котляревскаго представляютъ многія черты древности въ подробностяхъ, утраченныхъ варіантами Зайкевича и Горленка: таковы, напримѣръ, всѣ реальныя подробности, относящіяся къ описанію турецкой галеры и жизни невольниковъ на галерѣ,—таково въ особенности описаніе въ варіантѣ Лукашевича дѣлежа турецкой добычи, которое могло быть составлено только пѣвцомъ, близко знакомымъ съ дѣйствительностію. Что касается до сравнительной цѣнности обоихъ этихъ варіантовъ, то намъ она представляется въ такомъ видѣ. 1) Въ варіантѣ Котляревскаго рѣзче очерченъ типъ ренегата, суроваго и безпощаднаго: ренегатъ, изображенный въ варіантѣ Лукашевича, принадлежитъ къ разряду людей нерѣшительныхъ, колеблющихся, представляя переходныя черты отъ тайнаго врага турокъ (варіанты Зайкевича и Горленка) къ преданному и вѣрному слугѣ ихъ, котораго по возвращеніи на родину козаки убиваютъ безъ всякой жалости (варіантъ Котляревскаго). 2) Самъ Самыйло Кишка въ варіантѣ Котляревскаго напоминаетъ отчасти Ивана Богуславца: притворно, какъ и этотъ послѣдній,

онъ „христыянську виру ламае, а Бога мылосердного въ сердци соби мае".—По этому случаю Ляхъ-Бутурлакъ пьетъ и гуляетъ съ нимъ, что болѣе естественно, чѣмъ въ варіантѣ Лукашевича, гдѣ Ляхъ-Бутурлакъ послѣ отказа Кишки отъ принятія бусурманской вѣры и послѣ наказанія его за это дѣлится съ нимъ напитками, присланными на галеру Алканъ-пашей. 3) Вообще варіантъ Котляревскаго менѣе подвергся амплификаціи, чѣмъ варіантъ Лукашевича. Сильное вліяніе на этотъ послѣдній оказала дума объ Иванѣ Богуславцѣ.

Оно очень замѣтно: а) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выходѣ козаковъ изъ галеры на берегъ для избіенія сонныхъ турокъ,—выходѣ неестественномъ и несогласномъ съ обстановкой событія, изображаемаго въ думѣ о Самыйлѣ Кишкѣ,—б) тамъ, гдѣ дивка Санджаковна, уже послѣ избіенія ея единоплеменниковъ, посылаетъ, стоя на пристани, упреки Алкану-пашѣ за ранній отъѣздъ его, не догадываясь, что онъ тутъ ни при чемъ Справедливо говоритъ Костомаровъ, что „образъ пани Турецкой перенесенъ изъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ въ думу о Самыйлѣ Кишкѣ по варіанту Лукашевича и приложенъ къ дѣвкѣ Санджаковнѣ неумѣстно",—впрочемъ, не потому, что дѣвка Санджаковна ведетъ себя не по турецки, а по украински: какъ въ той, такъ и въ другой думѣ, турецкимъ женщинамъ усвоены черты мѣстныя, украинскія.

Такимъ образомъ, въ четырехъ варіантахъ думы о Самыйлѣ Кишкѣ мы имѣемъ двѣ редакціи ея. Обѣ онѣ могли образоваться скоро послѣ событія, о которомъ повѣствуетъ итальянская брошюра, на почвѣ поэтическихъ преданій о Самыйлѣ Кишкѣ, несогласныхъ между собой въ изображеніи ренегата. Если же допустить появленіе въ то время сперва одной редакціи, а потомъ другой, то преимущество древности нужно отдать полузабытымъ и искаженнымъ варіантамъ Зайкевича и Горленка. Въ давнее время эти варіанты составляли одинъ цѣльный текстъ, распавшійся тоже давно на двѣ редакціи, изъ коихъ каждая въ настоящее время имѣетъ по два варіанта.

Изъ города Козлова до города Трапезона
Гуляла галера цвѣткована-малевана,
Четырьма цвѣтами процвѣтанна,
Первымъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Синими киндяками обвиванна,
Другимъ цвѣтомъ процвѣтанна,
Турецкою червоною габою обвиванна,
А третимъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Христіанскою кровью фарбованна,
Четвертымъ цвѣтомъ процвѣтанна—
Неволниками осаженна,
Козацкими гарматами обрыштована.
У той галерѣ пробувало 700 турокъ-янычаръ,
Межъ ними булъ старшій старшиною Алканъ-паша,
Трапезонское дитя молодое.
Около той галеры пробувало 350 козаковъ-неволниковъ.
Уже они 40 лѣтъ въ неволѣ пробуваютъ,
Объ землѣ христіанской ничего не знаютъ.
То межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
Только одинъ бувъ старшій старшиною,
Кишка Самыйло, гетманъ запорозскій [1])
Другій бувъ старшій старшиною
Судья черкаскій Марко Грачъ [2]).
То вже тогда Алканъ-паша, трапезонское дитя, добре винъ дбае,
На невольниковъ по два, по три кайдановъ набывае,
Березиною по голыхъ рукахъ христіанскихъ затинае,
Кровью христіанскою слѣды заливае:
«Добре вы, невольники, дбайте,
Скорейше галеру до города Трапезона [3]) доганяйте!»
Тогда невольники за опашны руками хватали,
Изъ глыба (sic) морской воды доставали.
Швыдко галеру Чернымъ моремъ погоняли,

---

[1]) Историческія справки о Самойлѣ Кошкѣ, кошевомъ запорожскомъ, см. Историческіи пѣсни Антон. и Драгом, I, 227, а также статью Науменка: „Происхожденіе малорусской думы о Самойлѣ Кошкѣ“ (Кіев. Старина, 1883 г., Іюнь).

[2]) Объ этомъ второстепенномъ лицѣ думы мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній.

[3]) Трапезунтъ—резиденція паши, начальника эйлета (намѣстничества).

До острова Тендера [1]) приганяли,
Противъ Кефы [2]) города на опочинокъ ставали,
Тамъ вони соби заночевали.
То Алканъ-паши трапезонскому ополночи приснился сонъ чуденъ да пречуденъ,
То Алканъ-паша отъ сна прочинае,
Промежду турками-янычарами похожае:
«Который бы межъ вами могъ сей сонъ отгадати,
Могъ-бы я его великимъ паномъ наставляти,
Що приснился мнѣ сонъ чуденъ да пречуденъ:
Видится, козаки-невольники моихъ турокъ-янычаръ всѣхъ порубали,
Въ Черное море вкидали,
А видится, Кишка Самійло, гетманъ Запорозскій, мене на руки бралъ,
Мени сплечъ (sic) головку снималъ,
Въ Черное море вкидалъ».
То межъ турками-янычарами никто не могъ сего сна отгадати,
Только бувъ межъ ними старшій старшиною Ляшъ (sic) Бутурлака [3]),
Полковникъ переяславскій,
Недовѣрокъ христіанскій,
А винъ клюшникъ галерскій,
Той могъ сей сонъ отгадати,
Сталъ словами промовляти:
«Велю я тебѣ, пане молодый, изъ невольниковъ старые кайданы снимати,
А новыхъ по два, по три набивати,
То будетъ твоя галера въ цѣлости пробувати».
Тогди турки-янычаре изъ невольниковъ старые кайданы снимали,
Новыхъ по два, по три набивали
И скоренько до города Трапезона поспѣшали,

---

[1]) Тендеръ — низменный песчаный островъ противъ Кинбурской косы.

[2]) Кефа — городъ или-же Кафа — нынѣшняя Ѳеодосія.

[3]) Ляшъ Бутурлака — собственное имя изъ нарицательнаго *потурнакъ* — отурченный, потурченный.

До дѣвки Санжакивны скоро приѣжжали [1]).
Стали до города Трапезона приѣжжати,
Стали галеру до берега припинати,
Сталъ Алканъ-паша молодый до дѣвки Санжаковны прибувати,
Усихъ турокъ-янычаръ съ собою брати,
Тылько клюшника галерского въ галерѣ оставляти,
То тамъ сталъ пити та гуляти,
Только двохъ турокъ янычаръ сталъ на подслухи посылати,
Що буде Ляхъ Бутурлака изъ гетманомъ Самійломъ розмовляти.
Тодѣ Ляхъ Бутурлака до Кишки Самила словами промовлялъ:
«Колы бъ ты, Кишко Самійло, свою вѣру христіанску поламалъ,
А нашу бусурманску на себе взялъ,
Ужебъ я тебя съ кайданывъ расковалъ
И съ собою за однимъ столомъ сажалъ».
То Кійшко (sic) Самійло свою вѣру христіанскую будто поламае.
А Бога Милосердного въ сердцѣ себѣ мае.
Ляхъ Бутурлака Кишку Самійла изъ кайданивъ росковалъ
И съ собою за однимъ столомъ сажалъ,
Про козацкіи звычаи роспиталъ.
То турки-янычари тогди тое выслухали,
До Алканъ-паши прибували,
Словами промовляли:
«Теперъ, пане молодый, пый та гуляй,
Только Ляха-Бутурлака не забувай.
Алканъ-паша пье та гуляе,
Въ галеру напитки посылае.
Якъ сталъ Ляхъ Бутурлака підпивати,
Сталъ гетману запорожскому по три чарки горилки даваты
То Кишка Самійло по одной чаркѣ выпивае,
А по другой въ рукава выливае,
А третію чарку черкаскому судьи посылае.
То въже Ляхъ-Бутурлака якъ упився,
То на лижко свалился,

---

[1]) „То есть къ невѣстѣ“—примѣчаніе въ текстѣ рукописи. По варіанту Лукашевича *дивка Санжакивна*, дочь губернатора Козловскаго. Санджакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *киличей*—уѣздовъ.

То Кишка Самійло отъ его пьяного съ запояса (sic) ключи отобралъ,
Увсѣмъ (sic) невольникамъ въ руки подавалъ:
«Вы, братцы, сами себя отмыкайте,
Брязку не учините,
Ильяша (sic) Бутурлака не збудите».
Тогда невольники сами себя отмыкали,
Брязку не учинили,
Ляша (sic) Бутурлаки не збудили.
Тогди Кишка Самійло Ляшу бутурлацы (sic) ключи до пояса привязалъ.
О полночной годинѣ Алканъ-паша, дитя молодое, отъ дѣвки Санжакивны изъ турками до галеры прибывае,
То вже самъ лягае,
Спочивае,
И только двухъ турокъ ради осмотрѣнія кайданъ посылае.
То турки мижъ невольниками похожали,
За кайданы руками не хватали,
До Алканъ-паши прибували,
Словами промовляли:
Теперъ ты, пане нашъ молодый, спочивай,
«Только Ляша Бутурлаки не забувай».
Турки пьяны бували,
Великимъ сномъ крѣпко спали.
Кишка Самійло изъ рукъ, изъ ногъ тогди кайданы спускае,
До невольниковъ словами промовляе:
«Невольники, изъ рукъ, изъ ногъ кайданы спускайте,
Брязку не учините,
Турокъ-янычаръ не збудите,
Сабли булатные въ руки хватайте,
Туркамъ головы снимайте,
Въ Черное море вкидайте,
Только Ляша Бутурлака не займайте,
Для порядку козацкаго оставляйте.
Кишко (sic) Самійло Алканъ-пашу, трапезонское дитя молодое, на руки бралъ,
Сплечъ (sic) голову снималъ,
Въ Черное море вкидалъ,
Словами промовлялъ:

«Алканъ-паша, трапезонское дитя!
Що тоби во снѣ снилось,
То тебѣ на яви изъявилось».
Тогда уже Кишко Самійло, гетманъ запорожскій, до козаковъ словами промовляе:
«Ну-мо жъ мы, братця, сію турецкую галеру отъ пристани трапезонской далѣ отгоняти».
Якъ стали Чернымъ моремъ поѣжжати,
Стало ясне сонце снихожати (sic),
Сталъ Ляшъ-Бутурлака отъ сна прочинати.
Тогди по галерѣ поглядаѣ (sic),
Що ни одного турка немае,
Тогди до козаковъ словами промовляе:
«Козаки, панове-молодци!
Нехай бы я могъ знати,
Кого межъ вами паномъ назвати».
Козаки словами промовляли:
«Ляше Бутурлако,
Полковнику Переяславскій!
Ты и самъ добре знаешъ,
На-що ты насъ пытаешъ»?
Тогди Ляшъ Бутурлака съ лижка вставае,
До Кишки Самыйла приступае:
«Ей, гетмане запорожскій!
Зрадивъ ты мене старого,
И мого пана молодого».
Кишка Самійло словами промовляе:
«Якъ будешъ ты мени сее говорити,
То буду я тебе въ Черное море живьемъ укидати,
А то я тебя могъ для порядку козацкаго оставляти».
Въ обѣдней годинѣ стало ихъ 9 галеръ турецкихъ зострѣчати,
Сталъ Ляшъ Бутурлака словами промовляти:
«Кишко Самыйло,
Гетманъ запорожскій!
Половыну козаковъ въ кайданы забивай,
А половину въ турецкое платье наряжай».
Тогди Кишко Самійло половину козаковъ въ кайданы забывае,
А половину въ турецкое платье наряжае,
Ляхъ Бутурлака на чердакъ выхожае,

Турецкую короговъ выставляе,
До турокъ-янычаръ словами промовляе:
«Турки-янычари, не близко вы проѣжжайте,
Цытте (sic), не кричите,
Молодого пана моего не збудите,
Бо мій панъ цѣлу ночъ съ дѣвкою Санжакивною гулялъ,
А теперъ винъ спочивае».
Тогди турки-янычари тое зачували,
За три версты галеры турецкыи отвертали.
Тогди Ляшъ Бутурлака словами промовляе:
«Ей, ну-те жъ, козаки галеру швыденько до Сѣчи приганяйте,
Щобъ не могли турки того дознати,
Назалъ галеры привертати».
Стали козаки галеру до города Сѣчи приганяти,
Стали сѣчовые козаки тое забачати,
Стали вони изъ пушокъ гремати:
«Ну-мо мы, братця, сію турецкую галеру розбивати,
Щобъ могли турки въ Черномъ море (sic) потопати».
Ляшъ Бутурлака тое забачае,
До Кишки Самыйла словами промовляе:
«Кишко Самыйло,
Гетманъ Запорожскій!
Ты межъ козакамы пробуваешъ,
Козацкихъ звычаевъ не знаешъ...
Цвѣтную козацкую крещату хороговъ на чердакъ выноси,
Будутъ сѣчевые козаки тое забачати,
Будутъ нашу галеру козацкую крюками за лавки хватати,
До берега ближе притягати,
А то намъ доведется на Черномъ море пропадати».
Кишко Самійло червону короговъ крещату на чердакъ выставляе,
Сѣчевые козаки стали познавати,
Стали въ лодки сѣдати,
Стали близчѣ приѣжжати,
За лавки галеру крюками хватати,
Стали до берега близче притягати,
Стали козаки съ галеры на берегъ выступати,

Семене Скалозубе гетмане до галеры ближче приступае [1]).
Гетмана запорожского Самыйла тамъ пизнавае,
И ще до его словами промовляе:
«Кишко Самыйло, гетмане запорожскій,
Сорокъ годивъ ты въ неволѣ пробувалъ,
Ни одного козака изъ войска своего не утерялъ».
Тогди Кишко Самыйло изъ галеры выступае,
Семена Скалозуба въ турецкую одежу наряжае,
На (sic) козакивъ словамы промовляе:
«Козаки, панове-молодцы! Ляша Бутурлаку изрубайте,
А то мы тогди его не рубали,
Що для порядку козацкаго оставляли».
Приѣхалъ Кишко Самыйло, гетманъ запорожскій, въ осени о Покровѣ,
Та умеръ въ Филиповку объ Николаѣ.

10.

Пирятинскій Поповичъ Алексѣй [2]).

Древнѣйшіе элементы этой думы указаны Потебней. Таковы поэтическіе образы въ самомъ началѣ ея, стоящіе въ непосредственной связи между собою: *море*, *бѣлый камень*, на которомъ сидитъ *соколъ*; онъ смотритъ на море и „квилыть—

---

[1]) Скалозубъ Семенъ, кошевой запорожскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка: см. замѣтку о немъ въ Историч. пѣс. малорус. народа. Антон. и Драгом., I, 228.

[2]) Есть много варіантовъ этой думы. Почти всѣ они помѣщены въ изданіи Антоновича и Драгоманова: Историч. пѣсни малорус. народа, 1874 г., 176—201. Здѣсь не достаетъ только 1) варіанта, довольно сжатаго, помѣщеннаго у Цертелева (Опытъ собранія старин. малор. пѣсенъ, 1819, 26—29), 2) варіанта Котляревскаго и 3) варіанта, помѣщеннаго въ сборникѣ пѣсенъ, изданныхъ Кирѣевскимъ, 1860 г., вып. IV, приложенія, стр. XXIII—XXVI, отличается онъ отъ всѣхъ варіантовъ нѣкоторыми особенностями: Алексѣй Поповичъ предлагаетъ козакамъ не просто бросить его въ море, но отрубить ему сперва голову, и потомъ бросить трупъ его въ море,—когда же козаки на это не согласились, то онъ самъ проситъ ихъ „хочъ на ливий руци“ отрубить мизинный палецъ—и пустить въ Черное море кровь Христіанскую: когда море начнетъ „кровь хрыстіянскую учуваты“, говоритъ онъ, тогда „Господь Мылосердный буде насъ рятуваты“. Не сказано, сдѣлали ли это козаки, сказано только, что море утихло.

проквыляе", потому что видитъ на морѣ *бурю*, которая *корабль* потопляе [1]). Особенно любопытно сходство поэтическихъ мотивовъ, лежащихъ въ основаніи нашей думы и болгарской пѣсни о Станкевичѣ Дукѣ, а также цѣлаго ряда Сербскихъ пѣсенъ [2]). Это послѣднее сопоставленіе переводитъ вопросъ о происхожденіи думы объ Алексѣѣ Поповичѣ на почву фольклорныхъ заимствованій, оставленныхъ Потебней безъ объясненій.

Не менѣе любопытны соображенія, высказанныя многими учеными о генетической связи между былиннымъ Алешей Поповичемъ и малорусскимъ Олексіемъ Поповичемъ [3]). Все это съ большею или меньшею вѣроятностію указываетъ на сложный составъ нашей думы, переработанный пѣвцами въ своеобразномъ стилѣ казацкаго эпоса. На малорусской почвѣ прозвище Поповичъ могло найти поддержку и въ томъ обстоятельствѣ, что творцу думы о бурѣ на Черномъ морѣ необходимо было грамотное лице, которое скрѣпило бы обычную семейную мораль, выраженную въ думѣ, авторитетомъ „святого письма", а имя *Олексій*, какъ извѣстно, пользуется большою популярностью между лирниками и кобзарями, поющими извѣстный стихъ объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ. Есть, впрочемъ, варіанты этой думы, въ которыхъ рѣчь идетъ не объ Алексѣѣ Поповичѣ, а о двухъ братьяхъ, застигнутыхъ бурею на Черномъ морѣ [4]). Въ минуту опасности они исповѣдываютъ другъ другу грѣхи свои, и буря утихаетъ. Грѣхи у нихъ тѣ же, что и у Алексѣя Поповича, нравоучительную мысль они высказываютъ ту же, что и Алексѣй Поповичъ. Конечно, варіанты съ именемъ Алексѣя Поповича имѣютъ преимущество древности, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ умилостивленіи бушующаго моря цѣ-

[1]) Объясненія малорус. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, 301.

[2]) Ibidem, 305—310.

[3]) Въ первый разъ высказаны они въ голословной формѣ Безсоновымъ въ приложеніяхъ къ IV выпуску пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ (XX—XXVII), повторены Л. Майковымъ и О. Миллеромъ,—развиты и научнымъ образомъ мотивированы А. Н. Веселовскимъ (Южнорус. былины, III—XI, 279) и Н. П. Дашкевичемъ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца, 1889 г., кн. IV, 60—62).

[4]) Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, 190—200.

ною жизни Алексѣя Поповича. Не пускаясь въ обширную область миѳологическихъ сближеній, указываемъ на то обстоятельство, что въ думѣ преданіе о жертвѣ морю отозвалось въ смягченной формѣ: козаки приготовили Алексѣя Поповича въ жертву морю, но ограничились тѣмъ, что пустили только кровь въ море изъ его мизиннаго пальца.

На черномъ море,
На бѣломъ камени,
Сидитъ ясенъ соколъ,
Квилитъ, дуже проквиляетъ,
На Чорное море испилня поглядаетъ,
Что на Чорномъ море не добре починаетъ:
На святомъ небѣ всѣ звезды помрачило,
Половина мѣсяца въ тьму вступило,
Изъ чистаго поля буенъ вѣтеръ повѣваетъ,
На Черномъ море супротивну валечну филю изрываетъ...
Скоро супротивную валечну филю сорвало,
Козацкое судно на три части розбивало:
Первую часть отбило,
Въ дунайское гырло забило [1]),
А другую часть отбило,
Въ Арапскую землю заносило,
Третію часть середъ Чорнаго моря потопило...
На той части потопаетъ триста пятьдесятъ козаковъ,
Межъ ними безъ старшины козацкой не бывало,
Только былъ одинъ старшій старшиною Грицко Зборовскій [2]).
Гетманъ запорожскій Коломіенко [3]),
А другой былъ старшиною Алексѣй Поповичъ Ширитинскій,

---

[1]) „Чортове окно"—примѣчаніе записавшаго думу.

[2]) Грицкомъ Зборовскимъ названъ въ думѣ извѣстный авантюристъ польскій Самуилъ Зборовскій, бывшій кошевымъ запорожскимъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка. См. о немъ Историч. пѣсни малорус. Антон. и Драгом. I, 202, а также Pamętniki o Sam. Zborowskim, zebrane przez L. S., Poznań, 1844 г.

[3]) Коломіенко—тотъ-же Зборовскій, такъ какъ родомъ онъ былъ изъ Коломіи (изъ г. Злочева).

Козаче войсковый,
Писарь лійстровый.
То якъ стало судно потопати,
Сталъ Грицко Зборовскій на чердакъ выхождати,
Сталъ словами промовляти:
«Козаки, панове молоды!
Который межъ вами козакъ найбольшій грѣхъ соби мае,
Може черезъ того наше судно козацкое потопае,
То добре вы, братця, дбайте,
Милосердному Богу, и Черному морю и всему выйску днѣпровому, и мнѣ, атаману кошевому грѣхъ свой откривайте:
Нехай вы будете одинъ въ море потопати,
За собою войска козацкаго, запорожскаго не занапащати!»
То всѣ козаки замолчали,
Бо ни одинъ въ грѣхахъ не чували,
Тылько обызвется одинъ Алексѣй Поповичъ пирятинскій,
Козаче высковый (sic),
Писаръ лійстровый:
«Добре вы, братца, дбайте,
Изъ мого тугого лука шелковую тетиву изнимайте,
Назадъ мнѣ руки козацкіе завяжите,
До шеи тяжкій камень привяжите,
Чернымъ оксаментомъ мнѣ очи завяжите,
Та въ Черное море меня упустите:
Нехай я буду въ Черномъ море потопати,
За собою выйска козацкаго не занапащати».
Тогда козаки тое зачували,
Словами промовляли:
«Алексѣю Поповичу Пирятинскій!
Ты святое письмо читаешъ,
Насъ, простыхъ людей, на все добре научаешъ:
На що соби великій такій грѣхъ уже маешъ?»
Алексѣй Поповичъ тое зачувае,
Словами промовляе:
«Хочъ я святое письмо читаю
И васъ, простыхъ людей, на все добре научаю,
Я соби найбольшій всѣхъ васъ грѣхъ маю:
Що я отъ отца своего, отъ панматки изъ города Пирятина
въ охотное войско выѣжжалъ,

Я съ отцемъ и паниматкою прощенія не принималъ,
Я отца своего и паниматку стременами въ груди отъ себя отпихалъ,
Старшого своего брата зневажалъ,
Старшую свою сестру сильно проклиналъ,—
Що я, панове, самъ не добре починалъ,
Что кровъ христіанскую безъневинно проливалъ,
По городу Пирятину поѣзжалъ, дѣтокъ маленькихъ добрымъ конемъ розбивалъ:
Отъ тѣмъ мене Господь милосердный на великой потребѣ покаралъ».
То Грицко Зборовскій тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки панове-молодцы,
Добре вы, братця, дбайте,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводите,
Справой (sic) руки пальца-мизинца урубайте,
Христіянскои крови въ Черное море впускайте:
Якъ будетъ Черное море кровъ христіянскую пожирати,
То буде на Черномъ море супротивна валечна филя утихати».
Тогда козаки добре дбали,
Алексѣя, Поповича пирятинского, на чердакъ выводили,
Справои руки пальца-мизинца урубали,
Христіянскую кровъ въ Черное море впускали...
Стало Чорное море кровъ христіянскую пожирати,
Стала на Чорномъ море супротивная валечная филя утихати,
Стало судно козацкое, ниби руками, на берегъ выкидати.
Стали козаки изъ судна на песокъ выходити,
Стали въ четыре ряды на песку становити,
Сталъ Алексѣй, Поповичъ пирятинскій, межъ всѣми козаками прохожати,
Сталъ до козаковъ словами промовляти:
«Щасливой то человѣкъ въ свѣтѣ бувае,
Отцевой-паниматчиной молитвы почитае,
Отца и матери молитва изо дна моря душу вынимае,
Отъ грѣховъ сумертвенныхъ (sic) откупляе,
Предъ Праведнымъ Судіею поставляе...»

11.

Атаманъ Матяшъ старый.

Мы не имѣемъ варіантовъ къ этой думѣ, поэтому о текстѣ ея ничего не можемъ сказать положительнаго. Замѣтимъ только, что едва-ли могла имѣть мѣсто въ первоначальномъ текстѣ думы сказочная гипербола о томъ, что Атаманъ Матьяшъ и его двѣнадцать козаковъ побѣждаютъ цѣлыя тысячи турокъ. Самъ Матьяшъ есть лице, неизвѣстное въ исторіи. Событіе, о которомъ рѣчь идетъ въ думѣ, относится къ числу заурядныхъ явленій въ пограничныхъ столкновеніяхъ козаковъ съ татарами и турками.

На устьи Самары—Богу [1])
Семенова козацкаго рогу [2])
Уси поля самарскія пожарами погорѣли,
Только два терны-байраки не горѣли,
Що подъ собой гостей великихъ имѣли:
Тамъ пробувало 12 козаковъ бравославцевъ-небувальцовъ [3]).
Межъ ними былъ Атаманъ Матяшъ старенькій.
Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновые огни раскладати,
Стали по чистому полю кони козацкіе пускати,
Стали козацкіе седла отъ себе далеко откидати,
Стали козацкіе семипядные пищали по-за кустами ховати.

---

[1]) Костомаровъ, измѣнивъ слова подлинника (*на устьи Самарки-Богу*), предполагалъ въ Самарѣ рѣчку Савранку, впадающую въ р. Бугъ (Исторія козачества въ произведеніяхъ народ. пѣсен. творчества, отд. оттискъ, 48). По нашему мнѣнію топографія думы затмилась въ сознаніи позднѣйшихъ пѣвцевъ ея.

[2]) Въ исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мышецкаго находимъ интересную замѣтку объ этой мѣстности: „Вышелъ изъ Польши одинъ человѣкъ, именемъ Семенъ, на устье Бугъ рѣки, въ Лиманъ, на одну косу, которая коса и доныне зовется Семеновъ рогъ, для своихъ промысловъ, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольствіе ближніе его сосѣди, то предались къ нему человѣкъ болѣе ста для оныхъ промысловъ, а оного Семена стали у себя имѣть атаманомъ“ (стр. 1—2).

[3]) Козаки *бравославци-небувальци*, вѣроятно, *Браславцы*, не бывавшіе въ военныхъ походахъ.

Атамане Матяшъ старенькій тое зачувае,
Словами промовляе:
«Козаки, панове молодцы!
Не безпечно вы майте,
Козацкихъ коней изъ препона не пущайте,
Сѣдла козацкія подъ головы покладайте,
Бо се долина Кайнарская,
Недалече здесь земля татарская.
Тогда козаки съ Атамана Матяша насмѣкали:
Десь ты, Атамане Матяшу старенькій, межъ козаками не бывалъ,
Де-сь ты козацкои каши не ѣдалъ,
Де-сь ты козацкихъ звычаевъ не зналъ,
Що ты намъ козакамъ бравославцамъ, великій страхъ задалъ».
Тогда Атаманъ Матяшъ отъ нихъ далеко отступалъ,
Терновый огонь роскладалъ,
Коня свого козацкого осидлалъ,
Биля себе препиналъ.
То саме въ ночи зождавъ малую годинку, невелику часинку,
Якъ не буйные вѣтры повѣвали,
Якъ турки-янычары съ чистаго поля въ долину припали,
12 козаковъ бравославцевъ-небывальцевъ въ полонъ забрали.
Атаманъ Матяшъ старенькій на добраго коня сѣдаетъ,
6 тысячъ турокъ-янычаръ побѣждаетъ,
Бравославцевъ-небывальцевъ изъ полону отбиваетъ,
Щей словами промовляетъ:
«Козаки бравославцы-небывальцы!»
На кони козацкіе сидайте,
Мнѣ, старому, помощи давайте»!
Тогда козаки на кони сидали,
4 тысячи безбожныхъ бусурмановъ побѣждали,
Сребро и злото турецкое отъ нихъ забирали,
До города Сѣчи свиденько (sic) поспѣшали,
Въ городѣ Сѣчи безпечно себе мали,
Серебро и золото турецкое между собою раздѣляли,
За Атамана Матяша Господа-Бога прохали:
«Десь твоя мати въ небѣ пресвятилась,
Що тебе [1]) . . . . . породила,

[1]) Слово не разобрано. Кажется—„тебе *лишира да* породила“.

50) Що ты въ чистомъ поле пробувавъ,
Изъ насъ, бравославцевъ-небывальцовъ, ни одного козака изъ войска не утерялъ.

12.

Вдова Сирка Ивана.

Дума эта сохранилась только въ рукописи Котляревскаго. Но о сыновьяхъ Ивана Сѣрка были, вѣроятно, пѣснопѣнія народныя, судя по нѣсколькимъ стихамъ, уцѣлѣвшимъ въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ, которая записана была г. Носомъ въ Конотопѣ; начинается она обращеніемъ къ Сирку Роману, о которомъ горюетъ мать его Сирчиха въ печатаемой ниже думѣ, какъ объ умирающемъ своемъ сынѣ:

«Ой Лымане, Лымане,
Ты, Сирку Романе,
Да гей же ты, Спрку Романе!
Ой що будемъ робыты,
Нема козакамъ по чарци горилки де взяты,
Да гей же, де взяты!» [1]).

Стихи эти не имѣютъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ думы.

Трагическое положеніе матери-Сирчихи обрисовано въ думѣ Котляревскаго просто и сильно. Безъ всякаго сомнѣнія, Гоголь могъ ничего не знать о Сирчихѣ, но поэтическимъ чутьемъ своимъ, воспитаннымъ на малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, понялъ состояніе души ея, когда разсказывалъ о женѣ Тараса Бульбы, которая „приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ, глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.... На мигъ только она жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ её для сабли, для товарищества, для

---

[1]) Историческія пѣсни Антон. и Драгоманова, 1874, I, 241.

бражничества“.... Съ Ивана Сирка какъ будто-бы писалъ Гоголь портретъ Тараса Бульбы. Тонъ думы документальный, но въ текстѣ ея есть слѣды искаженія (см., напр., стихи 48, 49, 50).

Въ городѣ Мерефѣ [1]) жила вдова,
Старенькая жена,
Сирчиха—Иваниха,
Она 7 лѣтъ пробувала
Сирка Ивана въ очи не видала [2]).
Только соби двохъ сыновъ мала,
Первого сына Сирченка Петра,
Другова (sic) сына Сирченья Романа,
Она ихъ до зросту держала,
Ище отъ нихъ славы—памяти по смерти сподивала.
Якъ сталъ Сирченко Петро выростати,
Сталъ своей мати (sic) старенькой питати:
«Мати моя, старая жено,
Сколько я у тебѣ пребуваю,

---

[1]) „Къ Дону“—вставка въ текстѣ рукописи. Мерефа городъ—нынѣ козацкая слобода, при р. Мерефѣ, Харьковскаго уѣзда.

[2]) О Сиркѣ Иванѣ см. выше. Въ дополненіе къ характеристикѣ этого знаменитаго героя Украины выписываемъ изъ лѣтописи Величка извѣстіе о смерти и погребеніи его: „Того жъ лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славный Атаманъ кошовій, въ Грушовцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣколикое время поболѣвши, преставился отъ жизни сея августа 1, и привороженній водою до Сѣчи Запорожской, и погребенъ чесно всѣмъ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ въ полю за Сѣчою, гдѣ иншое товариство запорожское погребалося. Погребенъ тежъ знаменито августа 2, съ многою арматною и мушкетною стрелбою и со великою всего войска Низового жалостію, яко по томъ вожду своемъ справномъ и щасливомъ, который отъ младости ажъ до старости своея военными бавячися промыслами, не тилко значне Кримъ воевалъ и нѣкоторіи въ немъ поналилъ гради, также и въ поляхъ дикихъ на розныхъ мѣсцахъ многіе татарскіе громлювалъ чамбули, и плѣненній ясиръ Христіянскій отгромлювалъ, але и въ Черное море лотками вплинувши, на розныхъ мѣсцахъ не малѣ Бѣсурманамъ чинилъ шкоди и раззоренія, а по морю Чорному кораблѣ и катареи, зъ Константинополя въ Кримъ, Азовъ и на инніе мѣсца плывучіе,—громлѣвалъ и зъ великими здобычами щасливе зъ войскомъ запорожскимъ до коша своего повертался, которого все войско зѣло любило и за отца своего почитало. Погребши же его, яко вишей рѣкомъ зъ жалостію, значную надъ нимъ могилу висипало, и крестъ каменній на ней поставило, зъ належитимъ имени и дѣлъ его подписомъ“. (Ст. 2, Стр. 497—498).

Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю:
Нехай бы я могъ знати,
Гдѣ своего отца, Сирка Ивана, шукати».
Вдова стара промовляла:
«Пошой (sic) твой отецъ до стародавняго
Тору [1]) пробувати,
Тамъ сталъ онъ свою голову козацкую покладати».
То вже Сирченко Петръ тое зачувае,
Пилипа Мерефіянскаго съ собою подмовляе,
Голуба Волошина за джуру [2]) у себе мае.
Стали вони до стародавняго Тору приѣжжати,
Атамана Торскаго, Яцка Лохвицкаго познавати;
Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій, изъ куреня выхожае,
Словами промовляе,
Сирченка Петра познавае:
Сирченку Петре, чого ты сюда приѣжжаешь,
Десь ты своего отца, Ивана шукаешъ»?
Сирченко Петро словами промовляе:
«Отамане Торскій, Яцко Лохвицкій [3])
Я 7 годъ пробуваю,
Отца своего, Сирка Ивана, въ очи не видаю».
То вже Сирченко Петро съ козаками опрощеніе принимае,
До трехъ зеленихъ байракивъ прибувае.
Козаки до Сирченка Петра словами промовляли:
«Сирченку Петре, не безпѣчно себе май,
Коней своихъ козацкихъ отъ себе не пускай».
А Сирченко Петро на тее не повѣряе,
Подъ тернами байраки (sic) легае (sic)—спочивае,
Кони свои козацки далеко отъ себѣ пускае,
Только Голуба Волошина до коней посылае.
Турки тое забачали,
Изъ тернивъ, изъ байракивъ выбегали,
Голуба Волошина у полонъ до себе брали,

---

[1]) „Рѣка“ вставка въ текстѣ рукописи. Торъ—заштатный городъ Славянскъ Харьковской губ., на р. Торцѣ: это была козацкая стоянка на границѣ между Московскимъ государствомъ и татарскою степью.

[2]) „Слуга“—вставка въ текстѣ рукописи.—Волошинъ—молдаванинъ.

[3]) О второстепенныхъ лицахъ думы—Пилипѣ Мерефіянскомъ и Яцкѣ Лохвицкомъ—мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній.

Ище словами промовляли:
«Голубе Волошине! Не хочемъ мы ны (sic) твоихъ коней вороныхъ,
Хочемъ мы добре знати,
Щобъ твого пана молодого изрубати».
Голубъ Волошинъ словами промовляе:
«Турки!
Коли можете вы мене отъ себе пускати,
Могу я самъ ему сплечъ головку сняты»
Турки того дознали,
Голуба Волошина отъ себе пускали.
Голубъ Волошинъ до Сирченка Петра прибувае,
Словами промовляе:
«Сирченку Петре, пане молодый,
На добраго коня сѣдай,
Межъ турками поспѣшай!»
Не успѣлъ Сирченко Петре межъ турки-янычари вбѣгати,
Могъ ему Голубъ-Волошинъ сплечъ головку сняти.
Тогда турки Пилипа Мерефіянскаго округъ оступали,
Сплечъ головку козацьку снимали,
Козацьке тѣло посѣкли-порубали.
Козаки стародавные тое забачали,
На добрые кони сѣдали,
Турокъ побѣждали,
Козацьке тѣло позбирали,
До стародавняго куреня привозили,
Суходолъ саблями копали,
Шапками-приполами землю носили,
Козацкое тѣло схоронили.
Атаманъ Торскій, Яцко Лохвицкій, тое зачувае.
До вдовы старенькой, Сирчихи-Иванихи, въ городъ у Мерефу
письмо посылае,
Сирчиха-Иваниха письмо читае,
Словами промовляе,
Къ сырой землѣ крыжемъ упадаетъ,
«Что вже теперь на моей головѣ три печали пробувае:
Первая печаль, что я 7 годъ пробувала,
Сирка Ивана въ очи не видала,
Другая печаль, что Сирченка Петра на свѣтѣ живого немае.
Третяя печаль, что Сирченко Романъ умирае.

13.

Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ.

За отсутствіемъ варіантовъ этой думы, а также указаній въ самомъ содержаніи ея на историческія лица и событія, мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить первоначальную редакцію ея.

Питается Днѣпръ тихаго Дуная:
«Тихій Дунаю,
Что я своихъ козаковъ на тебѣ не видаю?
Чи твое дунайское гирло моихъ козаковъ пожерло,—
Чи твоя Дунай-вода моихъ козаковъ забрала»?
Промолвитъ тихій Дунай до Днѣпра-Славута (sic) [1]):
«Днѣпръ-батьку, славуто!
Самъ себѣ думаю да гадаю,
Что твоихъ козаковъ у себѣ не видаю:
Уже чтверь (sic) года три мѣсяца выбывае,
Якъ твоихъ козаковъ у меня немае,
Ни мое дунайское гирло твоихъ козаковъ не пожерло,
Ни моя дунайска вода твоихъ козаковъ не забрала,
Ихъ турки не постреляли, не порубали,
До города-царя въ полонъ не забрали...
Всѣ мои квити луговые и низовые понидели,
Что твоихъ козаковъ у себя не видѣли.
Твои козаки на черкеской горе пробуваютъ,
Холодной воды въ барила набираютъ,
Шляхи и дороги замѣчали,
Городы бусурменски плюндрували,
Огнемъ мечемъ воевали,
Сребра-злата по достаткахъ набирали,
До рѣчки Хортеци прибували,
Велику переправу соби мали,
До стародавной Сѣчи поспѣшали,

---

[1]) *Славута*-Днѣпръ—старинный эпитетъ Днѣпра, перешедшій въ думы изъ поэтическихъ преданій кіевской эпохи.

У стародавной Сѣчи очертою (sic) сѣдали,
Сребро и злато турецьке на три части паивали.
Медъ и оковиту горѣлку подпивали,
30) За весь миръ Господа прохали...
Которие козаки чистымъ полемъ гуляли,
Рѣчки низовыя, помощницы днѣпровыя, добре знали,

Подведемъ итоги наблюденіямъ нашимъ надъ текстомъ малорусскихъ думъ по рукописи А. А. Котляревскаго.

Собственно говоря, наглядно-документальный интересъ представляютъ въ ней три новыя думы, которыя не извѣстны были собирателямъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ. Что касается до варіантовъ къ извѣстнымъ уже думамъ, то они въ большинствѣ случаевъ *редактированы* позже, чѣмъ многіе другіе варіанты, *записанные* позже, поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и во второй половинѣ XIX вѣка не потухла еще въ пѣвцахъ народныхъ думъ поэтическая искра, въ которой довольно явственно можно различать отраженіе стариннаго поэтическаго творчества. Мы имѣли въ виду уловить это отраженіе посредствомъ сравненія думъ, помѣщенныхъ въ рукописи Котляревскаго, съ варіантами ихъ рукописными и печатными. Мы старались опредѣлить, такъ сказать, первоначальное гнѣздо каждой думы и такимъ образомъ приблизительно указать первоначальную редакцію ея, созданную мѣстными потребностями мысли и жизни. Само собою разумѣется, что, называя тотъ или иной варіантъ извѣстной думы первоосновой ея, мы желали только выдвинуть этотъ варіантъ, какъ наиболѣе близкій къ первоосновѣ, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Вообще же при оцѣнкѣ разныхъ варіантовъ мы не переходили за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ болѣе насъ компетентнымъ силамъ искать въ думахъ отзвуковъ старины болѣе отдаленной. Руководствовались мы въ своемъ трудѣ разными соображеніями.

I. Варіанты, въ которыхъ сохранились намеки на докозацкую старину, мы считали древнѣе тѣхъ варіантовъ, въ которыхъ при единствѣ и даже тождествѣ текста нѣтъ этихъ намековъ.

II. Варіанты, не отступающіе отъ основной темы и не осложненные подробностями, хотя бы и согласующимися съ темой, но, во всякомъ случаѣ, второстепенными, мы тоже считали ближе стоящими къ первоосновѣ думы.

III. Если въ пѣсняхъ развивается мотивъ семейный, обыкновенно замѣняемый въ думахъ мотивомъ общественнымъ, то отсюда мы дѣлали заключеніе, что дума образовалась изъ пѣсни, при чемъ ближе къ моменту образованія ея стоятъ, по нашему мнѣнію, тѣ варіанты, въ которыхъ менѣе развитъ мотивъ общественный.

IV. Думы, тождественныя по содержанію съ пѣснями, но съ обычной нравоучительной мыслью, мы считали переработкой пѣсеннаго матеріала, а тѣ варіанты думъ—болѣе древними, которые по своему содержанію ближе стоятъ къ пѣснямъ.

V. Если же фабула думы возникла независимо отъ пѣсенъ и только усвоила изъ нихъ тѣ или другіе поэтическіе образы, то на этомъ основаніи мы дѣлали противоположное заключеніе, полагая, что ближе стоятъ къ первоначальной редакціи такой думы тѣ варіанты ея, въ которыхъ нѣтъ вставокъ изъ пѣсенъ. Иногда подобныя вставки появляются не изъ пѣсенъ, а изъ другой какой-нибудь думы, гдѣ онѣ органически связаны съ ея главнымъ сюжетомъ: въ такомъ случаѣ намъ казались болѣе древними тѣ варіанты думы, которые вполнѣ свободны отъ всякихъ вставокъ.

VI. Впрочемъ, и въ варіантахъ, подвергшихся вліянію другихъ думъ и заключающихъ въ себѣ ненужныя изъ нихъ вставки, сохраняются иногда черты древности, всегда ощутимой въ реальномъ изображеніи мелочей жизни, которыя могли быть извѣстны только лицу, жившему въ очень давнее время. Иногда въ полузабытой и краткой редакціи есть слѣды первоосновы, которая въ давнее время могла распасться на двѣ редакціи. Чѣмъ рѣзче отличается одна редакція отъ другой, тѣмъ болѣе давнимъ нужно считать это распаденіе.

VII. Варіанты, изображающіе козака-воина въ суровой простотѣ козацкаго быта, по нашему мнѣнію, ближе стоятъ къ первоначальной редакціи думы, чѣмъ тѣ варіанты, въ которыхъ тотъ-же козакъ является уже въ болѣе роскошной обстановкѣ козацкой старшины.

VIII. Если въ цѣломъ рядѣ варіантовъ нравственныя черты дѣйствующихъ лицъ вырисовываются съ возрастающей ясностію и отчетливостію, и мы видимъ предъ собою какъ бы цѣлый процессъ обработки характеровъ, то варіанты менѣе обработанные мы должны были считать болѣе древними—конечно—при полномъ отсутствіи въ нихъ слѣдовъ искаженія и явнаго забвенія первоначальнаго текста.

IX. Иногда въ разныхъ варіантахъ одно и то же лицо изображено въ разные моменты его жизни, при чемъ измѣняются, какъ положеніе, такъ и поступки этого лица: въ такомъ случаѣ мы допускали исходный моментъ, а варіантъ, въ которомъ воспроизведенъ этотъ моментъ, считали древнѣйшимъ.

Однимъ словомъ, руководящею нитью въ анализѣ думъ служило для насъ то положеніе, что болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному, а такъ какъ форма думы сложнѣе, чѣмъ форма обыкновенной пѣсни, то первоначальнымъ моментомъ въ литературной исторіи думъ нужно считать нравственную потребность пѣвцовъ воспользоваться пѣсеннымъ матеріаломъ для нравоучительныхъ или же общественныхъ цѣлей. Но, создавая новую поэтическую форму, они должны были обладать такимъ складомъ мысли, который заключалъ въ себѣ нѣчто новое, если не совсѣмъ чуждое народному пѣсенному творчеству, то мало присущее ему.

Подъ этимъ *нѣчто* мы разумѣемъ *рефлексію*, наклонность къ обобщенію явленій жизни, воспитанную книжными вліяніями, которыя изъ старинной южнорусской школы направлялись къ народной массѣ разными путями. На этой почвѣ взаимодѣйствія народнаго и школьнаго міровоззрѣнія, пѣсеннаго и виршеваго творчества, выработались техническіе пріемы *думнаго* творчества, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ творчествѣ

мы должны признать литературный актъ, закрытый отъ насъ осложненіями устной передачи. Конечно, мы не имѣемъ возможности выдѣлить его въ видѣ указанія на самодѣятельную, личную, такъ сказать, книжность творца той или другой думы, тѣмъ болѣе, что на всѣхъ творцевъ думъ школа оказывала однородное вліяніе. Одно можно сказать съ полною увѣренностью, что сильнѣе выступаетъ этотъ актъ тамъ, гдѣ нѣтъ пѣсенныхъ мотивовъ. Таковы именно думы о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ объ этомъ замѣтили мы выше. По всему видно, что это думы позднѣйшія, какъ по содержанію, такъ и по литературному складу, который началъ вырабатываться раньше, на почвѣ пересозданія пѣсеннаго матеріала.

Могла продолжаться и прежняя поэтическая техника, состоявшая подъ вліяніемъ пѣсенъ, но она не составляла уже господствующаго начала въ вѣкъ Богдана Хмельницкаго. Судя по яркому колориту думъ о немъ, видно, что онѣ слагались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, которыя глубоко врѣзывались въ народную память: между событіемъ и появленіемъ самихъ думъ не было посредствующихъ ступеней въ видѣ прозаическихъ сказаній или же пѣсенныхъ преданій. Вотъ почему онѣ почти свободны отъ анахронизмовъ и всякихъ несообразностей, присущихъ народному эпосу вслѣдствіе недостатка въ народномъ сознаніи исторической перспективы.

Можно полагать поэтому, что онѣ ближе стоятъ къ первоначальному тексту, чѣмъ думы болѣе ранняго періода, которыя долѣе обращались въ устахъ народа, поэтому и дошли до насъ въ большемъ количествѣ варіантовъ—сравнительно съ думами, изображающими дѣянія и подвиги Богдана Хмельницкаго. Впрочемъ, и въ думахъ давнихъ, менѣе сохранившихъ печать первоначальнаго творчества, не затерялись, какъ мы видѣли, слѣды непосредственныхъ впечатлѣній жизни, доказывающіе, что не только творцы, но и пѣвцы думъ могли быть свидѣтелями и даже участниками въ боевой жизни козачества. Сохранилось извѣстіе отъ 1711 года, что на Запорожьи слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ

жалованье наравнѣ съ зрячими [1]). Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ,—поэтому неудивительно, если тамъ же, въ запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенные въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полу-народной, полу-книжной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталями и народными школами.

И. Житецкій

[1]) Кіевская Старина, 1892 г., Ноябрь, 296.

Ѳаддей Чацкій.

I.

Въ концѣ января 1813 года въ городъ Дубно, волынской губерніи, экстренной почтой прибылъ Ѳаддей Чацкій, тайный совѣтникъ, визитаторъ училищъ югозападнаго края. Онъ спѣшилъ изъ Житомира въ Кременецъ для встрѣчи князя Адама Чарторыйскаго, попечителя виленскаго учебнаго округа, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ. Зима въ то время на Волыни стояла суровая. Въ дорогѣ Чацкій заболѣлъ нервной горячкой. Нервнымъ разстройствомъ онъ страдалъ и прежде. По пріѣздѣ въ Дубно больной слегъ въ постель. Медицинская помощь дубенскихъ докторовъ не поправила здоровья больного. Чацкій умеръ 8 февраля 1813 года.

Съ тѣхъ поръ прошло ровно 80 лѣтъ, но исторія не сказала еще о Чацкомъ своего слова и, должно быть, долго еще не скажетъ.

Современники называли Чацкаго человѣкомъ „ловкимъ“, „предпріимчивымъ“, „ученымъ“, человѣкомъ „удивительной энергіи“ и даже „геніемъ“. Русское правительство, въ виду его симпатичныхъ личныхъ качествъ и энергичной дѣятельности на пользу просвѣщенія страны, прощало ему его политическія увлеченія и снисходительно глядѣло на его полонофильскія затѣи. Польскіе историки, конечно, говорятъ о Чацкомъ, какъ о великомъ человѣкѣ. Напротивъ, русскіе отзываются о немъ или

тономъ пренебрежительнаго равнодушія, или съ антипатіей. Въ основаніи польскаго взгляда лежитъ преувеличенное сужденіе о заслугахъ Чацкаго, обусловленное естественнымъ чувствомъ любви и уваженія къ своимъ дѣятелямъ. Въ основаніи русскаго лежитъ не менѣе естественная, неизгладившаяся историческая непріязнь къ политически-погибнувшей Польшѣ [1]).

Широкія научныя потребности нашего времени не оправдываютъ такой тендеціозной точки зрѣнія въ отношеніи къ историческимъ дѣятелямъ, хотя бы нѣкогда и враждебнымъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ увѣренность вполнѣ, что долженъ быть объективный критерій для оцѣнки личностей людьми разныхъ лагерей.

Въ своемъ небольшомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду, не претендуя на полноту біографическихъ данныхъ, дать общую характеристику Ѳаддея Чацкаго—этого, какъ увидитъ читатель, замѣчательнаго человѣка. Но выставляя его такимъ, мы не желаемъ упустить изъ виду, что дѣятель этотъ, трудясь на поприщѣ просвѣщенія поляковъ, всегда имѣлъ въ виду историческую Польшу отъ моря до моря, а не этнографическую, и, по меньшей мѣрѣ непростительно для ученаго, забывалъ, что свой польскій лицей и свои польскія гимназіи онъ заводилъ на южно-русской землѣ и на средства, добытыя потомъ и кровью южно-русскихъ крестьянъ, для которыхъ польская культура и историческая Польша нужны не были. Упускалъ это изъ виду впрочемъ не одинъ Ѳ. Чацкій; упускало изъ виду тоже самое и современное ему русское правительство.

II.

Родъ Чацкихъ—одинъ изъ старинныхъ родовъ юго-западнаго края. Чацкіе издавна владѣли имѣніемъ въ мѣстечкѣ Порицкѣ, волынской губерніи, владиміро-волынскаго уѣзда. Ѳаддей Чацкій увеличилъ свое недвижимое пріобрѣтеніемъ новыхъ имѣ-

---

[1]) Какъ далеко объективное сужденіе о Чацкомъ, можно судить по тому, что на страницахъ довольно распространеннаго въ свое время журнала высказывались, напримѣръ, такія сужденія: „надобно быть идіотомъ (sic!) или невѣждой, чтобы не

ній—села Брусилова и Острожскаго имѣнія [1]). Отецъ Ѳаддея, Щенсный-Чацкій, принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ волненіяхъ Польши конца XVIII вѣка.

XVIII вѣкъ для Польши почти весь прошелъ въ междоусобіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Партійность составляла какъ бы основную стихію политической жизни Польши того времени. Поляки не безъ гордости говорили: Polska nierządem stoi. Поляки не могли понять, что оппозиція и партійность въ государствѣ тогда только законны, когда вызываются дѣйствительными потребностями народа и вызываются не искусственно, а сами собою вытекаютъ изъ порядка вещей; что только тѣ партіи пользуются настоящею политическою жизнью, которыя своею цѣлью имѣютъ благоденствіе страны и, въ случаѣ необходимости, готовы принести личные свои интересы общему дѣлу. Въ конечныхъ цѣляхъ государственной жизни всѣ партіи должны быть вполнѣ солидарны между собою [2]). Иное видимъ въ Польшѣ. Партійность поляковъ часто вытекала изъ честолюбія и интересовъ частныхъ лицъ и фамилій, а не народа и питалась эгоизмомъ и междоусобіями. Поляки, какъ извѣстно, умѣли иногда воевать храбрѣе между собою, чѣмъ съ иноземцами.

Въ самое критическое время исторической жизни Польши (конецъ XVIII вѣка) поляки не могли придти къ опредѣленному соглашенію въ своихъ политическихъ требованіяхъ. Аристократическая партія требовала продолженія польской конституціи, измѣненной на основаніи началъ французской республики. Приверженцы демократіи требовали радикальнаго измѣненія

шутя видѣть что-нибудь хорошее въ пропавшей Рѣчи Посполитой. Если бы Ѳ. Чацкій родился по крайней кѣрѣ не въ русской старинной области, не на Волыни, но въ коренной Польшѣ... тогда онъ имѣлъ бы какое нибудь право употреблять постоянно бывшія у него на умѣ и на языкѣ слова „нашъ край“, „нашъ народъ“ (Воспоминаніе о Волыни И. Кулжинскаго В. З. Р. 65 г. IV. II, 125 стр.). Въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло“... Шолковича (Вильно, 1885 г. т. 1-й), въ который вошла и статья Кульжинскаго, эти слова уже опущены. Потребовалось, такимъ образомъ, двадцать лѣтъ исторической жизни, прежде чѣмъ сознались рѣзкость и тенденціозность подобныхъ сужденій русскаго публициста.

[1]) Архивъ Государственаго Совѣта т. 3. ч. 2, стр. 185.

[2]) Какъ это издавна ведется въ Англіи.

политическаго строя Польши. Были даже партіи въ духѣ политическихъ идеаловъ Жанъ-Жака-Руссо. Однимъ изъ радикаловъ въ своихъ политическихъ требованіяхъ и былъ Чацкій-отецъ. Это былъ истый полякъ съ его капризнымъ veto и неумолимымъ гоноромъ. До болѣзненности развитое самолюбіе и раздражительность стоили ему большихъ непріятностей въ жизни. Захваченный однажды противной политической партіей, Щенсный Чацкій долженъ былъ отсидѣть въ мѣстечкѣ Бродахъ подъ стражею семь лѣтъ. Послѣ семилѣтняго заключенія, его водворили въ его собственномъ имѣніи Порицкѣ безъ права выѣзда.

Ѳаддей Чацкій родился въ 1765 году. Безпокойный характеръ отца, его страсть къ государственно-общественной дѣятельности и политическимъ интригамъ благопріятствовали свободному развитію Ѳаддея. Онъ росъ внѣ отцовскаго вліянія. Домашнимъ воспитателемъ его былъ Фаустинъ Гродзинскій, умный и хитрый іезуитъ, съумѣвшій возбудить въ своемъ воспитанникѣ съ раннихъ лѣтъ страсть къ научному образованію. Не безъ вліянія іезуита развилась въ молодомъ Чацкомъ унаслѣдованная отъ отца жажда дѣятельности и неуклонное стремленіе къ намѣченной цѣли. Серьезное знакомство съ классиками пріучило его къ точности мысли, а изученіе старыхъ польскихъ ораторовъ воспламенило его воображеніе и способствовало развитію въ немъ замѣчательнаго по своей силѣ и гибкости ораторскаго таланта.

Въ то время, когда въ Польшѣ учреждалась конституція 3 мая, составлялась торговицкая конфедерація и шли подготовительные переговоры объ окончательныхъ передѣлахъ Польши, молодой Чацкій, движимый рѣдкою страстью къ наукѣ, изучалъ польскую исторію и до самозабвенія увлекался родной литературой. Отъ книжныхъ занятій его отвлекло на время путешествіе въ Молдавію, куда онъ былъ посланъ польскимъ правительствомъ въ званіи посла отъ скарбовой коммиссіи Рѣчи Посполитой для дипломатическихъ переговоровъ съ княземъ Ипсиланти объ отпускѣ соли въ Польшу [1]). Должно быть Польша

[1]) Соляныя копи Бохніи и Велички въ то время не принадлежали Польшѣ. Онѣ отошли къ Австріи.

сильно нуждалась въ то время въ общественныхъ дѣятеляхъ, если для подобныхъ переговоровъ должна была употребить молодого, едва ли опытнаго въ такихъ дѣлахъ, ученаго. Чацкому было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Не смотря однако на свою молодость, онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе. Этимъ онъ открыто заявилъ о своей способности къ общественной службѣ.

Подъ вліяніемъ ранняго и серьезнаго знакомства съ исторіей Польши, въ немъ рано пробудилось чувство историческаго уваженія къ родинѣ. Разъѣзжая въ свободное отъ научныхъ занятій время по старымъ кляшторамъ и замкамъ, онъ жадно разыскивалъ памятники польской старины. Древніе польскіе писатели сдѣлались для него необходимостью, а польская этнографія—любимымъ занятіемъ. Онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе старой польской книжки. Его историко-этнографическая богатая библіотека, (доставшаяся кіевскому университету) дѣлаетъ честь его библіофильскому вкусу, умѣнью цѣнить книжную рѣдкость. Съ особенною любовью занимался онъ археологическимъ изученіемъ краковскихъ древностей и за нѣсколько дней до майской конституціи подалъ скарбовой коммиссіи проектъ „о состояніи въ археологическомъ отношеніи осмотрѣннаго имъ города Кракова и о необходимости поддержать зданія Краковскаго замка, семь вѣковъ уже бывшаго свидѣтелемъ славы Польши".

Среди такихъ историко-археологическихъ увлеченій Чацкаго застали переговоры объ окончательныхъ раздѣлахъ Польши. Гроза висѣла надъ Польшей, и если не всѣми открыто высказывалась, зато сознавалась всякимъ, кто только былъ чуждъ политическаго самообольщенія.

Печальныя обстоятельства родины ясно подсказали чуткому и впечатлительному Чацкому дальнѣйшую программу его дѣятельности. Онъ понялъ, что расшатанная политически Польша требуетъ не кабинетныхъ, а общественныхъ дѣятелей. Со всей горячностью своего увлекающагося темперамента бросился онъ служить умиравшей отчизнѣ. Онъ участвовалъ во многихъ польскихъ сеймахъ, восторженно говорилъ при всякихъ удобныхъ случаяхъ патріотическія рѣчи, возбуждалъ своихъ земля-

ковъ къ энергической дѣятельности, участвовалъ въ разныхъ антирусскихъ тайныхъ обществахъ [1]).

Научная дѣятельность Чацкаго приняла въ это время жизненное, практическое направленіе. Чацкій приступилъ къ экономическому и географически-статистическому изученію Польши и побудилъ къ тому дѣлу многихъ ученыхъ. Значительную часть своего состоянія (10,000 червон. злот.) онъ истратилъ на составленіе научной гидрографической карты Польши и Литвы. Не довѣряя чужимъ источникамъ, онъ лично обозрѣлъ всѣ пристани на рѣкахъ. Послѣ майской конституціи онъ подалъ той же скарбовой коммиссіи другой проектъ о необходимости сдѣлать генеральное, подробное измѣреніе и размежеваніе Польши и составить подробную географически-статистическую карту Польши въ экономическомъ, агрономическомъ и другихъ отношеніяхъ. Два краковскіе профессора, Янъ Снядецкій и Феликсъ Радванскій, по предложенію Чацкаго, взялись за составленіе этой карты. Въ различныхъ мѣстахъ Польши были начаты географически-статистическія работы. Благодаря работамъ польскихъ географовъ, были произведены измѣренія пинскихъ болотъ. Но широкимъ предпріятіямъ польскихъ ученыхъ не суждено было осуществиться. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, ихъ работы остались неоконченными. Изъ другихъ работъ Чацкаго извѣстны его проекты объ улучшеніи состоянія ремеслъ и рукодѣлій въ Польшѣ, о еврейскомъ вопросѣ въ Польшѣ и др. Ни внутреннія междоусобія, ни раздѣлы Польши не могли остановить горячей, научной дѣятельности Чацкаго на пользу дорогаго для него отечества. Во время гродненскаго сейма, рѣшившаго судьбу Волыни, Чацкій, какъ бы не обращая вниманія на политическую смерть Польши,

---

[1]) Степень несомнѣннаго участія Чацкаго въ тайныхъ обществахъ и политическихъ тайныхъ замыслахъ Польши противъ Россіи пока не выяснена. Польскіе историки, конечно, стараются снять съ Чацкаго всякое пятно политическаго участія въ замыслахъ противъ Россіи, которой онъ былъ многимъ обязанъ. Осинскій говоритъ „будто всѣ политическія преступленія Чацкаго состояли только въ томъ, что онъ во время польской революціи, исправлялъ должность подскарбія (Вѣст Зап. Рос. IV. II. 128)“.

въ товариществѣ многочисленной молодежи слушалъ лекціи въ краковской академіи. Любовь къ отечеству отождествлялась у него съ любовью къ наукѣ, и торжество послѣдней стало для него цѣлью жизни.

Дѣятельность Чацкаго была слишкомъ замѣтна, чтобы не обратить на себя вниманія русскаго правительства. Еще въ 1794 году баронъ Игельстромъ донесъ русскому правительству о дѣятельномъ участіи Чацкаго (въ то время подскарбія, или государственнаго казначея) въ польскомъ мятежѣ, начавшемся въ Краковѣ въ 1793 году. Дѣлу было дано законное движеніе, и имѣнія Чацкаго (брусиловское и острожское) были конфискованы и розданы по частямъ въ видѣ бенефицій помѣщикамъ, заслужившимъ довѣріе русскаго правительства. Чацкій не легко могъ примириться съ утратою своихъ обширныхъ имѣній. Онъ пытался доказать русскому правительству свою непричастность къ политическимъ дѣламъ. Въ доказательство своей политической благонадежности онъ представилъ даже свидѣтельство, данное ему отъ какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дивова, въ которомъ Чацкій былъ дѣйствительно аттестованъ самымъ безупречнымъ образомъ. Строгая русская политика въ отношеніи къ Польшѣ при Екатеринѣ II не благопріятствовала рѣшенію дѣла Чацкаго въ его пользу. Только въ виду настойчивыхъ домогательствъ Чацкаго, русское правительство согласилось возвратить ему его имѣнія, но съ обязательнымъ условіемъ, чтобы онъ продалъ ихъ и выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Для ликвидаціи дѣлъ ему дана была отсрочка въ два года. Чацкій обѣщалъ, но не спѣшилъ... Когда правительство настойчиво потребовало исполненія обѣщанія, Чацкій долженъ былъ уступить. Онъ подумывалъ было уже о переселеніи въ свой любимый Краковъ. Тамъ, на досугѣ, онъ мечталъ предаться своимъ научнымъ работамъ для славы родины, но обстоятельства измѣнились.

III.

Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича, какъ извѣстно, началась общая реакція политики Екатерины II. Строгая русская политика въ отношеніи къ Польшѣ стала постепенно измѣняться въ мягкую, снисходительную.

Чацкій воспользовался начавшимся благопріятнымъ для Польши вѣяніемъ... Онъ отправился въ Петербургъ и тамъ съумѣлъ лично оправдаться отъ всѣхъ политическихъ подозрѣній. Часть его имѣній была ему возвращена.

Политическая благонамѣренность Чацкаго въ глазахъ русскаго правительства была закрѣплена представительствомъ Чацкаго на коронаціи императора Павла. Кіевское дворянство избрало для этой почетной роли именно его, какъ болѣе виднаго и заслуженнаго человѣка. Чацкій, конечно, не отказался отъ столь лестнаго предложенія.

Въ Москвѣ, во время коронаціонныхъ торжествъ, Чацкій съумѣлъ ловко воспользоваться общеторжественнымъ настроеніемъ русскихъ государственныхъ людей и, чрезъ князя Куракина, исходатайствовалъ для своихъ земляковъ нѣсколько очень важныхъ бенефицій и льготъ.

По его ходатайству, послѣдовала Высочайшая амнистія полякамъ, состоявшимъ въ политическомъ подозрѣніи;—разрѣшено перенести въ югозападныя губерніи дворянскій архивъ бывшей Польской республики. Не безъ инціативы Чацкаго, введенъ также въ западныя и югозападныя губерніи особый самостоятельный судъ, подобный тому, какой былъ устроенъ для литовскихъ провинцій; полякамъ было дозволено избирать изъ среды своихъ помѣщиковъ предводителей дворянства и исправниковъ. Чацкій съумѣлъ войти въ милость русскаго правительства. Императоръ Павелъ пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и предложилъ даже мѣсто сенатора.

Съ этого времени въ характерѣ дѣятельности Чацкаго настала перемѣна. Онъ отказался отъ рѣшительнаго образа дѣйствій въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ пробужденіе политической Польши послѣ ея раздѣловъ. Чацкій убѣдился, что возстано-

вить Польшу путемъ прямыхъ радикальныхъ предпріятій невозможно. Сила историческихъ обстоятельствъ была выше искреннихъ и горячихъ, но совершенно неосуществимыхъ политическихъ чаяній польскихъ патріотовъ. Оставалось примириться съ фактомъ и дѣйствовать съ другой стороны,—не видимой для русскаго правительства,—путемъ подъема національнаго самосознанія чрезъ распространеніе въ краѣ низшаго и средняго образованія въ строго польскомъ направленіи. Чацкій сталъ благонадежнымъ ревнителемъ просвѣщенія югозападнаго края. Онъ рѣшилъ посвятить себя изученію историческаго прошлаго Польши. Исторія Польши Нарушевича не была кончена [1]). Чацкій горячо взялся за ея продолженіе. Онъ мечталъ довести ее до послѣднихъ событій. Въ своемъ письмѣ къ послѣднему польскому королю Станиславу-Августу онъ назвалъ себя польскимъ „историографомъ“ и просилъ позволенія пользоваться обширнѣйшей рукописной библіотекой королевскаго дворца. Въ качествѣ историографа Чацкій предпринялъ путешествіе по Польшѣ и посѣтилъ города, выдававшіеся своими библіотеками и цѣнными въ историческомъ отношеніи собраніями: Гнѣзно—столицу великой Польши, Познань, Калишъ и Куявы. У папскаго литовскаго нунція онъ выхлопоталъ разрѣшеніе читать историческія запрещенныя книги, недоступныя другимъ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ открылъ для него тайный архивъ крестоносцевъ въ Кенигсбергѣ.

Занимаясь исторіографіей, Чацкій не оставлялъ въ сторонѣ текущихъ современныхъ вопросовъ и нуждъ своей Польши. Это былъ человѣкъ, умѣвшій согласить привязанность къ исторической наукѣ съ служеніемъ живымъ интересамъ политики въ одной программѣ, если и не вездѣ послѣдовательной, зато искренней. Въ Варшавѣ онъ организовалъ, между прочимъ, два общества: одно научное—подъ названіемъ „Towarzystwo przyjaciół nauk“, другое—„Towarzystwo Handlowe“.

---

[1]) „Исторія польскаго народа“ Нарушевича въ 6 томахъ (три изданія: первое въ 1780—6 г. въ Варшавѣ и 1803 г., второе 1803—4 г., третье въ Лейпцигѣ 1836—1837) доведено авторомъ до Владислава Ягеллы.

Своею литературною дѣятельностью Чацкій обратилъ на себя общее вниманіе соотечественниковъ и возвысился до положенія крупнаго государственнаго человѣка.

Въ 1802 году въ Россіи было учреждено Министерство Народнаго Просвѣщенія съ шестью учебными округами [1]). Возсоединенныя земли югозападнаго края были отнесены въ учебномъ отношеніи къ виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій, не скрывавшій своихъ плановъ на возстановленіе „отчизны“ по Днѣпръ. Напрасно императоръ Александръ старался убѣдить его въ несбыточности такихъ плановъ, увѣряя, что никакая логика въ мірѣ не заставитъ русскихъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, Волынь и Подолію—Чарторыйскій оставался всю жизнь вѣрнымъ своимъ несбыточнымъ политическимъ взглядамъ [2]).

Чацкій очень рано свелъ дружбу съ попечителемъ виленскаго округа. Чарторыйскій и Чацкій скоро сошлись и поняли другъ друга. Когда въ 1803 году открылась должность помощника попечителя виленскаго округа, то на нее, не безъ содѣйствія попечителя, былъ назначенъ Чацкій въ званіи „генеральнаго визитатора училищъ кіевской, волынской и подольской губерній“. Съ этого времени исторія жизни Чацкаго соединяется съ исторіей просвѣщенія югозападнаго края. Чацкій живетъ теперь исключительно для школъ. По словамъ польскаго писателя „онъ былъ неукротимъ въ своихъ проектахъ и дѣятеленъ до дерзости въ исполненіи ихъ“ [3]). Цѣлыхъ десять лѣтъ, съ знаніемъ своего дѣла, прослужилъ онъ въ должности визитатора и не зналъ устали въ своей работѣ. Дружба съ вліятельнымъ Адамомъ Чарторыйскимъ гарантировала его отъ подозрѣнія въ чемъ-либо противоправительственномъ и придавала ему больше самоувѣ-

---

[1]) Полное собран. закон. т. XXVII. № 20,406. (Манифестъ объ учрежденіи министерствъ 8 сентября 1802 г.).

[2]) Характеръ этихъ взглядовъ опредѣленно высказался въ письмахъ Чарторыйскаго и Александра 1-го, изданныхъ въ сочиненіи: „Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations, 1801—1813 г.“ Paris.

[3]) Осинскій: „Bujnym był w tworzeniu przedsięwzięć a nagłym i dzielnym ich dokonaniu“. В З. P. IV. II. 131.

ренности и энергіи въ его дѣятельности. Умный Чацкій съумѣлъ подчинить своему вліянію Чарторыйскаго, и послѣдній во многихъ своихъ распоряженіяхъ дѣйствовалъ по внушенію Чацкаго. Чацкій пригласилъ къ себѣ сотрудника Гуго Колонтая, а Чарторыйскій—Стройновскаго, ректора виленской академіи. Оба сотрудника были завзятые полонофилы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе видамъ постепенно пробуждавшихся польскихъ мечтаній о политической жизни Польши.

IV.

Эти мечтанія особенно воспламенилъ узникъ св. Елены. „Звѣзда Наполеона заблистала на политическомъ горизонтѣ міра", говоритъ съ паѳосомъ польскій писатель: „его могучій геній, невѣроятные почти успѣхи, обширные планы, казалось, предсказывали нашему отечеству самобытность. Цвѣтъ нашего юношества былъ увлеченъ обаятельной силой великаго человѣка. Кости польскія забѣлѣлись въ Сенъ-Доминго, и полякъ ежедневно раздавалъ приказанія со стѣнъ Капитолія. Эта минута вызвала въ польской поэзіи рыцарскую школу" [1]).

И не въ одной только поэзіи... Во всѣхъ областяхъ общественной жизни явились своего рода рыцари. Закипѣла поздняя, но горячая работа, направленная къ подъему упадавшей польской государственности. Въ области просвѣщенія такимъ польскимъ рыцаремъ былъ Ѳаддей Чацкій.

Много обстоятельствъ благопріятствовало успѣшной дѣятельности Чацкаго: снисходительное и гуманное отношеніе русскаго императора къ полякамъ, розовыя надежды на Наполеона и общее возбужденіе народа, чувствовавшаго всю тягость своего неопредѣленнаго государственнаго положенія между Наполеономъ и Александромъ.

Въ это время преобразовывается краковскій университетъ, образуются разныя ученыя общества, является цѣлая фаланга писателей и выводитъ польскую литературу изъ сферы класси-

---

[1]) „Исторія польской литературы". Сырокомли. Москва 1860 г. стр. XXI.

цизма на національную польскую почву. Казалось, Польша въ нѣсколько лѣтъ хотѣла исправить всѣ свои прежнія увлеченія псевдоклассицизмомъ, подражаніе французскому образованію и т.п.

Чацкій пользовался всякимъ обстоятельствомъ для подъема образованія въ краѣ. Съ этою цѣлью имъ задумана была реорганизація базиліанскихъ монастырей.

Базиліанскіе монастыри въ Польшѣ давно обращали на себя вниманіе русскаго правительства. Католическое монашество, распространенное въ русской странѣ, не соотвѣтствовало видамъ правительства. Монахи-базиліане жили преимущественно созерцательной жизнью. При томъ же имъ принадлежали громадныя имѣнія. Благотворительность была имъ совершенно чужда. Воспитаніемъ народа они не занимались. Рѣшено было уничтожить базиліанскій орденъ. Екатерина II велѣла закрыть тѣ изъ уніатскихъ базиліанскихъ монастырей, при которыхъ не было школъ. Такихъ монастырей въ одной волынской губерніи оказалось одиннадцать. Приступлено было къ ихъ упраздненію и секуляризаціи ихъ имѣній. Монахамъ очень не хотѣлось разставаться съ своими насиженными, доходными мѣстами. Чацкій предложилъ базиліанамъ заняться просвѣщеніемъ народа и за это обѣщалъ выхлопотать для нихъ у русскаго правительства право неприкосновенности базиліанскаго ордена со всѣми его помѣстьями, прерогативами и даже съ правомъ орденскаго самоуправленія съ генераломъ или протоархимандритомъ во главѣ. Базиліане согласились. Дѣйствительно, по ходатайству Чацкаго, князь Чарторыйскій предложилъ правительству сохранить для просвѣтительныхъ цѣлей базиліанскій орденъ съ ихъ фундушами и автономной администраціей. Въ 1807 г. предложеніе князя Чарторыйскаго получило Высочайшее утвержденіе.

Проекту преобразованія монашескаго базиліанскаго ордена въ воспитательный не легко было осуществиться. На практикѣ оказалось, что воспитательныя цѣли были только благовиднымъ предлогомъ удержанія католическимъ, непредпріимчивымъ монашествомъ своихъ правъ. Образованіемъ народа оно почти не способно было заниматься.

Впослѣдствіи, по настоянію уніатскаго митрополита Лисовскаго, желавшаго привлечь всѣ поіезуитскія имѣнія къ уніатамъ, былъ организованъ комитетъ для сужденія о нововведеніяхъ Чарторыйскаго и Чацкаго. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что новаторы въ отношеніи къ базиліанскому ордену поступили совершенно произвольно. Чацкій, по заключенію комитета, не имѣлъ никакого права измѣнять первоначальную организацію монашескаго ордена. Дѣлу былъ данъ другой исходъ. Орденъ былъ закрытъ.

Въ 1803 году 4 апрѣля, по предложенію попечителя Чарторыйскаго, былъ открытъ извѣстный виленскій университетъ съ католической семинаріей при немъ (уставъ университета утвержденъ въ 1806 году). Иниціатива открытія и сложная организація университета и семинаріи во многомъ обязаны работамъ Чацкаго. Старинная система латинскаго воспитанія встрѣтилась здѣсь съ національно католическимъ образованіемъ [1]). На содержаніе виленскаго университета правительство назначило ежегодно по 105000 рублей. Кромѣ того, въ его владѣніе были отданы многія земли, принадлежавшія прежде іезуитамъ.

Задавшись широкими просвѣтительными задачами, Чацкій остановилъ свое вниманіе на польско-католическомъ духовенствѣ, которое, по старой традиціи, считалось лучшимъ проводникомъ образованія. При учрежденіи виленской семинаріи введено было опредѣленіе, чтобы на должности монастырскихъ настоятелей, проповѣдниковъ, учителей монастырскихъ школъ—назначались монахи, кончившіе курсъ виленскаго университета или получившіе отъ него свидѣтельство о своихъ познаніяхъ. До „визитаторства“ Чацкаго въ югозападномъ краѣ (волынской, кіевской и подольской губерніяхъ) насчитывалось 43 монастырскія школы, замѣнявшія уѣздныя училища. Чацкій предложилъ открыть еще 48 училищъ [2]) и завести при нѣкоторыхъ мона-

---

[1]) Уставъ виленскаго университета въ „Сборникѣ постановленій по Министерству Народн. Просв.“ 1 т. 58 стр. Полн. собр. закон. т. XXVII. № 20765.

[2]) Эти школы перечислены въ „Полн. Собр. Закон“. т. XXVII. № 21089.

стыряхъ астрономическія наблюденія. Предложеніе Чацкаго было принято, но осуществилось не вполнѣ. Жизни проекта мѣшали консерватизмъ и непривычность къ такимъ дѣламъ католическаго духовенства.

Не довольствуясь виленскимъ университетомъ, Чацкій задумалъ открыть общеобразовательную гимназію въ Кременцѣ.

Онъ не привыкъ долго думать... Съ подписнымъ листомъ въ рукахъ явился Чацкій на очередное дворянское собраніе (1803 г.), взошелъ на каѳедру и сказалъ талантливую рѣчь о проектѣ гимназіи въ Кременцѣ. „Паденіе ойчизны, говорилъ Чацкій, не повлекло еще за собою упадка доблести и наукъ", гимназія въ Кременцѣ необходима „dla ocalenia droższego dziedzictwa—mowy rodaków".

Своимъ предложеніемъ онъ привелъ въ восторгъ земляковъ. Послѣ рѣчи никто не сомнѣвался въ необходимости гимназіи—и дѣло рѣшилось. Проектъ Чацкаго былъ одобренъ.

Затѣмъ Чацкій спѣшитъ въ Луцкъ на съѣздъ польско-католическаго духовенства, созванный по его же предложенію 20 октября 1803 года, и по дорогѣ заготовляетъ новую рѣчь. Ораторъ и здѣсь съумѣлъ подѣйствовать своимъ словомъ на собраніе. Лучшимъ доказательствомъ вліянія рѣчей Чацкаго служитъ фактъ замѣчательной отзывчивости на предложеніе. Пожертвованія давались щедрой рукой. Въ самомъ непродолжительномъ времени пожертвованіями польскаго дворянства и духовенства была сложена сумма въ 415720 польскихъ злотыхъ. 10000 злотыхъ изъ этой суммы были пожертвованы русскими базиліанскими монастырями и болѣе 14000 князьями: Чарторыйскими, Яблоновскими, Любецкими, Воронецкими.

Такимъ образомъ, двѣ талантливо сказанныя рѣчи рѣшили дѣло въ пользу Чацкаго безъ всякихъ коммиссій, обсужденій, предписаній, обыкновенно неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ.

На этомъ же съѣздѣ былъ принятъ другой проектъ Чацкаго объ открытіи „парафіальныхъ школокъ" при польскихъ костелахъ. Луцкое духовенство дало письменное обязательство непремѣнно имѣть при костелахъ школу для элементарнаго обученія. Доминиканцы обѣщали содержать школы въ Лети-

чевѣ, Тывровѣ, Мурафѣ, Тульчинѣ (трехкласная повѣтовая школа), Сокольцѣ, Солобковцахъ и Шаравкѣ. Такое же обѣщаніе дали и другіе католическіе ордены подольской епархіи: браиловскіе антитринитаріи, купинскіе кармелиты, ярмолинскіе и яновскіе бернардины. Сумма содержанія школъ не была, впрочемъ, точно обозначена. Въ каменецъ-подольской епархіи на ихъ содержаніе былъ установленъ (въ 1804 г.) общій сборъ десятой части всѣхъ ксендзовскихъ доходовъ, давшій единовременный годичный сборъ въ 10,958 червонныхъ злотыхъ. Пожертвованія другихъ епархій представляли почти такія же суммы.

Благодаря такимъ денежнымъ средствамъ, Чацкій въ непродолжительное время своей дѣятельности открылъ 126 начальныхъ школъ (85 въ волынской губерніи, 26 въ подольской и 15 въ кіевской) и восемь уѣздныхъ училищъ въ мѣстечкахъ югозападнаго края: Владиміръ-Волынскѣ, Домбровицѣ, Любари, Бердичевѣ, Овручѣ, Житомирѣ, Барѣ, Винницѣ [1]). Даже еврейскіе кагалы были привлечены Чацкимъ къ жертвамъ въ пользу широко начавшагося просвѣтительнаго движенія. Любарскій, овручскій и барскій кагалы пожертвовали, по предложенію Чацкаго, на уѣздныя училища 900 злотыхъ. Всѣ эти училища, какъ въ организаціи учебныхъ силъ, такъ и въ направленіи преподаванія, носили польскій патріотическій характеръ. Въ этомъ и заключалось ихъ отличіе отъ училищъ прежняго времени, имѣвшихъ только клерикально-католическое направленіе [2]). „Прежнія училища въ западныхъ губерніяхъ, говоритъ Іосифъ Сѣмашко, имѣли болѣе римское религіозное, нежели польское патріотическое направленіе и занимались болѣе изученіемъ латинскаго, нежели польскаго языка. Чарторыйскій, руководимый извѣстнымъ Чацкимъ, преобразовалъ прежнія училища и за-

---

[1]) Въ „Волыни“ Петрова и Малышевскаго прибавлены къ вышеозначеннымъ училищамъ еще три—въ Межиричѣ, Клевани и Луцкѣ (стр. 258).

[2]) Уставъ народныхъ школъ въ западномъ краѣ въ царствованіе Александра I см. въ „Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. 1 т. 430—431 стр. и 444.

велъ множество новыхъ, въ которыхъ всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ"... Проэктъ начальныхъ народныхъ училищъ, открытыхъ Чацкимъ, утвержденъ въ 1809 году [1]).

V.

10 октября [2]) 1805 года въ присутствіи волынскаго губернатора, князя Волконскаго, двухъ католическихъ бискуповъ и всей почти польской знати была торжественно открыта Кременецкая гимназія—„колонія Виленскаго университета", какъ остроумно выразился одинъ изъ русскихъ историковъ [3]). Величественное изящное зданіе смѣшанной архитектуры, построенное въ долинѣ Авратынскихъ горъ производитъ даже и теперь сильное впечатлѣніе величавости. Въ то время оно было еще красивѣе и величественнѣе.

Четыре рѣчи говорилось при открытіи Кременецкой гимназіи. Графъ Александръ Ходкевичъ ораторствовалъ отъ имени дворянства края. Янъ Вилежинскій—отъ имени Виленскаго университета. Янъ Лернетъ—отъ имени варшавскаго общества любителей наукъ. Послѣ всѣхъ появился на трибунѣ Чацкій—виновникъ торжества. Много слышало польское общество рѣчей Чацкаго, но такой блестящей и эффектной ему еще не довелось слышать. Говорятъ, что публика была положительно экзальтирована рѣчью Чацкаго и восторгъ слушателей превзошелъ предѣлы этикета, положеннаго оффиціальнымъ торжествамъ. Въ этой рѣчи талантливый ораторъ превзошелъ самого

[1]) Какъ высоко было поднято, благодаря стараніямъ мѣстныхъ польскихъ дѣятелей, образованіе въ виленскомъ учебномъ округѣ, можно судить по слѣдующимъ приблизительнымъ, сравнительнымъ статистическимъ даннымъ 1808 года. Виленскій округъ, заключавшій въ себѣ 8 губерній, въ своихъ 6 гимназіяхъ имѣлъ 1305 учениковъ, а въ 54 уѣздныхъ училищахъ 7422; тогда какъ московскій учебный округъ, состоявшій изъ 10 губерній, имѣлъ при 10 гимназіяхъ только 447 учениковъ и при 44 уѣздныхъ училищахъ 2356; харьковскій округъ (11 губерній) при 8 гимназіяхъ имѣлъ 477 учениковъ и въ 18 уѣздныхъ училищахъ 1747 учен. („Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи" Е. Шмида. Спб. 1878 г. стр. 59).

[2]) Въ замѣткѣ Кулжинскаго „Ѳ. Чацкій и Кременецкій лицей" днемъ открытія лицея ошибочно названо 1 октября.

[3]) М. О. Коялович.

себя. „Читая вашу рѣчь,—писалъ графъ Завадовскій, министръ народнаго просвѣщенія („умная хохлацкая голова", какъ называли его современники), которому Чацкій послалъ копію рѣчи,—я такъ наслаждался, какъ наслаждались древніе греки, слушая Геродота, читавшаго имъ свою исторію. Тѣмъ, которые утверждаютъ, будто природа, утомленная созданіемъ великихъ геніевъ, теперь уже отдыхаетъ, я могу указать на геній Чацкаго, который на польскомъ парнасѣ воскрешаетъ музъ, умершихъ въ Аттикѣ".

Основавъ лицей, Чацкій приложилъ все свое стараніе для его благоустройства. Для него, какъ бы, не существовало преградъ. Дѣло, начатое имъ, не стояло на полъ-пути. Онъ мало зналъ неудачъ въ дѣятельности своей. Препятствія только раздражали, но не охлаждали его. Новый лицей нуждался въ библіотекѣ и научныхъ средствахъ. Чацкій съумѣлъ возбудить широкую благотворительность въ пользу научныхъ средствъ гимназіи. Интеллигентный, состоятельный классъ общества былъ привлеченъ имъ къ жертвамъ для устройства гимназіи. Со всѣхъ сторонъ стекались въ Кременецъ денежныя и книжныя богатства. Многіе спѣшили быть признательными Чацкому за его энергическую просвѣтительную дѣятельность и жертвовали, что могли. Самъ Чацкій пожертвовалъ гимназіи всю свою библіотеку. Онъ не щадилъ средствъ для благоустройства своего дѣтища. Огромная библіотека короля Станислава Августа была имъ куплена за 7500 червонныхъ злотыхъ и пожертвована въ кременецкую библіотеку. Не смотря на то, что основанная гимназія была притономъ польскаго сепаратизма и открыто служила польскимъ интересамъ края, Чацкій не стѣснялся просить у императора Александра субсидій на содержаніе гимназіи. Гуманный и снисходительный императоръ отдалъ въ пользу гимназіи доходы съ цѣлаго Кременецкаго староства. Согласно Высочайшему указу 1803 года 13 октября, доходы этого староства (принадлежавшаго князю Сангушко, въ то время умершему) назначались на содержаніе училищныхъ, филантропическихъ и хозяйственныхъ заведеній, учрежденныхъ при волынской гимназіи.

Уставъ волынской гимназіи вчернѣ былъ составленъ тремя учеными поляками: Игнатіемъ Потоцкимъ, Гуго Колонтаемъ и Яномъ Снядецкимъ. Чацкій самъ разсмотрѣлъ составленный уставъ, датировалъ его окончательную форму и послалъ на Высочайшее утвержденіе. Уставъ былъ утвержденъ 29 іюля 1805 года. Десятилѣтній курсъ ученія въ Кременецкой гимназіи былъ раздѣленъ между четырьмя годичными отдѣленіями для малолѣтнихъ и тремя двухгодичными курсами для взрослыхъ. Русская литература и русскій языкъ занимали по уставу второе мѣсто. Главное мѣсто отводилось польскимъ наукамъ. Въ низшихъ классахъ преподавались элементарныя гимназическія науки. Въ высшихъ были обязательными: математика, топографическое черченіе, физика, естественная исторія, химія, всеобщая исторія, естественное, гражданское и народное право, политическая экономія, литература польская, россійская, греческая, латинская, французская и нѣмецкая. При гимназіи преподавались также гимнастика и искусство фехтованія.

15 іюля 1806 года, на заключительномъ торжественномъ актѣ, по окончаніи перваго учебнаго года, Чацкій говорилъ рѣчь. Въ этой, по обыкновенію, торжественной и восторженной рѣчи, обращаясь къ присутствовавшему на собраніи архибискупу Цецишевскому, Чацкій сказалъ, между прочимъ: „Благослови это училище. Наши покорныя сердца Творецъ приметъ въ жертву чрезъ твои святыя руки. Это твое дѣло, которымъ ты нынѣ утѣшаешься. Будь увѣренъ, что мы желаемъ этому училищу существовать только до тѣхъ поръ, пока оно будетъ украшаться религіей и добродѣтелью. Пусть оно превратится въ развалины, ежели запятнаетъ себя преступленіемъ!“

Въ 1809 году (по Вѣнскому трактату) Варшавское герцогство увеличилось присоединеніемъ къ нему значительной части земель, отошедшихъ прежде къ Австріи. Въ томъ же году Кременецкая гимназія, подъ вліяніемъ широкихъ политическихъ надеждъ поляковъ, была переименована въ лицей.

Лицеисты, дворянская молодежь, съѣхавшіеся въ Кременецъ для образованія, въ часы отдыха скучали. Глухой, еврейскій, грязный городокъ не могъ доставить ни средствъ для бла-

городныхъ развлеченій, ни соотвѣтствующаго общества. Чацкій, не задумывавшійся надъ препятствіями, предложилъ польскимъ достаточнымъ помѣщикамъ поселиться въ Кременцѣ съ своими семействами, среди которыхъ ученики имѣли бы возможность проводить свободное отъ занятій время. Нѣкоторые отозвались на предложеніе и завели свои дома на боковыхъ „семинарскихъ“ улицахъ. Одна изъ этихъ улицъ и въ настоящее время носитъ названіе „дворянской“. Боковыя загородныя улицы и до сихъ поръ имѣютъ чистенькіе, опрятные дома, тогда какъ главная кременецкая, узкая улица, по недоразумѣнію называемая „широкою“, украшена скученными еврейскими домами пребезобразной архитектуры.

Какъ лицей, такъ и открытыя народныя школы, постепенно расширявшіяся по количеству учениковъ, нуждались въ средствахъ своего существованія. Постояннаго источника доходовъ парафіальныя школы не имѣли. Пожертвованія на нихъ дворянства были неопредѣленны и не могли служить вѣрнымъ фондомъ ихъ содержанія. Обстоятельства и въ данномъ случаѣ помогли Чацкому.

Еще въ 1775 году, до окончательныхъ раздѣловъ Польши, по предложенію Чацкаго, принятому сеймомъ, рѣшено было всѣ оставшіяся послѣ изгнанія іезуитовъ имѣнія обратить въ источникъ доходовъ для содержанія народныхъ училищъ въ краѣ. Училищная коммиссія, такъ называемая „эдукаціонная“, организованная 21 декабря 1807 года въ Кременцѣ для управленія дѣлами поіезуитскихъ имѣній въ югозападныхъ губерніяхъ, не столько управляла, сколько запутала дѣла управленія.

Чацкій съ обычной своей энергіей и настойчивостью взялся за дѣла коммиссіи, самъ вызвался быть президентомъ ея и въ нѣсколько засѣданій распуталъ затянувшіяся дѣла. Изъ процентовъ и доходовъ съ бывшихъ іезуитскихъ имѣній онъ съумѣлъ составить крупный капиталъ въ 2.350,000 золотыхъ [1]) въ пользу училищъ.

---

[1]) На наши деньги 350,000 рублей.

Располагая такими крупными средствами, Чацкій не стѣснялся въ проведеніи своихъ дальнѣйшихъ проектовъ. Онъ расширилъ кругъ преподаваемыхъ предметовъ въ лицеѣ, устроилъ въ 1807 году при лицеѣ двѣ школы практической механики, школу землемѣровъ—геометровъ, отвелъ помѣщенія такъ называемаго „малаго“ корпуса подъ типографію Гликсберга. Весь малый корпусъ—трехъэтажное зданіе—былъ заваленъ книгами. Въ угловыхъ башняхъ лицея были устроены приспособленія для астрономическихъ наблюденій. Телескопы, подзорныя трубы—были выписаны лучшія по тому времени. За лицейскими зданіями во всю длину холма, на которомъ стояло зданіе, былъ разведенъ прекрасный ботаническій садъ съ обширными теплицами. Болѣе 5,000 экземпляровъ растеній, выписанныхъ изъ различныхъ частей свѣта, росло въ саду и хранилось въ этихъ теплицахъ. Впослѣдствіи число рѣдкихъ растеній дошло до 12,000. Передъ лицеемъ, между фассадомъ главнаго корпуса и боковыми крыльями высокихъ корпусовъ, былъ разбитъ небольшой палисадникъ съ пирамидальными тополями. Почва для палисадника искуственно поднята и заключена въ каменную стѣну. Помостъ предъ лицеемъ и широкія наружныя лѣстницы выложены мѣстнымъ камнемъ—булыжникомъ. Неутомимый прожектеръ хотѣлъ еще открыть манежъ для обученія верховой ѣздѣ и хирургическое отдѣленіе для обученія акушеровъ, но не успѣлъ...

VI.

Когда волынскій лицей былъ болѣе или менѣе устроенъ, Чацкій принялся за разработку и осуществленіе проекта открытія польской гимназіи въ Кіевѣ. Какъ и при открытіи волынскаго лицея, Чацкій дѣйствовалъ самъ лично, поспѣвая во-время вездѣ, гдѣ требовалось его присутствіе. Онъ возбудилъ кіевское дворянство къ пожертвованіямъ и въ скоромъ времени 462,000 рублей были въ его распоряженіи для осуществленія задуманнаго дѣла (дворянство собрало по 1 рублю съ каждой ревизской души).

30 января 1812 года въ Кіевѣ, въ Липкахъ открылась кіевская гимназія для дворянъ. Ея первымъ директоромъ былъ ex-іезуитъ Мышковскій. Какъ и при открытіи волынской гимназіи, Чацкій удивилъ собраніе польско-русской аристократіи своею блестящею рѣчью. По замѣчанію Адама Чарторыйскаго „Чацкій съ рѣдкою ловкостью изложилъ свои мысли въ такомъ необычайномъ порядкѣ, что побѣдоносною силою своего ума пробился сквозь великія трудности".

Чацкій отличался рѣдкимъ даромъ слова. Когда онъ говорилъ, его мысли текли ровно, спокойно, логично и выливались въ неподражаемыя по своему изяществу и пѳосу формы. Это не былъ площадной крикунъ, какъ многіе изъ его соотечественниковъ въ то время. Это былъ благородный, дѣловитый ораторъ съ рѣдкимъ талантомъ рѣчи. Его слова. дѣйствовали неотразимо. По поводу пребыванія смертныхъ останковъ графа Румянцева Задунайскаго и князя Константина Острожскаго въ одной церкви печерской лавры, Чацкій въ неподдѣльномъ ораторскомъ пѳосѣ восклицалъ:

— „Воскуряйте ѳиміамъ обѣимъ тѣнямъ! Въ пространствѣ вѣковъ великіе люди сохраняютъ между собою братство. Они уже предъ престоломъ Предвѣчнаго. Онъ—Господь всѣхъ людей. Каждый мужественный защитникъ, каждый доблестный поборникъ своего отечества имѣетъ свою заслугу предъ Его правосудіемъ. Природа... сглаживаетъ силою времени всѣ могилы—эти памятники несчастныхъ несогласій. Старайтесь поставить и украсить алтарь мира и единенія" и т. д.

Среди такихъ высокопарныхъ, эффектныхъ мыслей Чацкій умѣлъ очень политично вставить: „пусть всѣ славяне прославляютъ Александра I"... и высказаться à propos за единство Руси. Онъ угождалъ, такимъ образомъ, и полякамъ, и русскимъ. Неудивительно, что „силою своего ума онъ пробился сквозь великія трудности"...

Политическія обстоятельства и направленія внутренней русской политики въ то время вполнѣ благопріятствовали просвѣтительной свободной дѣятельности польскихъ иниціаторовъ. Еще при Павлѣ I въ бѣлорусскихъ литовскихъ провинціяхъ

началась реакція обрусѣнію, положенному радикальными распоряженіями Екатерины II. При Александрѣ I эта реакція, по словамъ митрополита Сѣмашко, превратилась въ рѣшительно враждебное направленіе къ Россіи. „Подъ русскимъ владычествомъ, писалъ Францискъ Дмоховскій Гуго Колонтаю, тоже устроявшему учебныя заведенія въ югозападной Россіи, намъ открываются самые благопріятные виды... Безъ польскаго языка нельзя распространять образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли императора Александра таковы, что онѣ позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое бы то ни было правительство".

Полонизмъ, благодаря энергичнымъ затѣямъ Чацкаго, значительно оживился. Польскій языкъ постепенно освобождается отъ тяготившей его латыни и схоластики и получаетъ въ школахъ первенствующее значеніе. Лицейское образованіе въ рукахъ опытныхъ, понимавшихъ задачи своей дѣятельности, педагоговъ, отрѣшилось отъ іезутски-схоластическихъ формъ и приняло живое направленіе, соотвѣтствовавшее практическимъ цѣлямъ полонофиловъ. Лучшіе польскіе писатели новѣйшей литературы явились въ эпоху упадка польской политической самостоятельности. Этнографическая литература оживилась. Изъ профессоровъ Кременецкаго лицея извѣстны своими научными трудами: филологъ Алоизій Осинскій, составившій „словарь польскихъ писателей" и „словарь польскаго языка", драматургъ Алоизій Фоминскій, романистъ Іосифъ Корженевскій, математикъ Чехъ, ботаники Бессеръ и Андржеевскій и др.

Все было бы хорошо, если бы польскіе горячіе дѣятели въ родѣ Чацкаго, подъ предлогомъ этнографическаго самостоятельнаго развитія, не преслѣдовали тайныхъ цѣлей политическаго сепаратизма. Какъ и слѣдовало ожидать, стремленіе къ автономіи, начавшееся въ предѣлахъ сочувствія этнографическому интересу страны, постепенно разрослось и, подъ вліяніемъ общенароднаго возбужденія, вызваннаго раздѣлами Польши, перешло въ политическія стремленія. Въ это именно время національные польскіе патріоты пришли къ безотрадному позднему сознанію величія своей бѣдной Польши, которой небо от-

казало въ одномъ дарѣ—добрыхъ сосѣдяхъ (Сырокомля Кондратовичъ)". Поздно оглядѣлись „панове!"... Время политической силы Польши прошло. Національное польское пробужденіе начала нашего столѣтія показало только, что Польша могла бы жить, но не умѣла... Главная ошибка всей дѣятельности Чацкаго заключалась въ томъ, что онъ слѣпо вѣрилъ въ политическую жизнь Польши. Онъ лучше зналъ историческое прошлое Польши, чѣмъ современное положеніе вещей. Его историческому полету воображенія недоставало трезваго пониманія современной международной политики. Кременецкій лидей, олицетворившій въ себѣ попытку искусственнаго политическаго самовозбужденія подъ видомъ скромныхъ научно-образовательныхъ цѣлей, былъ грандіознымъ надгробнымъ памятникомъ политической Польши. Чацкій, произнося эффектныя рѣчи при его открытіи, едва-ли предвидѣлъ, что его слова будутъ прощальной лебединой пѣснью „милой ойчизнѣ". Ни ботаника, ставившая своею цѣлью изученіе только мѣстной флоры, ни польская исторія, проходившаяся въ лицеѣ для поддержанія патріотизма, не могли уже пробудить „Рѣчи Посполитой". Обученіе лицеистовъ рыцарскому фехтованію и верховой ѣздѣ и самое положеніе лицея близъ границы хорошо говорили сами за себя, и только русское правительство глядѣло на всѣ затѣи Чацкаго снисходительно, считая ихъ какъ бы дѣтскими и безвредными Государь Императоръ награждалъ даже польско-католическихъ дѣятелей за ихъ просвѣтительную дѣятельность. Каноникъ Трещевскій, за пожертвованные имъ 130 рублей въ пользу одного приходскаго училища, былъ пожалованъ отъ Александра I брилліантовымъ перстнемъ (въ 1810 году); ксендзъ Рупейко въ Шадовѣ за устройство начальной приходской школы награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени.

Самъ Чацкій заслужилъ со стороны русскаго правительства благодарность за свою народно-просвѣтительную дѣятельность. Пользуясь симпатіей къ себѣ со стороны нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, Чацкій подалъ въ государственный совѣтъ просьбу о вознагражденіи за убытки, понесенные имъ при секвестрѣ имѣній. Хитрой политикой и, должно

быть, не безъ протекціи Чарторыйскаго, онъ добился того, что государственный совѣтъ не только призналъ его просьбу законной, но увидѣлъ въ его дѣятельности такія заслуги, за которыя онъ достоинъ высшей награды. „Совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, нашелъ, что Чацкій, дѣйствительно, въ секвестрѣ его имѣнія потерпѣлъ весьма важныя убытки и что возвращеніе части его имѣнія всей потерѣ его несоразмѣрно; что со времени присоединенія Польши къ Россіи онъ былъ вскорѣ употребленъ въ разборѣ дѣлъ упавшихъ банковъ, а потомъ опредѣленъ по части учебной, гдѣ, по засвидѣтельствованію министра просвѣщенія, оказалъ многіе опыты отличнаго усердія, дѣятельности и знаній и содѣйствовалъ особеннымъ образомъ успѣху ввѣренныхъ ему заведеній. По симъ уваженіямъ совѣтъ считаетъ, что онъ заслуживаетъ всемилостивѣйшаго вниманія и соразмѣрно уже заслугамъ его возмездія". Большинсто министровъ совѣта согласилось съ мнѣніемъ совѣта. Только министръ коммерціи, графъ Николай Румянцевъ, выступилъ съ своимъ мнѣніемъ, въ которомъ, не считая политическую благонамѣренность Чацкаго вполнѣ доказанною, говорилъ, что платить Чацкому изъ казны 552000 рублей за имѣніе, взятое правосудіемъ своего времени, неосновательно, „ибо гдѣ указать такія суммы, писалъ графъ, изъ которыхъ можно было бы отдѣлить болѣе полумилліона рублей? И какъ безмѣрны должны быть тѣ суммы, когда, удовлетворивъ одного, поощряли бы тѣмъ примѣромъ къ подобнымъ исканіямъ и другихъ, могущихъ себя почитать въ равномъ оскорбленіи?" См. Арх. Госуд. Совѣта т. III Спб. 1878 года стр. 184—191.

Такое снисходительно-поощрительное отношеніе русскаго правительства къ Чацкому обусловливалось, съ одной стороны, либеральными началами, лежавшими въ основаніи внутренней политики Россіи въ первую половину царствованія Александра I, а съ другой—личнымъ симпатичнымъ характеромъ Чацкаго. При болѣе „бдительномъ начальствѣ" Чацкому не избѣжать бы участи „политическихъ неблагонамѣренныхъ"... Полонофильская политическая агитація Чацкаго въ ущербъ русскихъ интересовъ въ

краѣ не подлежитъ сомнѣнію, хотя документально и не раскрыта еще до сихъ поръ.

Генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ видѣлъ всѣ замыслы Чацкаго глазами русскаго строгаго политика. По его настоянію Чацкій былъ даже выселенъ на нѣкоторое время въ Харьковъ. Но не таковъ былъ Ѳаддей Чацкій, чтобы согласился жить въ Харьковѣ. Личными происками и протекціей онъ получилъ разрѣшеніе вернуться обратно въ Кременецъ. Нѣкоторые болѣе дальновидные люди совѣтовали ему для безопасности изъять нѣкоторые предметы изъ програмы лицейскаго кременецкаго образованія, напримѣръ—фехтованіе, верховую ѣзду. Но Чацкій и слушать ничего не хотѣлъ.

Много, много разныхъ проектовъ по учебному вѣдомству носилось въ горячей головѣ польскаго „агитатора“. Быть можетъ, не одну гимназію онъ еще открылъ бы, если бы не ранняя сравнительно смерть его самаго.

Онъ умеръ 48 лѣтъ отъ роду, въ полномъ расцвѣтѣ энергіи, отъ напряженной неутомимой дѣятельности. Постоянная работа мысли, нервное возбужденіе истощили его и онъ въ 48 лѣтъ казался старикомъ, какъ объ этомъ можно заключать по его портретамъ. Литературныя произведенія Чацкаго носятъ преимущественно историко-юридическій и бытовой характеръ. Изъ нихъ отдѣльно изданы:

1) „Obraz panowania Zygmunta Augusta“.

2) „O litewskich i polskich prawach“. Три изданія: первое въ 1800—1801 г. (Варшава), второе—1843 (Познань) и третье 1861 (Краковъ).

3) „Rosprawa o żydach“. Два изданія: первое—1807 г. (Вильно), второе—1860 (Краковъ).

4) „Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich“ 1807 г. (Вильно)

5) „O prawach mazowieckich“ изд. въ Кременцѣ.

Въ 1843—1845 гг. изслѣдованія Чацкаго вышли тремя томами подъ общимъ заглавіемъ: „Dzieła zebrane“. Познань. Первый и второй томы заключаютъ изслѣдованія по литовско-польскимъ вопросамъ, третій—разныя разсужденія по общественно-экономическимъ и политическимъ вопросамъ.

VII.

Болѣе двадцати лѣтъ кременецкій лицей служилъ разсадникомъ польскаго просвѣщенія въ югозападномъ русскомъ краѣ. Нужно было крупное, изъ ряда выходящее обстоятельство, чтобы русское правительство взглянуло построже на постепенно разроставшійся полонофилизмъ.

Такимъ именно событіемъ, положившимъ конецъ дѣлу Чацкаго, было польское возстаніе 1830—1831 г. Это востаніе, какъ извѣстно, имѣло для поляковъ рѣшительныя, печальныя послѣдствія. Можно сказать, что Польша пала не въ эпоху раздѣловъ, послѣ которой поляки могли еще кое-какъ политически существовать, а послѣ 1830—1831 годовъ, когда ихъ мечты о независимости и о порабощеніи южной и западной Руси были окончательно подавлены военнымъ правомъ сильнаго.

Въ возстаніи приняли участіе многіе изъ учениковъ кременецкаго лицея. Разсказываютъ, что въ механической кузницѣ, устроенной въ помѣщеніяхъ бывшаго православнаго кременецкаго монастыря, готовилось оружіе для бунтовщиковъ.

Въ 1832 году лицей былъ закрытъ. Профессоры лицея разошлись по гимназіямъ. Часть ихъ поступила въ кіевскій университетъ. Типографія Гликсберга уничтожена. Зданія лицея были проданы министерствомъ народнаго просвѣщенія духовному вѣдомству за 200,000 рублей. Въ нихъ въ настоящее время помѣщается волынская духовная семинарія.

Долголѣтнее пребываніе духовной семинаріи въ лицейскихъ кременецкихъ зданіяхъ отразилось самымъ печальнымъ образомъ на положеніи послѣднихъ. Зданія запущены и нуждаются для своей поддержки въ капитальномъ ремонтѣ. Стѣны потемнѣли, штукатурка осыпается, карнизы съ каждымъ годомъ отваливаются. Высокія обсерваціонныя башни особенно много потерпѣли отъ времени: почернѣли и во многихъ мѣстахъ дали трещины. Изъ башенныхъ оконъ и амбразуръ не глядятъ болѣе астрономическія трубы... Внутри ихъ спокойно вьютъ свои гнѣзда галки и совы. Величественный, громадный храмъ съ грандіозными колонами внутри и замѣчательно красивыми сво-

дами, карнизами, носитъ уже признаки близкаго разрушенія. Каменные помосты съ каждымъ годомъ портятся. Въ нѣкогда очень изящномъ, симметричномъ палисадникѣ складывается по угламъ муссоръ. Обширный ботаническій садъ запущенъ и содержится крайне небрежно. Стѣны сада—разваливаются, сторожевки пустуютъ, цвѣтники поросли травой. Фруктовыя деревья, вслѣдствіе недостатка ухода, портятся и дичаютъ. Оранжерея среди сада, хранившая нѣкогда благоухающую флору края, въ настоящее время хранитъ нечистоты, недопускающія къ себѣ человѣка съ здоровымъ обоняніемъ. Sic transit...

Іезуитскій коллегіумъ... кременецкій лицей... духовная семинарія—всѣ это рѣзкіе, отчетливые періоды въ быстромъ и разнохарактерномъ движеніи просвѣщенія на Волыни настоящаго столѣтія. Это цѣлыя эпохи въ миніатюрѣ.

Въ послѣднее время довольно настойчиво поговариваютъ о переводѣ волынской семинаріи изъ Кременца въ Житомиръ... Говорятъ, что кременецкія зданія перейдутъ въ военное вѣдомство... Существуетъ также мнѣніе, что въ нихъ будутъ помѣщены два духовныя уѣздныя училища...

Всѣ можетъ быть.

Можетъ быть и то, скажемъ мы съ своей стороны, что въ ожиданіи рѣшенія своей дальнѣйшей судьбы зданія разрушатся и запустѣютъ. И на томъ мѣстѣ, гдѣ кипѣла впродолженіи столѣтія столь разнообразная и богатая по своему характеру просвѣтительная работа—воцарится разрушеніе. Предположеніе возможное, если примемъ во вниманіе, что основательный ремонтъ зданій потребуетъ громадной суммы. А нашъ практическій вѣкъ едва ли можетъ дать средства на поддержку какого-то Кременецкаго Олимпа...

Невольно пожалѣешь, что люди, вродѣ Ѳаддея Чацкаго, рѣдки, и что Южная Русь, по крайней мѣрѣ теперь, не богата ими. На ихъ долю должна была бы пасть забота о приведеніи въ порядокъ и Кременецкаго Олимпа, но только не ради возстановленія въ южнорусскомъ краѣ культуры польской, а напротивъ—ради нахожденія собственной, національной.

Ѳ. Кудринскій.

Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Н. В. о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ.

Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я въ декабрьской книжкѣ «Кіев. Стар.» за прошлый годъ любопытную замѣтку г. Н. В. о нашихъ историческихъ архивахъ. Она затрогиваетъ вопросъ, которымъ очень живо интересуются многіе изслѣдователи южнорусскаго старинnаго быта въ различныхъ уголкахъ нашей родины. Да и можно ли оставаться равнодушнымъ, когда дѣло идетъ о практической раціональной организаціи архивнаго дѣла не только у насъ на югѣ, но и во всей Россіи? Само собою разумѣется, что и уважаемый г. Н. В. не смотрѣлъ на свою замѣтку, какъ на окончательное рѣшеніе вопроса: онъ хотѣлъ, очевидно, только возбудить вниманіе къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомить въ общихъ чертахъ читателей съ тѣмъ взглядомъ, который сложился лично у него на это дѣло. Это даетъ мнѣ смѣлость выступить здѣсь съ нѣкоторыми замѣчаніями какъ по поводу общихъ взглядовъ автора, такъ и по поводу частныхъ его заключеній. При томъ г. Н. В. допускаетъ одну *серьезную* неточность относительно харьковскаго историческаго архива, который находится въ моемъ вѣдѣніи—и на мнѣ лежитъ обязанность высказаться по поводу ея.

Исходя изъ того положенія, что децентрализація архивнаго дѣла въ Россіи, въ видѣ такъ называемыхъ губернскихъ ученыхъ архивовъ и архивныхъ коммиссій, сложилась *на практикѣ* не вполнѣ удовлетворительно, г. Н. В. отрицаетъ даже самую пользу такой *мелкой* децентрализаціи; онъ говоритъ, что губернскія архивныя коммиссіи ограничиваются въ своей дѣятельности только сохраненіемъ памятниковъ, но не направляютъ ее на ученую разработку ихъ (стр. 454). Цѣлый рядъ соображеній (стр. 454—455) заставляетъ г. Н. В.

«высказаться противъ мелкой децентрализаціи архивовъ». Мнѣ лично доводы г. Н. В. показались неубѣдительными. Разберемъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. «Никакая серьезная работа, говоритъ г. Н. В., въ глуши невозможна» (стр. 454). Это сказано слишкомъ категорически—нѣкоторые серьезные труды были написаны да и теперь пишутся именно въ глуши, въ провинціи, а *мѣстныя* историко-географическія, археологическія и этнографическія изслѣдованія только и возможны на мѣстѣ. П. С. Ефименко долго и серьезно работалъ въ глуши (въ архангельской губ.); въ *вятской* глуши теперь *серьезно* работаетъ г. Спицынъ (въ области мѣстной исторіи и археологіи); М. Евгеній, Второвъ и Александровъ Дольникъ, Де Пуле, г. Вейнбергъ *серьезно* разыскивали и разрабатывали историческіе акты Воронежскаго края въ Воронежѣ. Не мало было полезныхъ труженниковъ, возсоздававшихъ намъ исторію своего края по мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ, и на Дону (вспомнимъ хотя бы Сенюткина, Савельева). А неужели извѣстныхъ Мельникова и А. С. Гацисскаго нельзя назвать *серьезными* работниками на полѣ нижегородской археографіи? А. г. Шишонко, издавшій *Пермскую* лѣтопись по архивнымъ матеріаламъ и мѣстнымъ лѣтописямъ? А. г. Визевскій, написавшій солидное сочиненіе о Неплюевѣ и оренбургскомъ краѣ? А Словцовъ, собравшій матеріалы для своего «Историческаго обозрѣнія Сибири» въ сибирской же глуши, въ г. Тобольскѣ? Обращаясь къ южнорусскому краю, нельзя не вспомнить съ благодарностью всѣмъ хорошо извѣстныя имена гг. Короленка, Фелицына, Щербины, работавшихъ въ *Екатеринодарѣ*, арх. Филарета, А. М. Лазаревскаго, А. И. Ханенка, П. С. Ефименка, трудившихся въ *Черниговѣ*, В. И. Пероговскаго, занимавшагося изслѣдованіями Волыни, Арендаренка, много работавшаго—въ Полтавѣ и издавшаго извѣстныя «Записки о полтавской губ.». Число такихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить; мы привели только нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе характерные. Ихъ во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточно, чтобы ограничить слишкомъ рѣзкое и не вполнѣ справедливое сужденіе г. Н. В. Въ глуши работать трудно, но возможно, въ особенности по мѣстной исторіи, о которой и идетъ главнымъ образомъ рѣчь; возможна и обработка архивныхъ данныхъ, и изданіе ихъ. Да это и понятно. Едва ли кто нибудь теперь можетъ возражать противъ областнаго способа разработки русской исторіи; а такой способъ выдвигаетъ на очень видное мѣсто и мѣстные матеріалы, и мѣстныя изслѣдованія, и мѣстныхъ изслѣдователей старины. Конечно, для *полной* исторіи

извѣстной территоріи невозможно ограничиваться исключительно мѣстными матеріалами: нужно заглянуть и въ центры—Москву и Петербургъ; иногда даже (какъ это показываетъ примѣръ проф. Перетятковича и Буцинскаго) можно написать областную монографію исключительно по матеріаламъ центральныхъ хранилищъ. Но разработка *отдѣльныхъ* сторонъ мѣстной исторической жизни осуществима и въ провинціи; безъ такихъ трудовъ и появленіе полной всесторонней исторіи той или иной области окажется невозможнымъ или по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительнымъ.

Нельзя согласиться также и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность губернскихъ архивныхъ коммиссій не направлялась на ученую разработку архивныхъ матеріаловъ. Примѣръ И. И. Дубасова далеко не исключительный. Кто слѣдилъ за дѣятельностью архивныхъ коммиссій, тому извѣстно, что онѣ въ предѣлахъ своихъ скромныхъ средствъ работаютъ довольно энергично и при томъ въ различныхъ направленіяхъ—собираютъ архивные документы, составляютъ библіотеки и музеи съ археологическими и нумизматическими коллекціями, издаютъ изслѣдованія и матеріалы. Неужели не заслуживаетъ полной признательности, ученая дѣятельность правителя дѣлъ таврической архивной коммиссіи г. Лашкова, издавшаго цѣлый рядъ любопытныхъ памятниковъ и изслѣдованій по исторіи Крыма? Не менѣе энергично работаетъ недавно возникшая саратовская архивная коммиссія, въ составѣ которой мы находимъ такихъ серьезныхъ знатоковъ мѣстной исторіи, какъ Ѳ. Ѳ. Чекалинъ (недавно выпустившій соч. «Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в.) и А. Н. Минхъ. Нельзя также обвинить въ бездѣятельности рязанскую и костромскую архивныя коммиссіи. За тѣмъ не слѣдуетъ игнорировать того обстоятельства, что архивныя коммиссіи только начали открываться съ 1884 г.; нѣкоторыя изъ нихъ возникли въ самое послѣднее время; поэтому нельзя произносить окончательнаго приговора объ ихъ дѣятельности только на основаніи того, что онѣ сдѣлали: въ будущемъ онѣ сдѣлаютъ еще больше. «Только съ изданіемъ матеріаловъ мѣстныхъ архивовъ, говоритъ проф. В. С. Иконниковъ, выяснятся многія стороны нашего общественнаго быта, черты нравовъ разныхъ классовъ общества, религіозныхъ явленій народной жизни, характеръ административнаго управленія ближайшаго къ намъ времени». Уже по изданнымъ матеріаламъ можно судить о неосновательности мнѣнія относительно мягкости бывшаго вотчиннаго режима, о важности религіозныхъ движеній и т. п. вопросовъ. Важ-

ность мѣстныхъ архивовъ для исторіи этихъ вопросовъ со всею ясностью выступаетъ въ извѣстномъ трудѣ Н. С. Соколова «Расколъ въ саратовскомъ краѣ, т. 1-й. Поповщина до 50 хъ годовъ настоящаго столѣтія». (Губ. ученая архив. ком. 1884—1890, стр. 34). Можно и даже должно, конечно, критически относиться къ дѣятельности нынѣшнихъ архивныхъ коммиссій; отъ этого только выиграетъ само дѣло. Можно, напримѣръ, думать какъ это дѣлаетъ проф. В. С. Иконниковъ, что едва ли полезно совмѣщать въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ историческія и археологическія задачи. Мы лично полагаемъ, что напрасно коммиссіи желаютъ изъ своихъ изданій сдѣлать не то сборники, не то журналы разнообразнаго, пестраго содержанія; почему бы вмѣсто множества тоненькихъ, тощихъ брошюръ не выпускать разъ въ годъ одного тома трудовъ и матеріаловъ, гдѣ бы смѣси отведено было соотвѣтственное ей второстепенное мѣсто, между тѣмъ какъ теперь обращаютъ особенное вниманіе на отдѣльные документы болѣе или менѣе исключительнаго содержанія; высказывалась надежда, такимъ образомъ, привлечь къ изданію вниманіе мѣстныхъ читателей; но это соображеніе едва ли основательно: нужно преслѣдовать исключительно научныя цѣли и отдавать предпочтеніе серіямъ документовъ, обрисовывающихъ намъ какую нибудь сторону жизни, передъ тѣмъ, что имѣетъ интересъ раритета, курьеза.

Тѣмъ не менѣе въ общемъ, повторяемъ, архивныя коммиссіи сдѣлали уже теперь такъ много, что можно желать только дальнѣйшаго развитія ихъ дѣятельности. Уже однимъ сохраненіемъ отъ гибели многихъ тысячъ документовъ онѣ пріобрѣли себѣ право на общую признательность всѣхъ любителей отечественной старины. Г. *Н.В.* находитъ очень вредною разбросанность губернскихъ архивовъ и предпочитаетъ ей исключительное сосредоточеніе архивныхъ бумагъ въ столицахъ, «такъ какъ если человѣку часто невозможно бываетъ поѣхать въ столичный городъ, то ужъ разъѣзжать по губернскимъ городамъ и рыться въ тамошнихъ архивахъ ему и думать нечего» (стр. 455). На это замѣтимъ прежде всего, что въ столицахъ и безъ того сосредоточено огромное количество документовъ, относящихся къ различнымъ губерніямъ Европ. и Азіатской Россіи; въ особенности это нужно сказать относительно московскаго архива мин. юстиціи, куда поступили старыя дѣла упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ; значитъ, едва ли можно допустить необходимость ученаго путешествія по губ. городамъ; матеріалы же, сосредоточенные въ губ. архивахъ, издаютъ и разрабатываютъ не пріѣзжіе ученые, а мѣстные скромные труженники,

которые безъ этого, б. м., и вовсе должны были бы отказаться отъ удовольствія заниматься отечественной стариной. Правда, губернскіе архивы въ настоящее время не особенно обезпечены отъ пожаровъ, и на эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Но не слѣдуетъ забывать, что все таки и эти помѣщенія спасли то, что безъ этого было бы обречено на гибель; а о пожарахъ губ. архивовъ мы, слава Богу, пока еще не читали.

Мы разобрали всѣ соображенія г. Н. В., заставившія его высказаться противъ губ. архивовъ и архивныхъ коммиссій, и не признали ихъ убѣдительными. Теперь обратимся къ его предложенію объ устройствѣ, взамѣнъ губернскихъ, областныхъ архивовъ. Такіе архивы должны существовать въ Казани, Томскѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Дерптѣ, Оренбургѣ и Ташкентѣ. Мы думаемъ, что такіе *областные* архивы дѣйствительно въ высшей степени желательны, но они нисколько не мѣшаютъ и не будутъ мѣшать губернскимъ архивамъ. По нашему мнѣнію, въ виду огромнаго пространства Россіи, необходимы и столичные, и областные, и губернскіе архивы; одни будутъ дополнять дѣятельность другихъ. Къ сожалѣнію едва ли можно надѣяться на скорое открытіе во всѣхъ этихъ пунктахъ архиво-хранилищъ: финансовое положеніе нашихъ министерствъ довольно затруднительно, а разсчитывать исключительно на мѣстныя средства невозможно. Вполнѣ обезпечено теперь существованіе только трехъ центральныхъ архивовъ: кіевскаго, виленскаго и витебскаго. Было бы крайне желательно, чтобы новые областные архивы (на подобіе центральныхъ) были по крайней мѣрѣ открыты въ университетскихъ городахъ—при университетахъ. И этого возможно достичь только однимъ средствомъ, о которомъ мнѣ приходилось говорить уже много разъ—*введеніемъ ученыхъ архивовъ въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университетовъ*. Въ особенности это нужно сказать относительно тѣхъ пунктовъ, гдѣ имѣются уже въ натурѣ значительные архивы. Тутъ получаются иногда даже странныя аномаліи. При харьковскомъ университетѣ, напримѣръ, состоитъ весьма значительный историческій архивъ, въ составъ котораго вошли старые документы *трехъ* губерній—харьковской, черниговской и полтавской (въ томъ числѣ и знаменитый архивъ малороссійской коллегіи, перевезенный изъ Чернигова); и что же? Онъ не введенъ въ штатъ, не имѣетъ устава и вообще находится въ болѣе неопредѣленномъ положеніи, чѣмъ всѣ губернскіе архивы. Нѣсколько разъ возбуждалось ходатайство о введеніи его въ штатъ учебно-вспомогательныхъ

учрежденій университета, на подобіе музея древностей и изящныхъ искусствъ, но пока безуспѣшно. Въ Одессѣ также, насколько намъ извѣстно, возбуждалось ходатайство объ учрежденіи архива, но и оно, повидимому, успѣха не имѣло. Спрашивается, можно ли и удобно ли оставлять въ неопредѣленномъ состояніи, безъ правилъ, правъ и обязанностей, уже *существующее* учрежденіе, которое было создано путемъ общественной иниціативы и на которое положена была масса труда? Покойнаго директора Археологическаго института И. Е. Андреевскаго сильно озабочивалъ этотъ вопросъ, и было бы желательно, чтобы и нынѣшняя администрація Археологическаго института поставила его на очередь, (хотя бы тогда, когда будутъ пересматриваться штаты учебно-вспомогательныхъ учрежденій университетовъ). Но при образованіи новыхъ областныхъ архивовъ не слѣдуетъ руководствоваться исключительно теоретическими соображеніями, — нужно исходить изъ живой дѣйствительности. Тамъ, гдѣ есть зерно, можетъ вырости и цѣлое дерево; и потому прежде всего нужно прійти на помощь существующимъ архивамъ, а потомъ уже создавать новые. Легко на основаніи одной теоріи распредѣлять матеріалъ по архивамъ и по извѣстнымъ районамъ—къ Одессѣ приписать Новороссію, къ Харькову—б. Слободскую украйну (хотя и тутъ могутъ быть еще споры—куда тяготѣетъ та или иная губернія); но на практикѣ явится цѣлая масса затрудненій, подчасъ совершенно непреодолимыхъ. Самъ г. Н. В. сознается, что не только трудно, но даже *невозможно* разбить матеріалъ на группы такъ, чтобы одна тою или иною стороною не входила въ другую (стр. 456). Но есть и еще одинъ элементъ въ этомъ дѣлѣ, который совершенно игнорируетъ г. Н. В.,—это право и справедливость. Цѣлые десятки лѣтъ, напримѣръ, архивъ малороссійской коллегіи оставался въ Черниговѣ, постепенно сокращаясь отъ расхищенія и дѣйствія стихій (см. объ этомъ ст. Н. С. Ефименка «Архивъ Малорос. кол. при харьк. у—ѣ» въ Кіев. Стар. 1882, январь); положеніе его не измѣнилось къ лучшему и тогда, когда въ Кіевѣ былъ учрежденъ центральный архивъ и временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ; предсѣдатель этой послѣдней, Судіенко, сильно интересовавшійся дѣлами черниговскаго коллежскаго архива и извлекшій изъ него 2 тома «матеріаловъ отеч. исторіи», оставилъ архивъ малорос. коллегіи на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи и свои заботы о немъ только ограничилъ передачей нѣкоторыхъ дѣлъ въ кіев. археогр. коммиссію. И такъ дѣло продолжалось до 1879 года, когда по предложенію Н. С. Ефименка, харьк. истори-

ко-фил. общество возбудило ходатайство о передачѣ этого архива харьковскому университету; въ томъ же 1879 г. Архивъ былъ переведенъ въ Харьковъ П. С. Ефименкомъ, лично принявшимъ его въ Черниговѣ и конвоировавшимъ дѣла до ближайшей желѣзнодорожной станціи. Средства на перевозку архива ассигновалъ университетъ и историко-филологическое общество. Съ той поры, вотъ уже 13 й годъ архивъ малорос. коллегіи находится въ Харьковѣ. На разборку и приведеніе въ порядокъ его дѣлъ затрачена масса даровaго и платнаго труда. Достаточно замѣтить, что дѣла были переданы *безъ всякой описи* и эту послѣднюю пришлось составлять вновь. Между тѣтъ количество всѣхъ занесенныхъ въ реестръ номеровъ документовъ достигло почтенной цифры 30,818. Составленіе этого каталога потребовало десятка лѣтъ систематическаго труда. Университетъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ ассигнуетъ въ послѣдніе годы по 500 р. на вознагражденіе архиваріусу. Благодаря передачѣ дѣлъ архива малороссійской коллегіи, Харьковъ сосредоточилъ у себя мало по малу болѣе важные архивные матеріалы трехъ губерній. По моему предложенію былъ переведенъ изъ Полтавы архивъ старыхъ дѣлъ полтав. губ. правленія, составляющій *органическую* часть архива малорос. коллегіи. Въ томъ же архивѣ губернскаго правленія я открылъ часть Румянцовской описи Малороссіи, о нахожденіи которой тамъ дотолѣ никто не вѣдалъ. И мнѣ кажется, что я имѣлъ нравственное право направить ее изъ канцелярскаго заточенія туда, гдѣ ею могутъ пользоваться всѣ желающіе. Открывъ ея мѣстонахожденіе, я немедленно же сообщилъ краткія свѣдѣнія о ея составѣ ученымъ, собравшимся на археологическій съѣздъ въ Одессу (рефератъ этотъ былъ потомъ напечатанъ въ Трудахъ съѣзда). Наконецъ, старыя дѣла, относящіяся къ харьковской губ., б. Слободской Украйнѣ, составили особое харьковское отдѣленіе нашего историческаго архива. Архивъ продолжаетъ расти и теперь путемъ поступленія новыхъ бумагъ отъ лицъ и учрежденій. Г. Н. В. *могъ* почерпнуть всѣ сообщаемыя мною здѣсь данныя о харьк. историческомъ архивѣ хотя бы изъ того указателя литературы предмета, который помѣщенъ въ «Опытѣ рус. исторіографіи» проф. В. С. Иконникова; но онъ предпочитаетъ отозваться невѣдѣніемъ, почему архивъ малорос. коллегіи попалъ въ Харьковъ, и къ этому прибавляетъ еще одно замѣчаніе, которое слишкомъ важно, что бы его можно было бросать вскользь, мимоходомъ и *безъ всякихъ доказательствъ*. Архивъ черниговскаго губернскаго правленія, говоритъ г. Н. В. перевезенъ *почему то* въ Харьковъ, «гдѣ имъ *серьезно*

никто не занимается и заниматься не будетъ» (стр. 458). Мы видѣли, *почему* и при какихъ обстоятельствахъ черниговскій архивъ былъ перевезенъ въ Харьковъ; мы видѣли, что въ Харьковѣ усердно занимались разборкою его бумагъ. Мало того, не смотря на неблагопріятныя внѣшнія условія для работы (разумѣемъ тѣсноту помѣщенія) многія лица извлекали и продолжаютъ извлекать изъ него матеріалы для своихъ ученыхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ. Свѣдѣнія объ этихъ работахъ г. Н. В. могъ бы получить изъ годичныхъ отчетовъ Харьковскаго историко филологическаго общества, печатавшихся прежде въ Харьковскомъ календарѣ, а потомъ въ «Сборникѣ» общества. Да и помимо того о нихъ можно было составить себѣ нѣкоторое понятіе, прочитывая внимательно «Кіевскую Старину», гдѣ по большей части и печатались статьи, основанныя на документахъ нашего архива. Я напомню г. Н. В. о нѣкоторыхъ изъ этихъ статей. Архиваріусами архива состояли три лица—А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай и М. М. Плохинскій (послѣдній занимаетъ эту должность и въ настоящее время). 1-й напечаталъ въ «Кіев. Старинѣ» старый Скельскій монастырь (1886, X, 392—398), эпизодъ изъ предсмертной борьбы Запорожья (ibidem, XII, стр. 749—756) и «наслѣдственное полковничество» (ib. 1887, V); 2-й—о полтавскомъ архивѣ (въ Хар. Губ. Вѣд.) и нѣсколько замѣтокъ въ «Кіев. Стар». и Сборникѣ харьк. ист. фил. общ. (Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ к. XVII в. О Конституентахъ); онъ же началъ трудиться надъ обширной монографіей по исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи, (по даннымъ архива малорос. кол.), но къ сожалѣнію обстоятельства заставили его уѣхать изъ Харькова и прервать работу, которая несомнѣнно выполнена была бы весьма удовлетворительно (начало этой работы помѣщено въ 4-мъ томѣ «Сборника» харьк. ист. фил. общ.). М. М. Плохинскій задумалъ также обширный трудъ, всецѣло основанный на матеріалахъ нашего архива, «Объ иностранцахъ въ Малороссіи»; одна глава изъ этого труда (О цыганахъ въ Малороссіи) уже напечатана (въ «Этнограф. Обозрѣніи»), другая (о грузинкахъ въ Малороссіи) печатается въ 5-мъ томѣ «Сборника харьк. ист. фил. общ.»; въ 3-мъ томѣ «Сборника» напечатана обширная статья того же автора «О бобровникахъ и стрѣльцахъ въ лѣвобережной Украйнѣ» (съ приложеніемъ многихъ документовъ) и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Завѣдующему архивомъ (мнѣ) принадлежатъ слѣдующія работы, въ основу которыхъ положены документы архива малорос. коллегіи: 1) Замѣтка объ архивѣ малорос. коллегіи (въ кіев. Унив. изв. 1882, сент.), и Мысли объ устройствѣ

историческаго архива при харьк. унив. (въ Вѣст. археол.), 2) Рецензія, составленная по порученію Академіи Наукъ на извѣстный трудъ А. М. Лазаревскаго «Описаніе Старой Малороссіи»; въ эту рецензію внесено значительное количество матеріала изъ архива малор. коллегіи; 3) составляется обширное изслѣдованіе «О магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи», которое главнымъ образомъ будетъ основано на документахъ нашего архива, какъ въ этомъ можно убѣдиться по двумъ главамъ его, напечатаннымъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. (за 1892 годъ). Изъ постороннихъ лицъ, работавшихъ въ архивѣ малорос. коллегіи, отмѣтимъ прежде всего П. С. и А. Я. Ефименокъ; Петръ Савичъ Е. напечаталъ въ «Кіев. Ст». замѣтки: «Одинъ изъ протестовавшихъ» (1882, III, 602—608), «Школа для обученія пѣвчихъ» (Ib. 1883, V, стр. 169—174), «Упыри» (Ib. VI, стр. 371—379), «Околдованіе начальства» (Ib. 1886, V, стр. 175—178), «Рудни въ Сѣверщинѣ» (Ib. 1888, IV, стр. 52—63), Александрѣ Яковлевнѣ Ефименко принадлежатъ слѣдующія статьи: 1) О конныхъ судахъ, (Ib. 1885, X.), 2) О Полуботкѣ и 3) «Турбаевская катастрофа» (К. Стар. 1891, III, стр. 373—401); затѣмъ, во время пребыванія своего въ Харьковѣ не мало работалъ въ архивѣ малорос. коллегіи И. В. Теличенко, напечатавшій на основаніи его монографію «Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права», (Кіев. Стар. 1888, сентябрь и октябрь), статью объ архивѣ (Ib. 1889, II), и нѣсколько замѣтокъ въ той же «Кіев. Стар». («Къ исторіи финансовъ малорос. и слоб. укр»., 1888, IV, Универсалъ гетмана Разумовскаго, 1890, IV) и въ Хар. Губ. Вѣд. (О наборѣ пѣвчихъ въ Малор. и др.), въ настоящее время также энергично трудится Д. П. Миллеръ надъ обширнымъ изслѣдованіемъ «О гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ въ Малороссіи к. XVIII вѣка»; ему же принадлежитъ извѣстная читателямъ «Кіев. Старины» статья «Голштинскіе наборы въ Малороссіи» (1892, сентябрь, стр. 293—312) и нѣсколько замѣтокъ по исторіи Малороссіи въ газетѣ «Южный Край». Ел. Петр. Радакова почти въ теченіе двухъ лѣтъ посѣщала нашъ архивъ и извлекала матеріалы по внутренней исторіи козачества въ лѣвобережной Украйнѣ; первый опытъ ея архивныхъ трудовъ напечатанъ въ «К. Старинѣ»—Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора (1891, VI, стр. 458—468); другая статья «Командировки малорос. козаковъ къ Ладожскому каналу» была давно уже отправлена въ одинъ изъ южныхъ сборниковъ, который къ сожалѣнію не вышелъ въ свѣтъ; она также скоро появится въ печати. Г-жа Лобко напечатала за-

мѣтку объ уравненіи мѣръ и вѣса въ Малороссіи (Кіев. Стар. 1889 VII, 232—239). Сверхъ того, пользовались дѣлами архива малор. коллегіи—Д. И. Эварницкій, Н. Ѳ. Сумцовъ, П. П. Короленко, г. Лилеевъ, а также В. И. Савва, работающій теперь надъ изслѣдованіемъ о промышленности въ лѣвобережной Малороссіи.

Но почему же г. Н. В. утверждаетъ, что архивомъ малорос. кол. никто въ Харьковѣ серьезно не занимается? Онъ самъ на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, не даетъ никакого отвѣта; онъ просто утверждаетъ, но ничѣмъ не доказываетъ этого, и потому намъ остается сдѣлать два предположенія—или г. Н. В. *не зналъ* о перечисленныхъ нами трудахъ, основанныхъ на документахъ харьк. архива, или зналъ о нихъ, но все таки не считалъ ихъ достаточно серьезными. Мы бы, конечно, предпочли первую догадку... Но весьма возможно, что г. Н. В. дѣйствительно не считаетъ достаточно серьезными ни всѣхъ перечисленныхъ нами трудовъ въ ихъ совокупности, ни каждаго изъ нихъ взятаго въ порознь. Какъ бы то ни было, въ ожиданіи соотвѣтствующаго разъясненія и мы повременимъ съ оцѣнкою ихъ научнаго значенія и предоставимъ рѣшеніе этого вопроса читателямъ «Кіев. Старины», знакомымъ съ большею частью этихъ работъ. Но г. Н. В. долженъ, по нашему мнѣнію, отказаться отъ своего *предсказанія*, что и впредь дѣлами архива малорос. въ Харьковѣ *никто серьезно заниматься не будетъ*. На чемъ основываетъ г. Н. В. свой несимистическій взглядъ на судьбу харьк. ист. архива? Зачѣмъ ему смущать насъ своими мрачными мыслями? Быть можетъ, мы сдѣлали гораздо меньше, чѣмъ нужно; но мы возлагаемъ надежды на будущее и думаемъ, что, съ улучшеніемъ условій существованія нашего архива, увеличится и число работниковъ. До настоящаго времени харьковскій архивъ во всякомъ случаѣ уже создалъ нѣсколькихъ молодыхъ дѣятелей—имена ихъ мы привели выше—и это служитъ ручательствомъ, что такіе же работники не оскудѣютъ въ будущемъ.

Д. И. Багалѣй.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О происхожденіи слова „колеивщина“. Гайдамацкое движеніе 1768 г. носитъ, какъ извѣстно, спеціальное названіе «колеивщина». Значеніе слова гайдамачина объяснено удовлетворительно еще со времени появленія перваго изданія книги Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ» (1845 г.) [1]); терминъ же колеивщина не разъясненъ и до настоящаго времени. Одни производятъ это слово отъ *коль*, другіе отъ *колоть*, третьи отъ *collega*; различное производство отражается и на правописаніи этого слова: одни пишутъ *колеивщина*, другіе—*колійвщина*. Цѣль настоящей замѣтки—предложить новое объясненіе, повидимому, болѣе соотвѣтствующее понятію, выражаемому словомъ, а также и его этимологіи.

Изслѣдованіями, появившимися послѣ книги Скальковскаго (М. А. Максимовича, В. Б. Антоновича, Я. Н. Шульгина), вполнѣ установлено, что гайдамачина представляетъ не что иное, какъ видоизмѣненное подъ вліяніемъ новыхъ условій козачество, т. е. своеобразную военно демократическую организацію, цѣлью которой была борьба за вѣру и народность. Подобная организація народныхъ силъ составляетъ характерное явленіе всей южно-русской исторіи, бывшее результатомъ мѣстныхъ условій географическихъ, этнографическихъ и политическихъ. Первыми представителями этой организаціи, по мнѣнію компетентныхъ изслѣдователей южно-русской старины (И. И. Срезневскій, П. В. Голубовскій, И. А. Житецкій) являются *бродники*, упоминаемые въ лѣтописяхъ еще въ періодъ до-татарскій. Послѣ татарскаго нашествія въ южно русскихъ степяхъ являются *козаки*; впрочемъ, названіе *козакъ* могло появиться и раньше, такъ какъ это слово

[1]) Точную этимологію этого слова см. въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича (Арх. Ю.-З. Р., часть 3-я, томъ III, предисловіе стр. 10—11).

половецкое, означающее «стражъ, передовой, ночной и дневной» [1]). Упорная борьба козаковъ съ сосѣдями кончилась, какъ извѣстно, во второй половинѣ XVII ст. раздѣленіемъ Украины на правобережную и лѣвобережную, при чемъ козачество сохранилось въ видѣ сильной, но утратившей свой первоначальный характеръ, организаціи только въ Украинѣ лѣвобережной; въ правобережной же имя козаковъ *почти* исчезаетъ (въ другомъ мѣстѣ мы постараемся доказать, что и здѣсь оно не исчезло вполнѣ). Но потребности народа даютъ себя знать по прежнему, и старое козачество возрождается въ формѣ *гайдамацкихъ* возстаній. Замѣтимъ еще, что слово гайдамакъ (какъ и козакъ) не мѣстнаго происхожденія, а заимствовано отъ одного изъ тѣхъ народовъ, съ которыми вели борьбу гайдамаки, и по значенію аналогично старинному термину *бродникъ*.

Одно изъ гайдамацкихъ возстаній получило особое названіе—*колеивщина*. Что же можетъ означать это слово и какого оно можетъ быть происхожденія? Мы думаемъ, что слово это по значенію *должно быть* близко къ одному изъ приведенныхъ выше терминовъ, а по происхожденію *можетъ быть* или самобытнымъ, или заимствованнымъ отъ одного изъ тѣхъ народовъ, съ которыми вели борьбу гайдамаки; притомъ, если это слово заимствованное, то оно можетъ быть взято скорѣе всего изъ польскаго языка, такъ какъ примѣняется спеціально къ самому обширному возстанію гайдамаковъ противъ польскаго правительства. Мы думаемъ, что оно происходитъ отъ польскаго слова *kolej*—очередь. Въ современныхъ актахъ (второй половины XVIII вѣка) слово это употребляется для обозначенія очередной стражи. Такъ, въ инвентарѣ староства Таборовскаго 1789 г. [2]) сказано: «Szlachta z całego starostwa Taborowskiego residencyą do zamku Taborowskiego W-go Starosty *w koley* odbywać po iednemu maią, y z listami gdzie interess wypadnie bez żadney sprzeczki y dania nadgrody iechać są obowiązani; na co zwierchność znaczki na odbytą *koley* niedalcy iak do Żytomierza dawać ma». Въ инвентарѣ добръ Журобинцы 1765 г. сказано: «Stroz roczny powinien bydz od gromady postanowiony na usługę dworskę, lub bez *koley* maią odbywać w nienaięciu stroza» Изъ этихъ примѣровъ видно, что во второй половинѣ XVIII в. на Украинѣ и шляхта, и подданные отбывали различныя сторожевыя повинности *w koley*—по очереди, при чемъ были цѣлые

[1]) П. В. Голубовскій. Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Стр. 211.

[2]) К. Ц. Архива кн. № 121, л. 573—575.

разряды такихъ очередныхъ стражей, приписанныхъ къ извѣстной территоріи. Такая организація военной стражи вполнѣ соотвѣтствовала козацкимъ привычкамъ населенія и, при первомъ толчкѣ, легко могла обратиться противъ польскаго правительства. Такимъ толчкомъ и служили «наѣзды гайдамакъ». Гайдамаки составляли бродячій элементъ южно-русскаго населенія, наиболѣе приближавшійся по своему характеру къ козакамъ запорожскимъ, съ которыми они всегда и были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; *«колеи»* были люди осѣдлые и соотвѣтствовали прежнимъ городовымъ козакамъ, тоже, какъ извѣстно, охотно откликавшимся на запорожскія возстанія.

Итакъ, терминъ *«колеивщина»* происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ слова *колея—очередь, въ смыслѣ очередной вооруженной стражи*, и является какъ-бы синонимомъ слова *«козачество»*.

Косвеннымъ подтвержденіемъ такого объясненія представляется намъ, во 1 хъ, тотъ фактъ, что терминъ колеивщина примѣняется только къ возстанію 1768 г., въ которомъ наибольшее впечатлѣніе произвела «Уманская рѣзня» (возстаніе мѣстныхъ надворныхъ козаковъ), и во 2 хъ, соотвѣтствіе этому производству польскаго термина—Koleszczyzna.

В. Щербина.

Къ родословію Алексѣя Петровича Стороженка. Благодаря любезности г. конотопскаго уѣзднаго предводителя дворянства К. Ѳ. Кулябки, мы имѣли возможность ознакомиться съ дѣломъ конотопской дворянской опеки 1783—85 гг. объ опредѣленіи опекуновъ къ дѣтямъ бунчуковаго товарища Даніила Григорьевича Стороженка, дѣда извѣстнаго малорусскаго писателя Алексѣя (Олексы) Петровича Стороженка, вслѣдствіе чего можно точно опредѣлить личный составъ той отрасли рода дворянъ Стороженковъ, изъ которой происходилъ нашъ писатель.

Начнемъ съ «мужа знаменитаго», Григорія Андреевича, члена коммиссіи для составленія свода малороссійскихъ законовъ («книгъ правныхъ»), портретъ и біографія котораго были помѣщены въ «Кіевской Старинѣ» за 1890 годъ; онъ приходится Алексѣю Петровичу прадѣдомъ.

У Григорія Андреевича, женатаго на вдовѣ бунчуковаго товарища Якима Ѳедоровича Кулябки, Евдокіи Андреевнѣ, урожденной Лизогубъ, было 4 сына: Степанъ, Андрей, Даніилъ и Петръ. Средній

сынъ, бунчуковый товарищъ Данило Григорьевичъ, жилъ въ слободѣ Лисогорѣ, нынѣ въ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, и имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Павла (род. 1766 г.), Петра (род. 1769 г.), Анну и Екатерину. Старшаго сына своего, Павла, Данило Григорьевичъ помѣстилъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, который онъ и окончилъ успѣшно, будучи выпущенъ поручикомъ, а меньшаго, Петра, по достиженіи имъ тринадцатилѣтняго возраста, записалъ регистраторомъ въ канцелярію графа Румянцева.

По обычаю тѣхъ временъ, Данило Григорьевичъ имѣлъ несчастье затѣять нѣсколько процессовъ со своими родственниками: со вдовой старшаго брата своего, Степана Григорьевича, Маріей, и его двумя сыновьями, Михайломъ и Иваномъ, и съ единоутробными своими братомъ и сестрой—бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Якимовичемъ Кулябкой и его родной сестрой, Ириной, бывшей замужемъ за нѣжинскимъ полковымъ судьей Василіемъ Кулаковскимъ, съ первыми—изъ-за злоупотребленія яко-бы Степаномъ Григорьевичемъ опекунскими правами, въ бытность его впродолженіе шестнадцати лѣтъ опекуномъ надъ своими малолѣтними братьями, съ послѣдними—изъ-за неправильнаго де раздѣла имущества, оставшагося имъ послѣ смерти ихъ общей матери, Евдокіи Андреевны Лизогубовны.

Въ 1783 году Данило Григорьевичъ умеръ, не приведши вчатыхъ исковъ къ благополучному окончанію. Вдова его Екатерина Ѳедоровна, дѣвическая фамилія которой намъ не извѣстна, хотѣла продолжать ихъ производство, но различныя судебныя инстанціи потребовали отъ нея прежде всего письменныхъ доказательствъ, что ея покойный мужъ поручилъ ей завѣдываньe оставшимся послѣ него имуществомъ и веденіе предъявленныхъ имъ исковъ, каковыхъ она не могла представить, ограничиваясь лишь заявленіемъ, что покойный мужъ препоручилъ ей все это словесно; тогда борзенская дворянская опека стала пріискивать опекуна, но довольно неудачно, такъ какъ всѣ, кому предлагали опеку, отказывались по разнымъ причинамъ; наконецъ, опекуномъ былъ назначенъ Дмитрій Григоровичъ, родственникъ по Кулябкамъ, бунчуковый товарищъ. Между тѣмъ Екатерина Ѳедоровна все просила различныя инстанціи, чтобы не назначали опекуна изъ постороннихъ лицъ въ виду того, что старшій сынъ ея, Павелъ Даниловичъ, скоро кончаетъ корпусъ и достигаетъ совершеннолѣтія, но хлопоты ея не увѣнчались успѣхомъ и она умерла 19 мая 1785 г., оставивши трехъ малолѣтнихъ сиротъ на произволъ чужихъ людей. Съѣхавшіеся въ Лисогоръ на похороны,

родственники, бунчуковый товарищъ Григорій Андреевичъ Стороженко, предводитель дворянства прилуцкаго уѣзда Василій Яковлевичъ Тарновскій и корнетъ Василій Андреевичъ Кулябка, поручили завѣдываніе всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ сиротъ польскому шляхтичу Ивану Сочинскому, а сироты подали заявленіе на имя борзенскаго предводителя дворянства, полковника Петра Ивановича Забѣлы, о назначеніи опекуномъ надъ ними достигшаго уже совершеннолѣтія старшаго брата ихъ, Павла, имѣющаго въ скоромъ времени окончить корпусъ. Борзенская дворянская опека, хотя сама-же отставила Григоровича отъ опеки, вслѣдствіе достиженія Павломъ Даниловичемъ совершеннолѣтія, но не обратила вниманія на это заявленіе и стала вновь пріискивать опекуновъ. Надворный совѣтникъ Василій Васильевичъ Кочубей (с. Кунашевка) и надворный совѣтникъ Михайло Михайловичъ Стороженко (с. Ржавецъ), которымъ было предложено взять на себя опеку, отказались, и едва нашелся охотникъ въ лицѣ ротмистра Михаила Васильевича Чеснока. Но сироты никакъ не могли помириться съ такимъ распоряженіемъ борзенской опеки и продолжали просить о назначеніи опекуномъ старшаго брата Павла; наконецъ, ихъ воплямъ вняла палата гражданскаго суда черниговскаго намѣстничества и прислала выговоръ борзенской дворянской опекѣ, что она назначаетъ чужое лицо опекуномъ, когда есть законный опекунъ, въ лицѣ совершеннолѣтняго Павла Даниловича, который и былъ, наконецъ, утвержденъ опекуномъ.

Во время всѣхъ этихъ передрягъ тяжебныя дѣла продолжались, не смотря на неоднократныя просьбы сиротъ о временной пріостановкѣ ихъ до утвержденія ихъ брата, Павла, опекуномъ и до выхода его изъ корпуса; а такъ какъ некому было слѣдить за общимъ направленіемъ ихъ и главное за судебными сроками, то естественно, что они кончались не въ пользу сиротъ. Процессы и своекорыстные опекуны и управляющіе значительно уменьшили отцовское наслѣдіе, такъ что, когда Павелъ и Петръ Даниловичи сдѣлались самостоятельными хозяевами, то они оказались далеко не крупными собственниками. Но все таки Петръ Даниловичъ имѣлъ на столько средствъ, чтобы дать образованіе своимъ двумъ сыновьямъ—Алексѣю и Николаю Петровичамъ, съ которыми и угасла эта отрасль рода Стороженковъ...

Николай Стороженко.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій въ роли челобитчика въ сенатъ. Помѣщаемая ниже челобитная графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго въ сенатъ является несомнѣно важнымъ вкладомъ въ исторію гадяцкой старины, но имѣетъ и общій интересъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія.

Хотя на черновикѣ челобитной, который сохранился въ Яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина, и нѣтъ даты, но изъ самаго содержанія ея видно, что она была написана и представлена въ сенатъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда графъ Разумовскій полноправно владѣлъ недавно пожалованнымъ ему гадяцкимъ замкомъ или ключемъ, не думая еще объ его продажѣ. Гадяцкій ключъ былъ пожалованъ графу Кириллу Григорьевичу въ вѣчное владѣніе въ 1764 г., а въ 1785 г. большинство входившихъ въ составъ его поселеній съ 9949 д. крестьянъ мужескаго пола и относящимися къ нимъ землями было продано имъ въ казну за 596850 р., за нимъ же осталось 2786 д. крестьянъ. Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ краткой исторіи гадяцкаго замка, разсказанной въ «Топографическомъ описаніи черниговскаго намѣстничества» Шафонскаго и дополненной г. Василенкомъ въ пятой книжкѣ «Чтеній въ обществѣ Нестора лѣтописца» новыми данными изъ найденныхъ имъ рукописныхъ матеріаловъ.

Причиной составленія жалобы въ сенатъ была попытка со стороны крестьянъ въ гадяцкомъ ключѣ высвободиться изъ крѣпостной зависимости путемъ перехода въ казаки, а со стороны представителей козачьей старшины захватить часть земель, входившихъ въ составъ гадяцкаго ключа и округлить такимъ образомъ свои земельныя владѣнія.

Графъ Разумовскій, еще будучи гетманомъ, до пожалованія ему ключа, хлопоталъ о сохраненіи его въ томъ составѣ, какъ онъ былъ во времена польскаго владѣнія, когда считался королевскимъ замкомъ. Въ своей челобитной Разумовскій говоритъ, что, «бывши гетманомъ, *онъ* (даже) *незналъ*, что будетъ ему пожалованъ замокъ гадяцкій, но имѣлъ долгъ отобрать на урядъ гетманской, по силѣ гетманскихъ рѣшительныхъ пунктовъ» все разновременно захваченное. Конечно, что распоряженія Разумовскаго въ этомъ смыслѣ встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны захватившихъ, а когда онъ получилъ гадяцкій ключъ въ свою собственность, то эти распоряженія были истолкованы своекорыстными побужденіями. Съ пожалованьемъ гадяцкаго ключа Разумовскому хищенія не прекращались, въ особен-

ности, когда Разумовскій, по увольненіи своемъ отъ гетманства, уѣзжалъ за границу, такъ что пришлось энергично браться за возвращеніе захваченнаго имущества при помощи судебныхъ инстанцій. Въ своей челобитной Разумовскій обвиняетъ въ захватахъ главнымъ образомъ представителей мѣстной козачьей старшины и при этомъ намекаетъ на происхожденіе многихъ гадяцкихъ родовъ изъ Татаръ, Евреевъ, Поляковъ, Грековъ, Волоховъ, Сербовъ и Цыганъ. Дѣйствительно, такіе роды, какъ Крыжановскіе и Бороховичи, еврейскаго происхожденія, Милорадовичи, Пламенацы и Драгомановы(?)—сербскаго, Грабянки, Галецкіе, Геевскіе и Масюки (Masiej-Masiuk)—польскаго и т. п.; быть можетъ, при дальнѣйшей разработкѣ генеалогіи гадяцкихъ дворянскихъ родовъ обнаружится принадлежность ихъ предковъ и къ прочимъ упомянутымъ Разумовскимъ національностямъ. Въ подтвержденіе правоты своихъ распоряженій и въ защиту своихъ личныхъ интересовъ, Разумовскій высказываетъ свой взглядъ на исторію малороссійскаго землевладѣнія со ссылками на Литовскій статутъ, что центральному правительству непремѣнно слѣдуетъ противодѣйствовать переходу изъ одного состоянія въ другое. Взглядъ этотъ важенъ для насъ не только потому, что принадлежитъ послѣднему малороссійскому гетману, но и потому что это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и взглядъ центральнаго правительства, вслѣдствіе чего и была пріобрѣтена въ казну въ 1785 г. большая часть гадяцкаго ключа, что бы такимъ образомъ лишить представителей мѣстнаго козачества возможности узаконить за собою давностью занятыя ими земли и тѣмъ утвердиться въ шляхетскихъ правахъ, а крестьянъ—высвободиться изъ крѣпостной зависимости и увеличить количество вольнаго козачества.

Челобитная графа К. Г. Разумовскаго

Ключъ Гадяцкой, какъ малая Россія была подъ Польшею, имѣлъ свой округъ: внутрь его границъ населены местечка, села и деревни, о чемъ есть доказательствомъ и генеральное 1730 года слѣдствіе.— Сей ключъ былъ коронной для стола королевскаго, а во время присоединенія къ Россіи, на урядъ гетманской. Гетманы учредили въ немъ 3 бывшихъ королевскихъ крестьянъ полкъ казачій и назвали его Зѣнковскимъ, наконецъ переименовали Гадяцкимъ, и сему числу людей до тысячи человѣкъ опредѣлили земли для пропитанія и содержанія къ службѣ, протчими же всѣми землями и крестьянами владѣли гетманы. Со дня Мазепы раздавали съ тѣхъ селъ монастырямъ и козачимъ чиновникамъ во временное владѣніе тѣмъ, кому

они хотѣли оказать приватное угожденіе: такову раздачу *въ универсалахъ* своихъ назвали *ко вспартью*, до возстановленія дому или экономіи, *до ласки войсковой*, пока угодно гетману. Итакъ заключаютъ оные универсалы временное владѣніе, а не вѣчнопотомственное: ибо гетманы публичнымъ обязаны правомъ давать вѣчнопотомственно недвижимыя имѣнія за отличныя услуги, оказанныя отечеству на войнѣ противъ непріятеля, атестуя въ шляхтичи, или урожденнымъ шляхтичамъ, сынамъ отечества. Но такихъ универсаловъ находится весьма мало, съ которыхъ для примѣру одинъ прилагается, на вѣчнопотомственное владѣніе урожденному шляхтичу данный, который оказалъ отличныя услуги отечеству во время шведской компаніи, бывши въ совѣтѣ и въ дѣлѣ при гетманѣ. Другой примѣръ въ сенатѣ есть при дѣлѣ, что Мазепа универсаломъ далъ монастырю Гадяцкому одно село во вѣчность, а другимъ универсаломъ другое село до исправленія токмо монастырскихъ нуждъ. Третій примѣръ, что одинъ гетманъ одно имѣніе давалъ многимъ, перемѣняя свои довременные универсалы. Въ законахъ же со стороны довременнаго владѣнія не дозволено получать *экспектативъ*, листовъ позволительныхъ, то есть, когда дано будетъ имѣніе по смерть отцу, то сынъ не имѣетъ права владѣть такъ, какъ и просить о позволительномъ листѣ, но долженъ возвратить въ коронное владѣніе, не защищаяся и земскою давностью, ибо Государеву [1]) имѣнію, равно какъ шлятетскому противъ нешляхтича нѣтъ давности [2]).

За такою временною раздачею въ поданной въ кабинетъ вѣдомости 1727 года марта 10-го поставлено наличныхъ семь городовъ и двадцать два села, въ нихъ крестьянскихъ дворовъ и бездворныхъ избъ 2951, и козачьихъ 5512, а прочее за разночинцами. Потому въ рѣшительныхъ 1728 года пунктахъ гетману Апостолу данныхъ велѣно коронныя имѣнія всѣ возвратить изъ незаконной раздачи, но не возвращены, ибо гетманъ еще и экспектативы далъ въ противность онымъ пунктамъ и правамъ.

Первый гетманъ Хмельницкій положилъ быть числу козакамъ 60000-му, а какъ по ту сторону Днѣпра, которая нынѣ подъ Польшею, большая часть была Малой Россіи, то и видно, сколь мало должно быть козаковъ на сей сторонѣ и для ихъ службы потребной

---

[1]) Раздѣла 1-го артикула 33-го § 2-й конституціи 1550-го страница 4-я, 1562-го стр. 20-я, 1588-го года генваря 30 го.

[2]) Раздѣла 3-го артикулъ 26-й.

земли: онъ обязался своими статьями учинить разборъ кому быть козакамъ, наконецъ, и другіе гетманы также обязались, но того не исполнили. Итакъ крестьяне самопроизвольно объявляли себя козаками, не взирая на оное опредѣленное число. Въ разсужденіи же законовъ такое дерзновеніе непростительно, потому что крестьяне не имѣютъ вѣчно вольности, если формально изъ крестьянства увольнены не будутъ тѣ, которые въ крестьянствѣ пребыли за многихъ королей, поелику они названы дѣдичные и отчизные. Другой родъ крестьянъ есть вольной: они названы боярами, панцырными и путными слугами, которые получили вольность отъ королей, для того что первые выбраны для пересылокъ письменныхъ, вторые и послѣдніе для охраненія домовъ управительскихъ и казны. Такихъ людей и шляхтичи у себя имѣли изъ своихъ крестьянъ, однакожъ и сей родъ людей увольненныхъ и переходящихъ оставленъ на такихъ кондиціяхъ, что безъ дозволенія своихъ господъ, къ которымъ придутъ жить, отойти не должны, а, получивши дозволеніе, должны оставить господину все нажитое и чѣмъ вспоможены, но бывши во владѣніи у одного господина десять лѣтъ должны еще и откупиться десятью рублями, ежели же побѣгутъ тайнымъ образомъ, должны будутъ судомъ опредѣлены быть уже во вѣчность и отданы какъ дѣдичные и отчизные, а столѣтное пребываніе у одного господина дѣлаетъ ихъ дѣдичами и отчичами. Равнымъ образомъ предписано и съ тѣми поступать, кои дозволятъ себя похитить, съ похитителями же обоихъ родовъ крестьянъ, какъ съ ворами, обыкновенной казни подлежащими.

Въ 1-мъ пунктѣ пунктовъ онаго перваго гетмана и особливою Высочайшею грамотою козаки, выбранные симъ гетманомъ, оставлены на такихъ правахъ, чтобы два третьяго судили естественнымъ правомъ, чтобы не отбирать у нихъ, у женъ ихъ, у дѣтей, земель, и чтобы старшинамъ ихъ получать инымъ жалованье, а полковникамъ дать по одной мельницѣ. Права оныя козачія суть тѣ, которыя даны бывшимъ запорожцамъ, ибо отъ козаковъ запорожскихъ отъ пороговъ по Чигиринъ городъ населены земли, по сю-жъ сторону Днѣпра никакихъ не было козаковъ, но они набраны токмо первымъ гетманомъ изъ крестьянъ на правахъ оныхъ запорожскихъ. Однако козаки и чиновники ихъ не шляхтичи, ибо по смерти перваго гетмана вторый Выговскій, измѣнивши Россію, трактовалъ уже съ Польшею въ бывшей Гадяцкой коммиссіи, о которой напечатано въ конституціяхъ, чтобъ съ каждого полку каждой годъ по сту человѣкъ коза-

ковъ были произведены въ шляхтичи, въ которое время нѣкоторые полковники козачіе, именно въ конституціи изображенные, и получили отъ Польши шляхетство и земли для шляхетскаго помѣстія, но сей свой трактатъ Польша уничтожила, когда козаки пришли паки подъ державу Россіи, Россія простила только ихъ дерзость и оставила на правахъ перваго гетмана. Наконецъ, гетманы пунктами своими положили уже, чтобъ о заслуженныхъ представлять Государю для пожалованія въ шляхтичи, для утвержденія деревень, которыя даны имъ отъ гетмановъ будутъ ради шляхетскаго помѣстія. Итакъ сіи пункты согласны съ правами [1]), потому что въ шляхтичи тотъ достоинъ, кто окажетъ отлично храбрыя и мужественныя дѣла на войнѣ противъ непріятеля, а въ конституціи положено, чтобы гетманъ или сенатъ въ томъ аттестовали. Первая же прерогатива шляхетская въ томъ, что кто не изъ шляхетства, не долженъ тотъ завладѣть деревнями, такъ что, какъ выше сказано [2]) и никакой давности почитаемо быть не должно. Равнымъ образомъ не долженъ завладѣть и никакой чужестранной [3]) шляхтичъ, подобныхъ не оказавъ заслугъ отечеству и формально неприсоединенъ къ сынамъ отечества, а въ противномъ случаѣ, кто донесетъ, взято должно быть на Государя и половину отдано доносителю. Положено-жъ и въ статьяхъ третьяго гетмана, чтобы никакихъ перекрестамъ [4]) и иноземцамъ не давать достоинствъ.

Но все противно тому въ замкѣ Гадяцкомъ, ибо вышедшіе изъ Татаръ, Жидовъ, крестьянъ Польскихъ, Грековъ, Волохъ, Сербовъ и Цыганъ, завладѣли коронными замку Гадяцкаго землями и крестьянами, назвали себя козаками, сдѣлалися козачьими чиновниками и присвоили себѣ прерогативу шляхетскую, поелику всѣ козаки, отступивши своихъ правъ запорожскихъ, присвоили себѣ права шляхетскія толь самовольно и толь недолжно.

Что-жъ до шляхтичей, какъ Малая Россія была подъ Польшею, то тогда-жъ и учиненъ разборъ: шляхетство и рыцарство приведены въ надлежащій списокъ, наконецъ, вновь много произведено въ шляхтичи и даны имъ помѣстія въ извѣстныхъ мѣстахъ и границахъ.

---

[1]) Раздѣла 3-го артикулъ 12-й и конституція 1601-го года на стр. 736-й подъ титуломъ о новой шляхтѣ.

[2]) Вышеупомянутый 26-й артикулъ.

[3]) Вышеупомянутаго 12-го артикула § 2-й и конституція 1601-го года на стр. 743-й.

[4]) Юрія Хмельницкаго 8-й артикулъ.

Мѣщанство и крестьянство приведено тако-жъ въ извѣстный порядокъ. О сихъ-то шляхтичахъ первый гетманъ въ 3-мъ пунктѣ своихъ пунктовъ и Государь особою-жъ Высочайшею грамотою опредѣлилъ, чтобы оставлены имъ были права и привилегіи, которые они получили отъ королей польскихъ, и суды земскіе и градскіе ихъ шляхетскіе, потому что малороссійское шляхетство присоединено было къ коронѣ Польской въ полномъ равенствѣ сыновъ отечества.

Онъ-же гетманъ положилъ при монастыряхъ быть тѣмъ правамъ и привилегіямъ, которые имъ даны отъ тѣхъ-же королей и которыми наданы имъ деревни во вѣчность; между прочими-же правами наконецъ конституціями положена со стороны шляхтичей давность 60-ти лѣтняя [1]) и запрещено, чтобы не записывать земель во всѣ монастыри, а который урядъ допуститъ совершить крѣпость, тотъ долженъ быть низложенъ, но въ противность правамъ гетманы отдали монастырю Гадяцкому деревни изъ урядныхъ гетманскихъ.

Гетманъ графъ Разумовскій приказалъ возвратить къ замку Гадяцкому отъ монастыря и отъ разночинцевъ всѣ надлежащія къ нему села и деревни, которыя розданы гетманами ненадлежаще и въ довременное владѣніе и земли, и крестьянъ, которые, какъ выше сказано, расхищены, но нѣкоторые токмо отобраны, а другіе оставлены, ибо неисполнено его повелѣніе, за отсутствіемъ его и какъ отборъ учиненъ по повелѣнію его не для его, но Государю, то и долженъ сей отборъ быть защищенъ правомъ Государевымъ, то есть упомянутыми рѣшительными пунктами.

Но при увольненіи графа отъ уряду гетманскаго, какъ пожалованы ему оныя маетности и какъ графъ былъ въ чужихъ краяхъ, расхищены и больше земли и крестьянъ, и другія угодія, такъ что ни одно мѣстечко и ни одно село не имѣетъ должнаго количества и качества.

Напротиву же того доносятъ въ сенатѣ разночинцы, что графъ взялъ больше, какъ ему пожаловано. Симъ несправедливымъ доносомъ сдѣлали ему чувствительнѣйшую обиду, ибо въ челобитьи своемъ подвели такое право, чрезъ которое думаютъ, что для графа и для его потомства Высочайшее пожалованье не будетъ дѣйствительно. А какъ оное право требуетъ учредить Государеву коммиссію, въ ко-

---

[1]) Конституціи 1633 г. на стр. 26 подъ титуломъ прискрипція и 1635 г. на стр. 12-й подъ титуломъ о давности, тогожъ 1635 г. на стр. 7-й подъ титуломъ— ординація Рѣчи посполитой.

торой изобличенъ будетъ ложной доносъ, того ради проситъ графъ и опредѣлить коммиссію, но въ сенатѣ разсмотрѣть: 1-е, что бывши онъ гетманомъ незналъ, что будетъ ему пожалованъ замокъ гадяцкой, но имѣлъ домъ отобрать на урядъ гетманской по силѣ упомянутыхъ рѣшительныхъ пунктовъ, а челобитчики ежели отборъ сей считали не по силѣ оныхъ пунктовъ, имѣли волю бить челомъ въ сенатъ, но никто не билъ челомъ, такъ что между тѣмъ и прошла давность земская десятилѣтняя уже по то число, какъ они подали въ сенатъ свою челобитную, извиняются же по незаконно, что не объявлено имъ рѣшенія, ибо отборъ учиненъ по онымъ пунктамъ, итакъ сіи пункты есть рѣшеніе, а отборъ исполненіе оныхъ, въ противность же законовъ званъ графъ и въ суда земскіе въ то время уже, какъ пожалованы ему всѣ оныя мѣстечка, села и деревни, и сей однако-жъ позывъ въ промолчаніи оной давности не извиняетъ ихъ для того, что принадлежащія въ разсмотрѣніе Государю [1]) и сенату дѣла отнесли они въ судъ земскій для одной уловки, 2-е, временную гетманскую надачу по правамъ, объ экспектативахъ, 3-е, о козакахъ тѣхъ, коихъ Хмельницкій выбралъ въ козаки и которые состоятъ въ старыхъ спискахъ, о крестьянахъ, самовольно опредѣлившихся въ козаки, и о выходцахъ изъ разныхъ народовъ, кои взяли на себя козачее имя и козачіе чины и присвоили коронныя земли и права шляхетскія, и наконецъ, 4-е, отдать ему графу всѣ, какъ Высочайше пожаловано, мѣстечка, села и деревни, принадлежащія замку гадяцкому.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома. Тѣмъ, кто много ѣздилъ по южнорусскому краю, кто съ любовью къ природѣ и болѣе или менѣе развитымъ чувствомъ изящнаго много разъ любовался живописными видами этого края, кому милы и дороги эти знакомые, родные уголки, съ которыми такъ много связано въ воспоминаніяхъ нашихъ съ раннихъ лѣтъ,—тѣмъ и въ произведеніяхъ искусства бываетъ особенно пріятно остановить свое вниманіе на художественномъ воспроизведеніи предметовъ, которые такъ много говорятъ нашему сердцу, такъ много намъ напоминаютъ. Отсюда естественнымъ образомъ вытекаетъ желаніе видѣть въ печати болѣе или менѣе удачно составленное собраніе рисунковъ или снимковъ

[1]) Роздѣла 3-го артикулъ 5-й, роздѣла 4-го артикула 3-го § 1-й и артикулы 44-й и 83-й.

наиболѣе красивыхъ и характерныхъ видовъ и типовъ нашего края, и не одному почтенному дѣятелю приходила въ голову мысль удовлетворить этому желанію изданіемъ альбома, посвященнаго художественному возпроизведенію малорусской природы и жизни. Предположенія однихъ, если не вполнѣ, то частію, были приведены въ исполненіе, предположеніямъ другихъ не суждено было осуществиться. Читателямъ «Кіевской Старины», конечно, хорошо извѣстны сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью изданія, которыя подъ названіемъ «Живописной Украйны» два раза были предпринимаемы: въ первый разъ—въ 1844 году незабвеннымъ Тарасомъ Григ. Шевченкомъ, а въ другой—въ 1861 году художникомъ Львомъ Мих. Жемчужниковымъ. Были также изданія, посвященныя видамъ нѣкоторыхъ губерній въ частности; таковы напримѣръ: альбомъ видовъ Полтавской губерніи, изданный въ приложеніи къ третьему тому «Записокъ о Полтавской губерніи» Н. Арандаренка (1852 г.),—альбомъ видовъ Кіевской губерніи академика Г. Ф. Ваничека, изданный подъ заглавіемъ: «Альбомъ живописныхъ видовъ Россіи» (вышла только 1-я тетрадь, заключающая въ себѣ 22 вида Кіевской губерніи, Москва 1859 г.). Съ меньшимъ умѣньемъ, но съ замѣчательнымъ усердіемъ, и съ интересомъ болѣе научнымъ, чѣмъ художественнымъ, срисовывалъ виды и типы Кіевской губерніи докторъ де-ля-Флизъ, объ альбомахъ котораго, не появлявшихся въ печати, были помѣщены извѣстія въ Кіевской Старинѣ [1]).

Изъ бумагъ покойнаго Николая Андреевича Маркевича оказывается, что и его занимала мысль издать малорусскій альбомъ, причемъ не только былъ выработанъ планъ изданія, но и составленъ списокъ тѣхъ видовъ, которые должны были войти въ альбомъ. Съ предполагавшимся планомъ изданія читатели могутъ ознакомиться изъ слѣдующихъ строкъ, принадлежащихъ перу почтеннаго автора «Исторіи Малороссіи»:

«Изданіе будетъ называться—*Живописные виды Малороссіи*». Видовъ снимется 120 масляными красками, съ нихъ—120 литографій. Литографіи будутъ выходить по 5 въ тетради съ текстомъ пояснительнымъ; въ годъ выйдетъ 60 литографированныхъ листовъ съ 60 листами (пояснительнаго текста).

Цѣна за билетъ 50 рублей серебромъ.

Каждый пріобрѣтатель билета получаетъ картину, писанную масляными красками, и 120 литографированныхъ видовъ съ текста-

[1]) 1889 г. № 7 и 1891 г. № 3.

ми—такимъ образомъ: каждую треть года получаютъ подписчики по 20 видовъ; по полученіи же всѣхъ 120, раздаются картины, масляными красками написанныя, на слѣдующемъ основаніи:

1. Если есть картины, представляющія виды селеній, садовъ, домовъ владѣльца, которому принадлежитъ билетъ, то онъ предпочтительно можетъ взять одну изъ таковыхъ картинъ.

2. Остальныя затѣмъ будутъ розданы по жребію между тѣми подписчиками, которые не получили еще картинъ. Жребіи будутъ вынимаемы по старшинству подписки, начиная съ того, кто раньше подписался, т. е. чей номеръ старѣе».

А вотъ и составленный Н. А. Маркевичемъ списокъ тѣхъ видовъ, которые долженствовали войти въ это изданіе:

Живописные виды Малороссіи.

I. Полтава.

1. Изъ дому Котляревскаго.
2. Изъ архіерейскаго сада.
3. Изъ Заворсклья.
4. Отъ часовни Петра Великаго.
5. Изъ городскаго сада черезъ оранжереи.
6. Изъ дому Познанскаго.
7. Площадь съ памятникомъ.
8. Съ Шведской могилы.

II. Бѣлоцерковка.

9. Съ горы во время разлива.
10. Изъ за послѣдняго моста на княжую дорогу.

III. Лубны.

11. Изъ дому Полторацкаго.
12. Изъ дому Голованева.
13. Оврагъ влѣво по спуску съ горы.
14. Видъ вправо съ первой платформы съ горы.
15. Изъ за Сулы на городъ и на монастырь.
16. Монастырь.

IV. Прилука.

17. Съ грунта Тарасевича.
18. Изъ дому Величка.

V. Густыня.

19. Съ ярмарочной площади.
20. Съ главной возвышенности по Роменской дорогѣ.

VI. Борсина и Мольки.

21. Видъ на Прилуку съ горы.

VII. Валки [1]).

22. Видъ на Густыню съ горы.

23. Внутренній видъ села и горъ у плотинки черезъ Удай.

VIII. Дорога въ Ичень изъ Прилукъ.

24. Видъ на Прилуку изъ за Половой.

25. Видъ съ дороги влѣво на Толкачовку.

IX. Высокое.

26. Видъ изъ дому Медвѣдовскаго.

X. Городня [2]).

27. Видъ на долину влѣво съ горы.

28. На село изъ за трактира Булгарова.

XI. Ряшки.

29. Съ горы по дорогѣ Калюжинской черезъ кладбище.

30. Оттуда же, съ лѣваго холма видъ направо.

XII. Дорога въ Ромны изъ Прилукъ.

31. Съ горы, выдавшейся на переволочанскую дорогу.

32. Съ долины на горы.

XIII. Охоньки.

33. Съ высшаго пункта, влѣво отъ роменской дороги взятаго.

34. Съ плотины на село.

XIV. Пручаи.

35. Дорога оврагомъ изъ Калюжинецъ.

36. Съ грунта Ив. Ант. Милорадовича.

XV. Калюжинцы.

37. Съ плотины на село.

XVI. Сокиринцы.

38. Съ горы, ведущей мимо саду.

39. Подъѣздъ къ дому.

40. Большая плуза [3]).

41. Съ нижней дорожки на ротонду, ставъ спиной къ оранжереямъ.

42. Съ полуострова на садъ.

43. Съ заворота въ паркѣ на Сокиринцы.

42. [4]) Со второго заворота на Калюжинцы.

44. Отъ деревенской церкви.

45. Съ козачьяго грунта, вправо по дорогѣ въ Васьковцы.

XVII. Васьковцы.

46. Съ горы на Рудовщину и черезъ пруды на село.

---

[1]) Очевидно—не городъ Харьковской губерніи, а село прилукскаго уѣзда, находящееся недалеко отъ Густынскаго монастыря. Н. Ш.

[2]) Тоже надо разумѣть не городъ Черниговской губерніи, который указывается ниже, а село Полтавской губерніи.

[3]) Повидимому—лужайка или поляна, расчищенное мѣсто.

[4]) Въ оригиналѣ здѣсь ошибки въ нумераціи.

47. Отъ Стригуна.
48. Отъ Чапиги.
49. Съ Роменской дороги.

XVIII. Тростянецъ.

50 На домъ и садъ съ горы по дорогѣ въ Ярошевку.

XIX. Аржавецъ.

51. Съ горы на церковь.

XX. Срѣбное.

52. Съ горы, отъ дому господскаго.
53. По дорогѣ въ Прилуку, съ плотины хуторной на Дейкановку.

XXI. Лодинъ.

54. Видъ отъ монастыря внизъ.
55. Спускъ съ горы въ Журавку и провалье.

XXII. Варва.

56. Внутри.

XXIII. Красляне.

57. Дорога нижняя по селу.
58. Видъ отъ Никол. Пил. на село.
59. Дорога изъ Крюслянъ въ Дегтяри.

XXIV. Дегтяри.

60. Съ горы Сокиринской черезъ Иванковцы.
61. Съ садоваго балкона.
62. Съ дворового балкона.
63. Дворъ съ принадлежностями, изъ крестьянскаго противоположнаго двора.

XXV. Ромны.

64. Видъ на Засулье.
65. Поворотъ въ самомъ городѣ къ дому полицмейстера.

XXVI. Гадячъ.

66. Внутри.

XXVII. Деревня Паульсона.

67. Съ горы.

XXVIII. Берега Днѣпра.

68. Видъ на Кіевъ отъ Краснаго кабачка.
69. На Трахтимировъ съ половины Днѣпра.
70. На Каневъ съ переправы.
71. На Могилы князя Воронцова.

XXIX. Обуховка.

72. Внутри, съ берега Псла.

XXX. Черниговъ.

73. Съ прежней квартиры Гребецкаго.
74. Съ горы монастырской (не Елецкаго монастыря).
75. Троицкій монастырь.

76. Елецкій монастырь и могила Церны.
77. Изъ дому кн. Прозоровской на Стрижень.
78. Изъ за Десны на городъ.
79. Изъ дому Барковскаго.

XXXI. Седневъ.

80. Изъ сада на Сновъ и на деревню.

XXXII. Кролевецъ.

81. Изъ дому бывшаго Кочубейскаго.

XXXIII. Ярославецъ.

82. Съ Мутинской горы.
83. Изъ дому, съ праваго фланга, на церковь и село.

XXXIV. Дубовичи.

84. Изъ дому на церковь.

XXXV. Сверковъ.

85. Изъ стараго сада на рѣку и садъ.

XXXVI. Волокитинъ.

86. На Клевень.

XXXVII. Глуховъ.

87. Изъ за плотины на тріумфальную арк.
89. [1]) Изъ дому Ассинга.

XXXVIII. Полошки.

90. Отъ церкви.
91. Изъ садовой бесѣдки.
92. Съ дворовой горы на село.
93. Изъ Литвиной рощи.
94. Отъ оранжерей на право на Щебры.
95. Отъ нихъ на лѣво на Слѣпородъ.
96. Съ полковницкого лѣсу.

XXXIX. Дуноецъ.

97. Съ горы за садомъ, на село.
98. Съ другой на Петропавловскій монастырь.

XL. Некрасовъ.

99. На Есмань съ полугоры.

XLI. Батуринъ.

100. Изъ за Сейма на домъ Разумовскаго.
101. Отъ церкви съ Гетманской горы (на) лѣвый бокъ.

XLII. Новгородъ-Сѣверскъ.

102. Съ рѣки на городъ.
103. Монастырь.
104. Съ горы монастырской на Судіенковъ садъ.

---

[1]) Здѣсь повидимому возстановлена правильная номерація, сдѣлавшаяся не вѣрною вслѣдствіе вышеуказанныхъ ошибокъ.

105. Отъ почтовой станціи на Десну.
106. Съ горы, ведущей въ Леньковъ, на городъ.
107. Съ горы, вдавшейся въ Десну.

XLIII. Юхновъ.

108. Съ низу на домъ и на террасы.
109. Съ горы на Десну и на село.

XLIV. Горки.

110. На Десну.

XLV. Локнисто.

111. Изъ дому кн. Прозоровской.

XLVI. Божки.

112. Видъ на Сеймъ.
113. Внутренній видъ.

XLVII. Городня.

114. Видъ на Сновъ.

XLVIII. Яготинъ.

115. Съ Княжой дороги изъ лѣсу на озеро
116. Плуза и озеро передъ домомъ.
117. Изъ за Супоя на домъ.

XLIX. Диканька.

118. Изъ дому черезъ овраги на церковь.
119. Домъ и фонтанъ.

L. Остаповка.

120. На село и домъ Высоцкаго.

LI. Нѣжинъ.

121. Группа Нѣжинскихъ церквей.

Какъ видно изъ напечатаннаго списка, затѣвавшійся Н. А. Маркевичемъ альбомъ посвящался видамъ полтавской и черниговской губерній; любоваться Кіевомъ читатель альбома, вмѣстѣ съ его издателемъ, могъ только отъ «Краснаго кабачка», находившагося за Днѣпромъ, т. е. въ черниговской губерніи; на другія мѣста кіевской губерніи (Каневъ и Мошны) онъ могъ смотрѣть только съ Днѣпра. Очевидно, предпринимая изданіе «видовъ Малороссіи», Маркевичъ не хотѣлъ выходить изъ предѣловъ тѣхъ двухъ губерній, которыя на оффиціальномъ языкѣ называются малороссійскими.

Въ самомъ выборѣ видовъ видно слишкомъ много личнаго. Значительная часть ихъ должна была изображать мѣста, сосѣднія съ имѣніемъ Маркевича (въ селѣ Туровкѣ, прилукскаго уѣзда); это—все мѣста, которыя ему были хорошо знакомы, въ которыхъ онъ часто бывалъ. Подробности указаній относительно того, съ какихъ пунктовъ снимать виды, какую точку зрѣнія вибирать, свидѣтельствуютъ о томъ

что прежде, чѣмъ намѣтить тотъ или другой видъ для своего альбома, Маркевичъ не одинъ разъ присматривался къ мѣстности, чтобъ выбрать болѣе красивые виды. Мѣста, излюбленныя имъ, въ которыхъ онъ чаще бывалъ, онъ желалъ воспроизвесть во многихъ видахъ: такъ напримѣръ, с. Сокиринцы (имѣніе Галагановъ, прилукскаго уѣзда) должно было быть воспроизведено въ девяти видахъ, еще менѣе замѣчательное село Полошки (имѣніе Скоропадскихъ, глуховскаго уѣзда)—въ семи видахъ, между тѣмъ какъ на всемъ протяженіи Днѣпра онъ нашелъ только четыре живописныхъ вида. Большая половина видовъ, предназначенныхъ для альбома, должна была изображать или помѣщичьи усадьбы съ ихъ домами, садами, бесѣдками и другими затѣями, или тѣ селенія, въ которыхъ такія усадьбы находились. Такимъ образомъ, альбомъ Маркевича, еслибъ онъ былъ изданъ, представилъ бы намъ изображеніе преимущественно помѣщичьей Малороссіи съ ея показной стороны, съ великолѣпіемъ ея обстановки, нынѣ уже уходящихъ въ область прошлаго. Именно потому, что оно уходитъ въ область прошлаго, нельзя не пожалѣть, что предпріятіе Маркевича не осуществилось. Все съ теченіемъ времени измѣняется, и конечно придетъ пора, когда внукамъ былобы интересно посмотрѣть, какъ живали ихъ дѣдушки въ старину, какія «монрепо» себѣ устраивали.

Высокая цѣна, назначенная за альбомъ, ограниченное число экземпляровъ, на которое открывалась подписка (по числу картинъ, писанныхъ масляными красками, ибо каждый подписчикъ имѣлъ право на полученіе одной изъ такихъ картинъ) и приманка для подписчиковъ въ видѣ полученія картинъ съ изображеніемъ ихъ собственныхъ усадьбъ—указываютъ, что изданіе альбома было разсчитано на помѣщиковъ, какъ будущихъ подписчиковъ.

Къ какимъ именно годамъ относится задуманное Маркевичемъ предпріятіе—на это въ разсмотрѣнныхъ нами бумагахъ его нѣтъ указаній. Подъ вышеприведеннымъ спискомъ видовъ имѣются лишь двѣ отмѣтки, написаныя съ обозначеніемъ чиселъ, но безъ указанія года, и показывающія, что Маркевичъ входилъ въ переписку съ разными лицами относительно предположеннаго имъ изданія. Отмѣтки эти слѣдующія: а) «къ Селецкому отъ 17 августа» и б) «къ графу Алекс. Григ. окт. 19». Очевидно, первая отмѣтка относится къ бывшему Кіевскому губернскому предводителю дворянства Петру Дмитріевичу Селецкому, записки котораго, относящіяся къ 1821—1846 годамъ, были помѣщены въ Кіевской Старинѣ 1884 г. и который умеръ въ

1879 г., а вторая отмѣтка — къ графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко, умершему въ 1855 году. Такимъ образомъ, въ виду этихъ отмѣтокъ, можно лишь сказать, что приведенныя нами бумаги Маркевича были написаны имъ не позже 1855 года.

Почему именно изданіе альбома не состоялось—представляется неизвѣстнымъ; всего же вѣроятнѣе можно предположить, что Маркевичу не удалось склонить къ подпискѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ разсчитывалъ.

Посѣтивши лѣтомъ прошлаго года оригинальную усадьбу покойнаго Ив. Мих. Скоропадскаго въ с. Тростянцѣ, прилукскаго уѣзда, мы видѣли тамъ около 15-ти картинъ, написанныхъ масляными красками академикомъ В. М. Резановымъ и изображающихъ виды разныхъ селеній и городовъ черниговской и полтавской губерній, изъ числа указанныхъ въ спискѣ Маркевича (напримѣръ видъ на Глуховъ изъ-за плотины, Батурынъ, Васькивцы, Дунаецъ, Сокиринцы, Полошки, Тростянецъ, Ярославецъ и другіе); а изъ книги Булгакова «Наши художники на академическихъ выставкахъ» [1]) видно, что такихъ видовъ, написанныхъ Резановымъ, у И. М. Скоропадскаго было больше 15 тп, именно 25-ть (вѣроятно часть картинъ, которой мы не видѣли, находится въ другомъ имѣніи Скоропадскаго—вышеуказанномъ селѣ Полошкахъ). Совершенно одинаковый размѣръ этихъ картинъ, выборъ для нихъ именно тѣхъ сюжетовъ, которые указаны въ спискѣ Маркевича, сосѣдство села Туровки, гдѣ жилъ и умеръ Маркевичъ, съ имѣніемъ Скоропадскаго, а также съ мѣстомъ родины художника Резанова (борзенскій уѣздъ)—навели насъ на мысль, не было ли писаніе этихъ картинъ началомъ исполненія задуманнаго Марковичемъ предпріятія; однако лица, знавшія И. М. Скоропадскаго, удостовѣрили намъ, что означенныя картины были написаны Резановымъ по заказу Скоропадскаго, а не Маркевича. Такимъ образомъ, упомянутое совпаденіе приходится объяснить общими вкусами и симпатіями Маркевича и Скоропадскаго. А можетъ быть, послѣ того какъ предпріятіе, задуманное Маркевичемъ для многихъ, не могло осуществиться, Скоропадскій, сочувствовавшій этому предпріятію, пожелалъ собственно для себя выполнить по крайней мѣрѣ часть этого предпріятія, почему и заказалъ Резанову написать 25 «живописныхъ видовъ Малороссіи».

Н. Шугуровъ.

---

[1]) Томъ II, стран. 116.

Казенные кабаки въ Кіевѣ (1721—1734 гг.). Казенная продажа питей въ Кіевѣ, со времени введенія ея, причиняла всегда много хлопотъ мѣстной администраціи. Въ виду существованія магистратскихъ и монастырскихъ шинковъ, казенные кабаки и «австеріи» не могли давать значительныхъ сборовъ; а между тѣмъ насчетъ этихъ сборовъ относились многіе очень важные расходы. Уже въ 20-хъ годахъ встрѣчаются жалобы губернской администраціи на «уменьшеніе» питейныхъ сборовъ и невозможность покрывать ими указанные расходы. А сколько хлопотъ причиняло самое производство торговли въ казенныхъ кабакахъ до отдачи ихъ на откупъ! Указомъ Воен. Коллегіи отъ 15-го апр. 1721 г. служившіе при казенныхъ кабакахъ изъ гарнизонныхъ солдатъ служители отчислялись отъ полковъ и получали жалованье изъ суммъ губ. канц. Князь Голицынъ въ томъ же 1721 году установилъ для кіевскихъ кабаковъ такой штатъ служителей: 5 бурмистровъ по 10 р. каждому, 8 ларечныхъ по 9 р., 6 унтеръ-офицеровъ по 8 р., 8 рейтаръ по 7 р. 50 к., 7 капраловъ по 6 р. и 80 рядовыхъ по 5 р. каждому, всего же 114 человѣкъ и на нихъ жалованье (кромѣ провіанта) 672 р. въ годъ.

О числѣ казенныхъ кабаковъ въ Кіевѣ точное свѣдѣніе относится къ 1751 году. Согласно указу Камеръ-Коллегіи отъ 20-го сентября 1733 г., весь сборъ въ казенныхъ кабакахъ представлялся въ Губ. Канц. ежемѣсячно. Нѣсколько вѣдомостей такой мѣсячной «выписки» изъ ящиковъ имѣлось у меня за 1751 годъ. Изъ нихъ видно, что въ Кіевѣ было тогда 16 казенныхъ кабаковъ [1]), въ которыхъ общій сборъ за генваръ составилъ 518 р. 13 к., за февраль 401 р. 61 к.

Надо думать, что въ Петербургѣ въ Камеръ-Коллегіи недовѣрчиво относились къ цифрѣ кіевскихъ питейныхъ сборовъ и удивлялись ея незначительности, требуя отъ мѣстной администраціи обстоятельныхъ объясненій. Кажется, отвѣтомъ на такое требованіе и служила любопытная канцелярская справка 1726 г. объ уменьшеніи питейныхъ сборовъ, которую и привожу цѣликомъ:

«Въ Кіевѣ и въ трехъ гарнизонахъ—Нѣжинѣ, Черниговѣ, Переяславѣ—въ австеріяхъ въ сборахъ кабацкихъ питейныхъ и дер-

[1]) Поименованы они въ вѣдомости такъ: 1) въ верхнемъ городѣ, 2) у Печерскихъ воротъ, 3) у Золотыхъ воротъ, 4) у Львовскихъ воротъ, 5) за Кіевскими вороты съ Киселевки, 6) у Крещатской пристани, 7) у Крещатской рогатки, 8) подъ Николой у провалу. 9) въ Солдатской слободѣ, 10) у Самары въ избѣ. 11) за Васильковскою рогаткою, 12) на Неводницкомъ взвозѣ, 13) въ Печерской крѣпости, 14) у Тріумфальныхъ воротъ, 15) на Солоной горѣ и 16) подъ Солоною горою.

тярныхъ помѣшательство и остановка есть отъ малороссійскаго народу обывателей, что они распространяютъ свои шинки съ напитками, которые передъ прошлыми годами на многихъ мѣстахъ и близъ самыхъ австерій построили вновь и указомъ изъ Мал. Кол. о шинковыхъ ихъ вольностяхъ позволяются и берутъ съ нихъ сборщики чеповой сборъ.

И въ тѣхъ шинкахъ противъ австерской продажи и во время въ праздники бываемыхъ ярмонокъ за умноженіемъ оныхъ шинковъ сверхъ обыкновенныхъ становятся на площадяхъ до пятидесяти шалашей и больше со всякими напитками и торгуютъ оными безъ всякаго препятствія самою меньшею противъ австерій цѣною въ продажѣ. Повторне недоборъ въ австеріяхъ нынѣ противъ прошлыхъ лѣтъ того ради, что прежде сего кіевскихъ гарнизонныхъ солдатъ комплетъ былъ полной и при Кіевѣ были армейскіе полки и у городового дѣла работники и полная состоятельная кіевская губернія и для того въ пріѣздѣ было въ Кіевѣ изъ великороссійскихъ городовъ людей многое число, а съ прошлаго 1720 году оная кіевская губернія раздѣлена по провинціямъ и въ Кіевъ бываетъ въ пріѣздѣ людей малое число и армейскихъ полковъ не бываетъ и у городового дѣла работныхъ людей нѣтъ и кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ солдатъ комплетъ нынѣ не полной, понеже командированы въ нижній корпусъ.

И паки третье помѣшательство близь Печерской крѣпости на базарѣ и въ домахъ своихъ разныхъ чиновъ люди торгуютъ брагою пьяною, которую гарнизонные солдаты пьютъ непрестанно.

Четвертое помѣшательство: кіевскаго гарнизона-жители покупаютъ вино хлѣбное за городомъ у малороссійскихъ жителей въ шинкахъ и въ винницахъ каждого дня ведрами и квартами и вносятъ въ городъ невозбранно, а прежде сего такіе покупные вины у городовыхъ воротъ караульные солдаты какъ ведрами, такъ квартами никогда въ пропускѣ въ городъ не было».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1734 г. кіев. губ. канцелярія доносила въ гос. камеръ-коллегію, что въ кіевской губерніи «положенныхъ на адмиралтейство сборовъ, за выключеніемъ на содержаніе штата и канцелярскихъ расходовъ, въ сборѣ имѣлось въ 1731 году 6304 р. $42^{7}/_{8}$ к., въ 1732 г. 5770 р. 36 к., въ 1733 г. 5662 р. 20 к., и больше никоторыми мѣры собрать невозможно, понеже отъ кіевскихъ монастырей шинковныхъ домовъ передъ прежнимъ многочисленно построено, да и нынѣ близъ самыхъ австерій малороссійскаго народа жители, по обыкновеннымъ своимъ вольностямъ, за позволе-

ніемъ бывшей малороссійской коллегіи, многіе шинковые домы строятъ и въ оныхъ всякими напитками торгуютъ свободно и противъ австерской продажи дешевле, и во время бываемыхъ праздничныхъ дней на площадяхъ шинковыхъ шалашей становится до пятидесяти со всякими напитками, изъ которыхъ тутошніе обыватели и впредь въ домы свои запасаютъ напитки покупкою; и за такимъ помѣшательствомъ противъ окладу по осьми тысячъ въ годъ собрать невозможно».

Но камеръ-коллегія нашла эти объясненія губ. канц. не уважительными и указомъ 11-го декабря 1734 г. предписала «имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ конечно тѣ сборы сбираны были противъ окладовъ сполна, а ежели въ тѣхъ сборахъ отъ несмотрѣнія учинятся какіе недоборы, и оные взыщутся на кіев. губ. канцеляріи безъ всякого упущенія, понеже тѣ шинки имѣются еще до состоянія табельного окладу». А. А.

Арестованіе водки, везенной изъ полтавскаго монастыря въ Кіев. Канцелярію „на поклонъ“ (1775 г.) 18 декабря 1775 г. на Неводницкой пристани остановлены были монахи полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, которые везли «въ кіевскую катедру для презенту разнымъ чинамъ» два боченка водки и боченокъ сливянки. Доставленный въ питейную контору монахъ Іерофей показалъ, что де по указу кіев. дух. конс. высланы къ преосв. Гавріилу, митрополиту кіевскому, изъ ихъ монастыря на четырехъ повозкахъ намѣстникъ іеромонахъ Созонтъ, іеродіаконъ Ѳеофилъ и онъ, Іерофей, при чемъ игуменъ Амфилохій и далъ имъ названные напитки «для отдачи въ поклонъ, а не для корчемства». «Что жъ здѣсь въ Кіевѣ на откупу питейная продажа состоитъ и что ввозить горячіе напитки запрещено, о томъ оной монахъ Іерофей ни отъ кого не слышалъ и не знаетъ, знаетъ же то, что ежегодно изъ того полтавскаго монастыря посылается въ Кіевъ на консисторію провизія съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ». Монахъ былъ на другой день отпущенъ, а напитки арестованы при губ. канц., которая, принявъ во вниманіе существующія узаконенія, а равно и контрактъ, заключенный въ 1774 г. іюля 14 д., о содержаніи въ кіевской губ. питейныхъ сборовъ на откупу валуйскому купцу Андрею Воронкову, а по довѣренности отъ него перемышельскому купцу Ивану Зябкину, опредѣлила: арестованные напитки отдать въ пит. контору. А. А.

Преслѣдованіе кіевскимъ магистратомъ „неапробованныхъ въ медиціи людей“. Отставной гусаръ старо-сербскаго гусарскаго полка Семенъ Хотинскій, ставши обывателемъ г. Кіева, занимался врачеваніемъ разныхъ болѣзней. По всей вѣроятности, только такого рода врачами и пользовались въ прошломъ столѣтіи кіевскіе обыватели, но, какъ видно, въ случаяхъ неуспѣха такихъ врачей постигала горькая участь: магистратъ кіевскій былъ въ такихъ случаяхъ строгъ къ «неапробованнымъ въ медиціи людямъ». Въ 1766 году на Хотинскаго поступили въ магистратъ жалобы отъ священника Успенской церкви Алексѣя Сафоновича, отъ двухъ студентовъ академіи и отъ мѣщанина Ч-го. Первые три заявляли «о поврежденіи имъ Хотинскимъ неискуснымъ лѣченіемъ больныхъ глазовъ», а мѣщанинъ Ч. о такомъ же неискусномъ лѣченіи «бывшей у него подъ бородою раны». Такъ какъ Хотинскій юрисдикціи магистрата не подлежалъ, то магистратъ, арестовавши его, препроводилъ въ Губ. Канц., гдѣ и состоялось такое опредѣленіе: «оному Хотинскому за ненадлежащее имъ вступленіе въ леченіе, не имѣя на то ни отъ кого дозволенія, и въ страхъ другимъ учинить наказаніе батоги».

Еще болѣе суровый приговоръ надъ лѣкаркою встрѣтился мнѣ въ одномъ дѣлѣ 1787 года.

Мѣщанинъ Захарій Гаркашевскій рекомендовалъ жившую у него въ домѣ дѣвицу 28 лѣтъ, Агриппину Трохимову, монаху Выдубецкаго монастыря Никанору, какъ мастерицу лѣчить глаза. Однако глазъ эта дѣвица монаху не излѣчила, а въ одинъ изъ своихъ врачебныхъ визитовъ похитила у него 60 рублей, почему и была представлена въ городовой магистратъ. Здѣсь оказалось, что у дѣвицы этой «лѣвый глазъ и верхняя губа болѣзнію повреждены и носъ совсѣмъ сворченъ, говоритъ сипляво», что вообще она «есть весьма подозрительнаго состоянія и была уже до сего за починенныя ею воровства въ приводахъ на уряды и за то штрафована тюрьмою и смирительнымъ домомъ». Она созналась въ воровствѣ, но утверждала, что похитила не болѣе 20-ти рублей, которые и употребила большею частію «на пропой».

Городовой магистратъ рѣшилъ наказать ее за воровство и за то, что она, «не имѣя и малѣйшаго въ медицинской наукѣ искусства, отважилась приняться за лѣченіе глазъ», наказать публично плетьми и затѣмъ отпустить, обязавъ ее подпискою, что она «впредь будетъ жить честно и постоянно и никакимъ лѣченіямъ болѣзней прини-

маться не будетъ». Но губернскій магистратъ, отмѣнивъ это рѣшеніе, постановилъ болѣе суровое, наказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣщанина Гаркашевскаго за рекомендацію такой лѣкарки: губернскій магистратъ опредѣлилъ наказать Трохимову плетьми, а затѣмъ сослать ее въ Сибирь, съ Гаркашевскаго же вкыскать въ пользу іеромонаха Никанора 60 руб., обязавъ при этомъ его подпискою, что онъ «впредь таковыхъ неапробованныхъ въ медиціи людей рекомендовать никому не будетъ». Уголовная Палата утвердила этотъ приговоръ.

А. А.

Поправка. Въ № 1 текущаго года въ нашемъ журналѣ было напечатано письмо Искры къ графу Зубову. Считаемъ долгомъ своимъ дать справку нашимъ читателямъ, что письмо это было уже напечатано раньше г. Бартеневымъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 года, стр. 1566—1568, въ болѣе исправномъ спискѣ.

Библіографія.

Pieśni ludu, zebrał Zygmunt Gloger (w latach 1861—1891), muzykę opracował Zygm. Noskowski. Kraków. 1892. 8° str. 361 3.

Изо всѣхъ національностей, населяющихъ Европу, славяне, какъ издавна признано, наиболѣе сохранили памятниковъ народнаго творчества и способность къ этому творчеству, вѣроятно, въ силу того, что до сихъ поръ находятся подъ меньшимъ вліяніемъ образованности, которая является наибольшимъ врагомъ свѣжаго первобытнаго народнаго міросозерцанія и результата, отраженія его—народной пѣсни. Отсюда ясно, что тѣ изъ славянскихъ племенъ, которыхъ менѣе коснулось культурное вліяніе запада, болѣе сохранили остатковъ старины обще-славянской; таковы сербы, болгары, малоруссы и великоруссы на дальнемъ сѣверѣ. Тѣ же славянскія племена, которыя стояли на границѣ между западной Европой и остальнымъ славянствомъ, въ силу такого своего положенія, равно какъ и вслѣдствіе рано развившейся исторической и государственной жизни, рано утеряли свой героическій и историческій эпосъ и остались лишь съ пѣснями наиболѣе устойчивыми—обрядовыми (свадебными) и лирическими балладами. Такъ случилось съ чехами и поляками. Послѣднимъ старинные наши ученые, занимавшіеся народной словесностью (напр. Бодянскій), категорически отказывали даже въ способности создать нѣчто вродѣ малорусскихъ думъ, великорусскихъ былинъ и чешской «Краледворской рукописи», нынѣ признанной поддѣльной.

Между тѣмъ трудами K. Wojcickiego и др., а главнымъ образомъ О. Kolberga, этого неусыпнаго и энергичнаго труженика на поприщѣ собиранія памятниковъ народной словесности, появились богатыя собранія пѣсенъ, сказокъ, присловій, загадокъ, обычаевъ и суевѣрій польскаго народа. Трудъ г. Глогера, о которомъ мы будемъ говорить,

является до нѣкоторой степени единственнымъ по мысли автора: въ своемъ сборникѣ г. Глогеръ поставилъ себѣ задачей помѣстить въ связной картинѣ избранныя пѣсни, по возможности простыя и характеристичныя, чтобы книга, составленная подобнымъ образомъ, могла послужить пособіемъ при преподаваніи польской литературы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не только хрестоматія, составленная по готовымъ печатнымъ источникамъ: сюда вошли пѣсни, собранныя г. Глогеромъ изъ устъ народа въ теченіе времени 1861—91 г. и также розысканныя имъ въ старыхъ рукописяхъ, доставленныхъ ему изъ разныхъ закаулковъ царства Польскаго. Въ предисловіи собиратель съ достаточной подробностью излагаетъ исторію своего труда, начало котораго относится еще къ тому времени, когда г. Глогеръ воспитывался въ гимназіи, гдѣ преподавательствовалъ извѣстный К. Войцицкій, выше нами упомянутый, который и пріохотилъ его къ собиранію пѣсенъ.

Сборникъ г. Глогера состоитъ изъ пяти отдѣловъ, неравныхъ какъ по объему, такъ и по значенію. Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе его. Въ первомъ отдѣлѣ находимъ 128 пѣсенъ, относящихся къ различнымъ годовымъ праздникамъ и къ различнымъ опредѣленнымъ событіямъ въ крестьянской жизни—это колядки, щедровки, пѣсни весеннія, дожиночныя и др. Второй отдѣлъ представляетъ картину всей свадебной драмы и отличается замѣчательною полностью и обстоятельностью; третій отдѣлъ, самый краткій, но наиболѣе интересный заключаетъ въ себѣ 164 думы и думки, о которыхъ мы ниже скажемъ нѣсколько обстоятельнѣе. Четвертый отдѣлъ и пятый, наиболѣе распространенные по числу NN пѣсенъ, посвящены пѣснямъ плясовымъ, шуточнымъ, припѣвкамъ и самымъ характернымъ произведеніямъ польскаго народнаго творчества—краковякамъ, которыхъ здѣсь собрано болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ старыхъ, ранѣе появлявшихся сборниковъ.

Попытаемся сдѣлать оцѣнку труду г. Глогера. Несомнѣнно, что онъ является весьма полезнымъ вкладомъ въ литературу, какъ по массѣ сообщаемаго матеріала, такъ и по добросовѣстному отношенію къ нему собирателя. Съ другой стороны нельзя не отмѣтить его недостатковъ, которые бросаются въ глаза при первомъ же взглядѣ по прочтеніи предисловія, гдѣ авторъ выражаетъ желаніе, чтобы его трудъ могъ служить пособіемъ при изученіи народной словесности: пѣсни хотя и снабжены напѣвами (впрочемъ далеко не всѣ), однако объяснительныя примѣчанія вполнѣ отсутствуютъ, а они были бы

далеко не лишними. Мы говоримъ объ отсутствіи какихъ бы то ни было указаній не только на варіанты пѣсенъ сродныхъ народовъ, но даже на сходныя пѣсни польскаго народа, изданныя Кольбергомъ и другими. Въ настоящее время отъ собирателя, кажется, можно требовать нѣсколько больше, чѣмъ механическаго подбора разрозненныхъ пѣсенъ въ опредѣленныя рубрики по содержанію или иному признаку, положенному въ основаніе классификаціи. Указаніе варіантовъ и сходныхъ мотивовъ при изданіи пѣсенъ въ значительной степени облегчаетъ работу изслѣдователя, не заставляя его производить долгую черновую работу разысканія разбросанныхъ по сборникамъ варіантовъ, чему теперь приходится посвящать не мало времени. Въ этомъ случаѣ г. Глогеръ могъ бы взять, какъ примѣръ, *старыя* изданія чешскихъ народныхъ пѣсенъ Erben'a Lušil'a и др., а также трудъ гг. Антоновича и Драгоманова «Истор. п. малор. нар.».

Обратимся теперь къ частностямъ, именно къ содержанію треьяго отдѣла труда г. Глогера. Здѣсь мы укажемъ нѣкоторыя темы пѣсенъ, встрѣчающіяся и въ малорусской народной поэзіи. Такова тема «сестра отравляетъ брата, чтобы жить съ любовникомъ» (стр. 147—149), библіографія которой была уже нами отчасти указана въ нашей рец. на сборникъ галицко-р. и словацкихъ пѣсенъ М. Врабля (Кіевск. Стар. 1892 г. іюнь); дѣвушку увозятъ рыцари съ собой (въ мр. п. козаки) стр. 152—3; отъѣздъ милаго на войну, дѣвушка проситъ взять ее съ собой, стр. 159—161 (обычна и у вр., разобрана А. А. Потебней въ объясн. мр. п.); молодецъ ѣдетъ на войну, милую его насильно выдаютъ замужъ за нелюба стр. 165; возвращеніе мужа, жена не узнаетъ его—тема сходная съ похожденіемъ Добрыни и Алеши и женитьбой послѣдняго на женѣ Добрыни; ср. ст. В. Миллера въ Этн. Обозр. 1890 г. № 5 стр. 110—у Глогера стр. 165; къ этой темѣ обширныя указанія въ сочин. Ор. Миллера «Илья Муромецъ стр. 523, Всев. Миллеръ—Экскурсы...» стр. 53, также у В. Дашкевича въ К. Ун. Изв. 1883 № 5 стр. 49 и у Халанскаго—Вр. былины. Кіевск. цикла.

Далѣе остановимся на темѣ «жена въ отсутствіи мужа и мѣняетъ ему» (стр. 161): обширная и широко распространенная тема, разработанная въ массѣ пѣсенъ и въ сказаніяхъ о злыхъ женахъ; тоже можемъ сказать о темѣ «жена убиваетъ мужа», извѣстной намъ въ слѣдующемъ рядѣ варіантовъ: Пинчуки, сб. Булгаковскаго стр. 118 и 130; у Смирнова (пѣсни крестьянъ Влад. и Нижег. г. 1849 г.) стр. 136; у Шейна,—Вр. п. стр. 316; у Деволлана стр. 138—139;

затѣмъ пѣсни той же темы даютъ намъ Wacław z Ol. 505; Vojcicki I, 115, II, 304; Zbiór. wiadom. II, Mat. etn. str. 82; Kollar II, 36; Sušil str. 95—и, кромѣ того, мы имѣемъ запись, сдѣланную въ новгор. губ. въ недавнее время. Затѣмъ отмѣтимъ темы: молодецъ сидитъ въ темницѣ стр. 169; отецъ убиваетъ сына по наговору мачихи стр. 178; двое влюбленныхъ умираютъ въ разлукѣ стр. 195 у Глогера— сравнимъ съ стихотвореніемъ І. Залѣскаго «Dwojaki koniec» (wyd. r. 1851 str. 240), которое является литературной обработкой этой народной темы. Далѣе «милая выкупаетъ изъ неволи» стр. 204—тема, разобранная А. А. Потебней (въ Объясн. мр. п.).

Мать запрещаетъ сыну жениться, смерть его, жалоба изъ гроба— стр. 206; козаки подманиваютъ дѣвушку убѣжать съ ними стр. 206, и близкая къ ней тема— «дѣвушка убѣгаетъ съ любовникомъ», который топитъ ее въ рѣкѣ—стр. 213 и 215; въ другой пѣснѣ—стр. 214 № 103 любовникъ указываетъ дѣвушкѣ на убитыхъ уже ранѣе имъ 8 женъ и угрожаетъ ей также смертью, но она хитростью сама убиваетъ его—тема, сходная съ рядомъ сказаній о Radul Barbe bleu, отраженіе которыхъ, быть можетъ, она и представляетъ. Далѣе отмѣтимъ тему— «злая свекровь обращаетъ сноху въ тополю», стр. 214, и заставляетъ сына срубить ее» —тема, распространенная среди малор. п.

Остановимся еще на темѣ «мужъ разбойникъ» (стр. 217),—довольно обстоятельная библіографія которой указана въ соч. Ант. и Драг. «Историч. п. малор. нар.» и которой мы намѣрены посвятить болѣе детальное изслѣдованіе. Эта тема извѣстна почти у всѣхъ славянскихъ народовъ, начиная отъ сербовъ, кончая великоруссами. Если провести линію въ такомъ направленіи и закончить ее въ предѣлахъ новгородской губ., то легко будетъ замѣтить, что всѣ варіанты расположатся по ней въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: начиная съ великорусскихъ замѣчаемъ, что они кратки и порой неточны и необстоятельны и по характеру своему напоминаютъ *пересказъ*. Направляясь къ югу варіанты этой темы являются болѣе свѣжими и жизненными и наибольшаго расцвѣта и драматизма достигаютъ въ устахъ галицкихъ русскихъ и словаковъ.

На сѣверѣ же, у чеховъ, находимъ лишь слабыя отраженія этой темы, а на югѣ—у сербовъ пѣсни эти, приближаясь къ типу великорусскихъ, также принимаютъ характеръ пересказа, причемъ мы наблюдаемъ такое явленіе: сербскія пѣсни рѣзко различаютъ двѣ версіи, что слабо замѣтно въ пѣсняхъ малор. и галицко-русскихъ.

Обратимся теперь къ темѣ, также весьма распространенной—«дѣвушка дѣтоубійца». (стр. 220). Изъ малор. вар. укажемъ лишь на пѣсню у Головацкаго III стр. 26, затѣмъ у Wacł. z Ol. 489, Żegot. P.—I, 89, и II, 8; также въ Zbiorze wiad. IV M. etn. str. 94 и у Wojcick. I, 91, 93 и II, 293. Чешскіе и моравскіе варіанты у Erben'a II 34 и Susil'a str. 3, доп. стр. 774, стр. 155. Также у Stanka Oraza—србск. вар. I 66—70 (3 вар.). Если же мы заглянемъ въ сборники нѣмецкихъ нар. пѣсенъ, хотя бы Kreschmar'a II Bд., s. 223 и Luttler'a (стр. 56—60), то найдемъ тамъ рядъ сходныхъ пѣсенъ, послужившихъ, быть можетъ, Шиллеру основаніемъ для созданія его баллады того-же содержанія. Надъ разработкой этой темы съ любовью останавливалась также фантазія благочестивыхъ людей, что видно изъ упомянутыхъ выше духовныхъ пѣсенъ у Susil'a и изъ польскихъ пѣсенъ съ церковнымъ оттѣнкомъ, обрабатывающихъ тотъ же сюжетъ, напр. у Глогера же стр. 240 и 241.

Кромѣ всего вышесказаннаго, отмѣтимъ еще думы о «Panu Sawie» и гостяхъ съ Украйны (стр. 230) и о спорщицѣ женѣ (стр. 301); варіанты къ послѣдней пѣснѣ были также указаны нами въ выше названной рец. на сб. Врабья (К. Ст. 1892. іюнь). Изъ другихъ пѣсенъ отмѣтимъ еще одну весьма распространенную—именно молодецъ хочетъ овладѣть дѣвушкой, а она всячески отъ него старается вырваться, между ними происходитъ разговоръ, въ которомъ дѣвушка обѣщаетъ обратиться то въ птицу, то въ рыбу и т. д., чтобы избѣгнуть его, а молодецъ, въ свою очередь, обѣщаетъ какъ бы то ни было овладѣть ею. Данную тему можемъ сравнить съ эпизодомъ изъ Калевалы, гдѣ подобный же разговоръ происходитъ между второй дочерью Лоухи и смѣлымъ кузнецомъ Ильмариненомъ, пришедшимъ къ ней свататься. (Калевала руна 38).

Изъ сдѣланнаго краткаго обозрѣнія видимъ, что хотя поляки не имѣютъ національнаго героическаго эпоса, однако эпосъ балладный представляетъ много любопытнаго, хотя бы потому, что даетъ много данныхъ для изученія движенія пѣсенныхъ сюжетовъ. Весьма вѣроятно, что въ числѣ пѣсенъ польскаго народа, приведенныхъ въ сб. Глогера, есть немало пѣсенъ, общихъ другимъ славянамъ и ихъ сосѣдямъ, но это понятно само собой: вѣдь «народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости международный» какъ говоритъ А. Н. Веселовскій (Южнор. был.).

Владимиръ Перетцъ.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ подъ ред. Секретаря Этнограф. Отдѣла Н. А. Янчука. Москва 1892 г. Кн. XIII и XIV (2 и 3 №№ за 1892 г.).

И въ настоящихъ номерахъ «Этнографическаго Обозрѣнія», какъ и во всѣхъ почти предъидущихъ, не мало труда удѣлено на разработку содержанія нашихъ былинъ путемъ сличенія ихъ съ героическимъ эпосомъ монгольскимъ и индо-европейскимъ, въ частности иранскимъ и кавказскимъ. Обнаруживая, какъ и раньше, громадную эрудицію въ разработкѣ своихъ сюжетовъ, авторы статей по данному вопросу въ разбираемыхъ номерахъ опять таки такъ же, какъ и прежде, не щедры на указанія общаго плана своихъ работъ и избѣгаютъ обобщеній, которыя бы могли неспеціалистамъ облегчать возможность оріентироваться въ безконечныхъ подробностяхъ производимыхъ ими сравненій. Невольно поэтому и при чтеніи этихъ новѣйшихъ работъ ихъ по фольклору, какъ при чтеніи болѣе раннихъ, у иного читателя является сомнѣніе въ томъ, нужно ли было для дѣла сравнивать мелочи, не представляющія ничего характернаго въ сравниваемыхъ произведеніяхъ, а затѣмъ и въ томъ, точно ли сравниваются вещи сопзмѣримыя, принадлежащія у разныхъ народовъ къ соотвѣтственнымъ эпохамъ ихъ историческаго развитія или хотя бы только къ эпохамъ ихъ историческаго сближенія. Нѣсколько свободнѣе отъ такихъ недоумѣній читатель-профанъ бываетъ только при чтеніи статей Всев. Ѳ. Миллера, который въ новѣйшихъ своихъ детальныхъ работахъ можетъ быть по праву болѣе свободенъ отъ обязательства давать поученія обобщающаго характера въ виду того, что такія обобщенія, много существеннаго привнесшія въ русскую ученую литературу, даны имъ въ его книгѣ «*Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса*». Впрочемъ и Н. Ѳ. Сумцовъ на этотъ разъ позволилъ себѣ нѣкоторое отступленіе въ пользу объясненій общаго характера. Но какъ бы вообще ни были скупы на обобщенія авторы статей о русскомъ эпосѣ, во всякомъ случаѣ они и безъ того чуть не каждой строкой своихъ трудовъ доказываютъ ту важную и пока не всѣми усвоенную истину, что многое признаваемое *національнымъ* не уполномачиваетъ на признаніе туземности его происхожденія, такъ что все больше и больше накопляется доводовъ въ пользу утвержденія акад. Веселовскаго, что народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости есть международный.

Въ разбираемой книжкѣ «Этногр. Обозрѣнія» отмѣченный выше сюжетъ трактуется въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ: «*Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ*» *Н. Ѳ. Сумцова*, «*Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ*» *Всев. Ѳ. Миллера* и «*Марья Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ*» *Г. Н. Потанина*.

Въ первый изъ названныхъ статей почтенный авторъ устанавливаетъ непосредственную связь былины о Добрынѣ и волшебницѣ Маринкѣ съ очень широко распространенными сказками о женѣ волшебницѣ. Прежде, во времена, напримѣръ, Кирѣевскаго, установленіе такой связи могло бы быть почтено апокрифическимъ, ибо былины почитались тогда имѣющими строго опредѣленный характеръ, стихъ ихъ казался вполнѣ выработаннымъ, между тѣмъ какъ сказки казались произведеніями расплывчатыми, безъ опредѣленнаго содержанія, способными родниться съ любымъ произведеніемъ народной словесности. Н. Ѳ. Сумцовъ считаетъ такое разграниченіе двухъ видовъ народнаго эпоса вполнѣ несостоятельнымъ и говоритъ: «въ дѣйствительности между многими сказками и былинами по содержанію нѣтъ никакого различія, и вся разница въ формѣ, въ былевомъ стихѣ. Въ настоящее время, читаемъ у него далѣе, кажется, можно согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что многія былины представляютъ повтореніе или искаженіе сказочныхъ и литературныхъ мотивовъ, причемъ одни мотивы могли существовать на русской почвѣ задолго до былевой ихъ обработки, другіе забрели на Русь, быть можетъ, недавно, въ XVI или XVII ст.». Былина о Добрынѣ и волшебницѣ Маринкѣ именно возникла на почвѣ сказокъ, ранѣе циркулировавшихъ у разныхъ народовъ. Въ основѣ же всѣхъ этихъ сказокъ, по мнѣнію автора, лежитъ не средневѣковая сказка о женѣ волшебницѣ, а древне-греческая. Сказки о женѣ волшебницѣ имѣются у великороссовъ, малороссовъ бѣлоруссовъ, поляковъ, хорутанъ, вотяковъ, у многихъ кавказскихъ народовъ—осетинъ, кабардинцевъ, чеченцевъ. Авторъ тщательно приводитъ содержаніе всѣхъ ихъ. Малорусскія сказки на эту тему извѣстны подъ названіемъ «Диво» или «Дивовина». Авторъ пользуется въ статьѣ своей варіантами ея, приведенными *П. В. Ивановымъ* въ его «*народныхъ разсказахъ о вѣдьмахъ*», въ сборникѣ г. Манжуры и въ «*Трудахъ*» *Чубинскаго*. Варіантъ г. Иванова приведенъ въ статьѣ цѣликомъ. Можно бы было заключить въ виду доказанной связи нашего народнаго эпоса съ кавказскимъ, что кавказскія сказки о женѣ-волшебницѣ и былинперво образомъ-

шихъ, но уже болѣе ранніе изслѣдователи, напр. Афанасьевъ, замѣтили ту же сказку и между сказками «*Тысячи и одной ночи*»; затѣмъ основные мотивы ея попадаются въ классической древности: у *Лукіана* въ его «*Луціи или осле*», у *Апулея* въ его «*de asino aureo*», у *Овидія* въ «*Превращеніяхъ*», въ «*Одиссеѣ*»—въ эпизодѣ о красавицѣ Цирцеѣ. Во всѣхъ сказкахъ волшебница превращаетъ или мужа, или любовника то въ сабаку, то въ воробья, то въ коня, то въ свинью. Кромѣ самой волшебницы, дѣйствуетъ иногда колдунъ, становящійся на сторону мужа и дающій ему силу обращать жену то кобылой, то козой, то сорокой. Жена подчасъ не только волшебница, но и упырь и ѣстъ мертвечину. Оборотни не причастные волшебству, сохраняютъ при этомъ человѣческій разсудокъ и нерѣдко приносятъ пользу своимъ временнымъ хозяевамъ и т. д. д. и т. д. Подведя итогъ содержанію сказокъ, сравнивъ ихъ съ былиной о Добрынѣ и Маринѣ, г. Сумцовъ видитъ существенную особенность содержанія этой послѣдней въ томъ, что Добрыня былъ обращенъ въ тура. Впрочемъ до этого обращенія онъ тоже побывалъ, въ разныхъ варіантахъ, сорокой, вороной, свиньею, а въ одномъ варіантѣ Гильфердинга «ходилъ кобелемъ ровно суточки» Обращенія Добрыни въ тура даетъ автору возможность отвергнуть предположеніе г. Ровинскаго, будто былина о Добрынѣ и Маринѣ создана на Руси въ XVII в. и изображаютъ Филарета Никитича и Марину Мнишекъ. Г. Сумцовъ побѣдоносно доказываетъ, что къ XVII в. туры на Руси исчезли, а потому въ то время Добрыня не могъ бы быть обращенъ въ тура, такъ что былина должна была явиться раньше По мнѣнію автора, «въ очень давнее время, когда туръ былъ на Руси еще обыкновеннымъ животнымъ, въ эпоху расцвѣта былеваго творчества, сказка о женѣ-волшебницѣ вошла въ былины Владимірова цикла съ пріуроченіемъ къ исторической личности Добрыни... Нужно думать, читаемъ въ статьѣ дальше, что въ личной жизни Добрыни или въ древнихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ о немъ были такія черты, которыя обусловили или содѣйствовали привлеченію сказки въ кругъ былинъ, напр., что-нибудь на тему о злой женѣ». Что могъ быть такой поводъ къ «историзаціи» сказки о женѣ-волшебницѣ,—примѣняемъ терминъ Всев. Ѳ. Миллера,—это легко допустить, но такъ же точно легко допустить, что даннаго повода могло и не быть: изъ сферы гаданій мы такимъ образомъ не выходимъ. Затѣмъ, что до пути, какимъ къ намъ проникла сказка о женѣ-волшебницѣ, послужившая основой былины о Добрынѣ и Маринѣ, то разбираемая статья даетъ слѣдующія заключенія: «въ глубокой древности на гре-

ческомъ востокѣ циркулировали сказки о богинѣ волшебницѣ Цирцеѣ... Разными путями, черезъ Балканскій полуостровъ, черноморскія колоніи, вѣроятнѣе всего—черезъ Кавказъ, сказки о Цирцеѣ проникли къ славянамъ и монголамъ. Божественный характеръ Цирцеи ослабѣлъ въ славянскихъ передачахъ; хорошо сохранились ея черты, какъ волшебницы. Греческая сказка тѣмъ легче могла привиться на славянской почвѣ, что ея внѣшняя демонологическая обстановка не чужда была славянамъ: она нашла у славянъ волшебницъ, упырей, чародѣйскую плеть, заклинанія. Яркость красокъ классической сказки померкла на чуждой ей почвѣ, но общій строй ея, схема, основные мотивы, самый порядокъ ихъ распредѣленія удержался. Незначительныя особенности славянскихъ варіантовъ обусловлены, можетъ быть, порчей, искаженіями греческаго оригинала, весьма возможными при многовѣковой жизни сказки; можетъ быть, и это даже вѣроятнѣе, разница въ славянскихъ варіантахъ обусловлена разницей ихъ греческихъ источниковъ»...

Какъ видимъ, почтенному автору въ выводахъ своихъ слишкомъ часто приходится прибѣгать къ выраженію «можетъ быть» вслѣдствіе полнаго отсутствія при разслѣдованіи происхожденія нашихъ былинъ и сказокъ сколько-нибудь прочныхъ основъ: недатированные литературные матеріалы, очевидно, не скоро смогутъ найти свои даты и потому не скоро смогутъ быть поставлены и въ преемственную связь Лучшимъ подтвержденіемъ этого, намъ кажется, можетъ служить заключительное довольно горькое сознаніе многотрудившагося автора «*Возможны*, говоритъ онъ, и другія объясненія сходства древнихъ и новыхъ сказаній о женѣ-волшебницѣ, объясненія болѣе узкія, болѣе односторонніе. *Можно*, напримѣръ, не ставить греческія сказанія о Цирцеѣ въ доминирующее положеніе; въ такомъ случаѣ нужно *или* допустить гипотезу, что сказанія вынесены нѣкоторыми отраслями индо-европейскаго племени изъ своей прародины и разработаны самостоятельно греческими поэтами, *или* допустить гипотезу о значительномъ вліяніи древнѣйшихъ кавказскихъ сказаній на греческую словесность на югѣ и славянскую на сѣверѣ»... Однимъ словомъ, *многое возможно*, и для объясненія фактовъ, чего добраго, не вполнѣ соизмѣримыхъ, можетъ оказаться достаточное количество «*или*»,—но вѣдь такіе результаты, по правдѣ говоря, недостаточно научны и мало утѣшительны.

Къ уясненію той же былины о Добрынѣ и Маринѣ служитъ и часть статьи *Всев. Ѳ. Миллера* «*Матеріалы для исторіи былинныхъ*

сюжетовъ». Здѣсь авторъ сближаетъ былинный сюжетъ, трактующій объ увлеченіи Добрыни волшебницей Маринкой въ моментъ, когда она умывалась, съ талмудическимъ еврейскимъ апокрифомъ, въ которомъ тоже Давидъ увлекся Вирсавіей во время ея умыванія. Интересно, что моменту увлеченія въ обоихъ случаяхъ предшествуетъ стрѣляніе въ птицу, но въ талмудическомъ апокрифѣ птица эта сатана, а въ русской былинѣ мы имѣемъ дѣло съ невинными голубями, но за то стрѣла Добрыни все же хоть случайно угодила въ нечистую силу—Тугарина Змѣевича, любовника Марины. Сближеніе былинной фабулы съ талмудическимъ апокрифомъ оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что и Давидъ, и Добрыня оба любители музыки и сами музыканты: царь Давидъ извѣстенъ, какъ псалмопѣвецъ, и іудейскіе равины, объясняя 9 стихъ 56-го псалма: «*воспряни слава моя, воспряни псалтырь и гусли, пробужусь рано*», говорятъ, что ночью надъ постелью Давида всегда висѣла цитра; когда въ полночь начиналъ дуть сѣверный вѣтеръ и ударялъ въ струны, Давидъ вставалъ и начиналъ упражняться въ игрѣ. Также и у Добрыни въ домѣ висятъ гусельки яворчатыя, которыя онъ беретъ съ собою, переодѣваясь скоморошиной, и на которыхъ играетъ при дворѣ Владиміра. Заключая изъ столь разныхъ совпаденій въ подробностяхъ о связи нашей былины съ даннымъ талмудическимъ апокрифомъ, Всев. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что вообще апокрифическіе мотивы такъ же, какъ и многіе другіе, повидимому чужеродные, входятъ въ составъ нашего былиннаго эпоса. Къ такому заключенію привели его и нѣкоторыя другія совпаденія съ іудейскими апокрифами подробностей въ нашихъ былинахъ, на что было сдѣлано много указаній при разборѣ былинъ раньше (см. Этногр. обозр. книги XIII—XIV 1892, стр. 114). О близости былины про Добрыню и Марину съ талмудическимъ апокрифомъ о Давидѣ и Вирсавіи отмѣчено было и у г. Ровинскаго, Н. Ѳ. Сумцовъ въ вышеразсмотрѣнной статьѣ указываетъ на это сближеніе.

Въ числѣ другихъ матеріаловъ для исторіи былинныхъ сюжетовъ Вс. Ѳ. Миллеръ приводитъ въ настоящей книжкѣ «Этногр. Обозрѣнія» очень интересную сказку Ингушей о богатырѣ-пахарѣ. Первая жена пахаря въ его отсутствіе сошлась съ другимъ. Онъ тогда бросилъ ее и женился вторично. Чтобы предупредить измѣну второй жены, онъ сталъ ее носить всегда съ собой въ сундукѣ. Повстрѣчавшись однажды съ узденемъ, тоже уязвленнымъ невѣрностью жены, пахарь послѣ распросовъ сталъ объяснять ему—зачѣмъ онъ таскаетъ жену съ собой въ сундукѣ; при этомъ, чтобы показать жену

свою, онъ открылъ сундукъ. Къ его удивленію изъ сундука, кромѣ жены, вышелъ еще невѣдомый молодецъ. Жена объяснила мужу, что она сама закликала молодца въ сундукъ, когда однажды мужъ ея, оставивъ свою ношу, побѣжалъ за волами, закликала—чтобы не скучать одной. Уздень убѣдился послѣ этого, что нѣтъ средства укараулить жену. Сказка эта несомнѣнно заключаетъ въ себѣ тѣ же черты, что и былина о Святогорѣ, таскающемъ свою жену на плечахъ въ хрустальномъ дворцѣ и все же сохранявшемъ въ своемъ карманѣ спрятаннаго туда женою Илью Муромца, съ которымъ она измѣнила мужу. Такимъ образомъ лишній разъ констатируется близость нашего эпоса съ кавказскимъ. Въ той же сказкѣ богатырь пахарь сильно напоминаетъ не столько Святогора, сколько Микулу Селяниновича. Встрѣча пахаря съ узденемъ и его свитой напоминаетъ встрѣчу Микулы съ Вольгой и его дружиной, тѣмъ болѣе, что и въ сказкѣ уздень и свита оказываются безсильными сравнительно съ пахаремъ.

Очень интересна еще между «*Матеріалами для исторіи былинныхъ сказаній*» параллель, проводимая авторомъ между былинной подробностью о встрѣчѣ Вольги съ Микулой Селяниновичемъ съ персидскимъ, очевидно, народнымъ же разсказомъ, проникшимъ въ поэму персидскаго поэта Низами (жившаго въ концѣ XII вѣка) объ Искандерѣ (Александрѣ Македонскомъ), который будто бы бесѣдовалъ съ чуднымъ юношей пахаремъ, не пожелавшимъ промѣнять трудную земледѣльческую работу на предложенную ему жизнь царскихъ спутниковъ, не смотря на обѣщанныя ему царемъ почести. Параллель, здѣсь указанная, кажется автору тѣмъ интереснѣе, что и въ былинахъ о походѣ Вольги въ Индію и другихъ его приключеніяхъ чуется сходство этого богатыря съ Александромъ Македонскимъ. Объ этомъ отраженіи въ нашемъ эпосѣ «*Александріи*» авторъ писалъ еще раньше въ работѣ «*Отголоски Александріи въ болгаро-русскихъ былинахъ*» и въ другой—«*По поводу Трояна и Бояна*». Признавая возможнымъ указать на эту преемственность сюжетовъ, авторъ воздерживается отъ опредѣленныхъ заключеній и выражается такъ: «мнѣ кажется, что приведенное сказаніе (изъ Низами) можетъ пригодиться впослѣдствіи для уясненія литературной исторіи нашего былиннаго разсказа о встрѣчѣ Вольги съ чуднымъ пахаремъ Микулой. Конечно, отношеніе былиннаго разсказа къ персидскому пока еще не можетъ быть уяснено, и послѣдній можетъ служить первому только интересной параллелью, а не источникомъ. Но если мы примемъ въ соображеніе,

что указанная параллель намъ встрѣтилась и въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ, который, повидимому, отчасти отразился въ нашемъ былинномъ Вольгѣ, то можемъ, по крайней мѣрѣ, отсюда извлечь нѣкоторое указаніе на то, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать источника (или одного изъ источниковъ) нашего былиннаго сюжета. Оба разсказа о встрѣчѣ съ пахаремъ (русскій и персидскій) восходятъ въ концѣ концовъ къ общему весьма отдаленному и древнему источнику, который, быть можетъ, впослѣдствіи удастся найти». Данный поводъ вызвалъ автора въ заключеніи статьи еще къ одному замѣчанію о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. По словамъ его, Микула Селяниновичъ въ нашемъ эпосѣ есть фигура эпизодическая, Вольга же—главная; разсказъ идетъ о похожденіяхъ Вольги, въ числѣ которыхъ была и встрѣча съ пахаремъ. Тоже можно сказать и о соотвѣтственныхъ персонажахъ приведеннаго въ статьѣ персидскаго сказанія объ Искандерѣ и чудномъ пахарѣ.

Какъ видимъ, Вс. Ѳ. Миллеръ, какъ и другіе фольклористы, довольно широко пользуется теоріей заимствованія сюжетовъ въ народномъ эпосѣ, но при этомъ твердо помнитъ самимъ имъ поставленный критерій для оцѣнки правильности ея примѣненія. Теорія заимствованія, по его словамъ, «имѣетъ всѣ права на вниманіе, но подъ двумя условіями: она приложима, во-первыхъ, въ такихъ случаяхъ, когда сравниваемыя сказанія у разныхъ народностей представляютъ слишкомъ близкое сходство въ деталяхъ, чтобы можно было это сходство объяснить эпическою случайностью, основанною на одинаковости психическихъ свойствъ людей вообще; во-вторыхъ, если заимствованіе однимъ народомъ у другого находятся въ связи съ историческими данными и можетъ быть прослѣженъ или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ шло вліяніе одного народа на другой». Намъ кажется, что именно памятованіе авторомъ этого критерія всегда облегчаетъ читателю принять ту или иную его гипотезу и руководствоваться ею при объясненіи предлагаемыхъ литературныхъ фактовъ далекой поры.

Гораздо труднѣе дается, по крайней мѣрѣ для неспеціалиста, усвоеніе указаній въ статьяхъ Г. Н. Потанина относительно связи сюжетовъ и темъ нашего народнаго эпоса съ сюжетами и темами монгольскаго. Статья его въ разбираемой книжкѣ *«Этнографическаго Обозрѣнія»—«Марья Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ»* въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Авторъ вліяніе востока на нашъ народный эпосъ находитъ часто не въ близко сходныхъ сказ-

кахъ съ тождественными темами и съ обиліемъ тождественныхъ подробностей, а въ всегдашней почти возможности той или другой отдѣльной чертѣ русской ли былины или сказки найти рядъ аналогій въ сказкахъ на довольно разнообразныя темы разныхъ монгольскихъ народовъ. При этомъ авторомъ обыкновенно довольно подробно приводится содержаніе безчисленнаго количества монгольскихъ сказокъ—и во всѣхъ ихъ деталяхъ неспеціалисту мудренно не запутаться. Приведя въ разбираемой статьѣ содержаніе русской былины о Марьѣ Лебеди Бѣлой и о Потыкѣ, а также русской сказки о Лебеди птицѣ, красной дѣвицѣ, и о Данилѣ Безсчастномъ, авторъ сперва доказываетъ, что, не смотря на различіе въ нравѣ Марьи Лебеди Бѣлой и Лебеди птицы, это все же одно и то же лицо. Затѣмъ каждой подробности въ данной былинѣ и данной сказкѣ онъ находитъ прототипы въ подробностяхъ множества монгольскихъ сказокъ. Далѣе изъ сличенія обсуждаемыхъ русскихъ произведеній съ сказками о дочери Морского царя въ монгольскомъ эпосѣ авторъ выводитъ, что былина о Марьѣ Лебеди Бѣлой повторяетъ тему восточныхъ сказокъ объ освобожденіи отъ змѣя, а сказка о Лебедѣ птицѣ, красной дѣвицѣ—тему о мудрости дѣвы. При этомъ отношенія русской былины о Марьѣ Лебеди къ монгольскимъ сказкамъ онъ представляетъ въ такомъ видѣ: «темы, входящія теперь въ составъ былины, ходили въ ордѣ отдѣльно, но то одна изъ нихъ, то другая приставали къ схемѣ о дочери морского царя, потому что въ народѣ жило сознаніе, что всѣ онѣ относятся къ одному этому персонажу. Въ одной редакціи онѣ укрѣпились всѣ вмѣстѣ, и эта редакція зашла въ Россію подъ видомъ былины о Марьѣ Лебеди Бѣлой». Полной убѣдительности приводимые авторомъ доводы не имѣютъ для читателя, хотя и слишкомъ ясно, что и данный былинный и сказочный сюжетъ не туземно-русскій, а представляетъ собою одну изъ многихъ странствующихъ международныхъ темъ, получившихъ послѣ долгаго повторенія ея сѣверными русскими сказителями великорусскій характеръ.

Кромѣ трактуемаго въ настоящемъ № «Этногр. Обозрѣнія» вопроса о былинахъ, связанныхъ, какъ это теперь признано, съ нашимъ малорусскимъ югомъ, для насъ не малый интересъ представляетъ еще въ этой же книжкѣ матеріалъ этнографическій, предлагаемый нашимъ извѣстнымъ этнографомъ г. П. И. въ статьѣ *«Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ»*, предъидущія главы которой появились въ «Этногр. Обозрѣніи» ранѣе и отмѣчены были въ нашемъ журналѣ Н. Ѳ. Сумцовымъ. На этотъ разъ г. П. И. приводитъ народныя *ска-*

занія о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ и самымъ опредѣленнымъ образомъ констатируетъ фактъ вліянія на наши народныя сказанія и легенды и апокрифической литературы, и вообще книжнаго элемента. «Какъ средневѣковому философу или учителю церкви на западѣ, а частью и у насъ, пишетъ г. П. И., нерѣдко приходилось отвѣчать на самые разнообразные вопросы—религіозные, политическіе, общественные, даже естественно-историческіе, такъ точно и въ наше время простолюдины, особливо изъ числа грамотныхъ, обращаются иногда съ подобнаго рода вопросами къ священно-и церковно-служителямъ или къ учителямъ сельскихъ училищъ, отчасти изъ любознательности, а отчасти изъ желанія показать при этомъ и собственное знаніе». Указавъ затѣмъ, что для разрѣшенія всякаго рода «недоумѣнныхъ» вопросовъ писались въ древней Руси сборники вродѣ «Бесѣды трехъ святителей», авторъ припоминаетъ еще и «Евангелистскую пѣснь». «Дячку, дячку вывченый, на всѣ школы выбраный, — читаемъ въ ней, — повѣжджъ же намъ, що еденъ, а еденъ?» «Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ: еденъ то бувъ самъ Сынъ Божій, що надъ нами кралюе и кралеваць все буде». Затѣмъ въ порядкѣ слѣдуютъ вопросы: что два, что три и т. д. (Головацкій. Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси М. 1878, 146 и др.). Въ этой пѣснѣ нельзя не видѣть прямого указанія разряда лицъ, къ которымъ народъ обращался съ своими вопросами. При обычаѣ почерпать разрѣшеніе «недоумѣнныхъ вопросовъ» у духовенства, естественно въ народномъ міросозерцаніи сказывались иногда тѣ идеи, какія это духовенство само черпало у византійскаго источника, хотя, конечно, полной точности своимъ первоисточникамъ идеи эти не сохраняли. Попадаются поэтому въ народныхъ сказаніяхъ чуть не Платоновскія идеи, ибо и эти послѣднія пускались иногда въ ходъ духовными ораторами XVII вѣка въ ихъ «казаньяхъ».

Но и самъ авторъ статьи «*Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ*» не думаетъ, что источникомъ народныхъ сказаній была исключительно книжная премудрость духовенства; признавая воздѣйствіе на нихъ и иныхъ вліяній, авторъ отсылаетъ за уясненіемъ этихъ воздѣйствій къ работамъ Порфирьева, Веселовскаго, Сумцова и др. Особенно трудно было бы одними христіанскими апокрифами уяснить обильное проявленіе дуализма въ сказаніяхъ о сотвореніи міра. Трудно даже въ частныхъ случаяхъ по поводу того или другаго сказанія выводить проявленіе дуализма изъ какого-либо точнаго источника, напр. изъ богомильскаго ученія о мірозданіи. Заимство-

ваніе было бы въ такомъ только случаѣ доказательно, если бы народныя легенды наши о твореніи міра Богомъ и Сатанаиломъ только и имѣли параллели, что въ данномъ богомильскомъ ученіи, но разъ тѣ же разсказы оказываются и у финскихъ племенъ, и у полинезійцевъ Океаніи, и гдѣ угодно—тогда для происхожденія разсказовъ приходится искать иныхъ уясненій. Впрочемъ главное въ статьѣ г. П. И.— не объясненія, а матеріалъ этнографическій, матеріалъ же этотъ у него въ высокой степени интересенъ и носитъ вполнѣ мѣстный малорусскій колоритъ, что, конечно, могло быть слѣдствіемъ живого интереса народа къ проникавшимъ къ нему книжнымъ и инымъ сюжетамъ, а также слѣдствіемъ долгаго повторенія этихъ сюжетовъ въ своихъ сказаніяхъ именно малороссами. Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей приводимыхъ сказаній является отношеніе малоросса къ чорту. Г, Ивановъ говоритъ: «Чортъ постоянно вертится около человѣка, и поэтому, вѣроятно, его присутствіе потеряло для малоросса свое устрашающее значеніе. Безпокойная дѣятельность чорта, вѣчная и при томъ часто безполезная и напрасная суета его вызываетъ у любящаго спокойствіе хохла чувство нѣкотораго даже состраданія къ чорту и отчасти покровительственное отношеніе къ нему. Скажемъ болѣе того: непреклонная гордость чорта до того близка упрямству, что не можетъ не привлекать къ себѣ сочувствія со стороны малоросса». Что до языка приведенныхъ сказаній и легендъ, то, надо думать, не всѣ записыватели ихъ стремились къ точному воспроизведенію народной рѣчи, чѣмъ такъ выгодно отличались прежніе этнографы-собиратели. Во многихъ случаяхъ содержаніе народныхъ сказаній передано сотрудниками г. П. И. русской литературной рѣчью, а во многихъ хотя и по-малорусски, но со внесеніемъ собственныхъ поправокъ записывателей. Особенно много такихъ субъективностей рѣчи записывателя мы замѣтили въ сказкѣ о женѣ-волшебницѣ изъ сборника г. Иванова, которую въ данной книжкѣ «Этнограф. Обозрѣнія» цѣликомъ перепечаталъ г. Сумцовъ въ своей статьѣ «*былины о Добрынѣ и Маринѣ*»; подчасъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ этой сказки можно сказать, что они выражены не по-малорусски, а мало по русски. Конечно, необходимость торопиться съ собираніемъ этнографическаго матеріала ведетъ за собою подчасъ небрежное отношеніе къ языку, лишь бы успѣть уловить содержаніе записываемаго. Возвращаясь же къ малорусскимъ легендамъ, смѣло можемъ утверждать, что характерныя особенности малорусскаго народнаго міросозерцанія въ нихъ чувствуются и при несоблюденіи точности въ передачѣ языка разсказчиковъ.

Въ данной книжкѣ «Этногр. Обозрѣнія, окончена печатаніемъ и статья г. *Ветухова*[1]) «*Народныя колыбельныя пѣсни*». Мы уже отмѣтили, говоря о началѣ статьи въ прежней нашей рецензіи, симпатичныя стороны этой работы. Теплое отношеніе автораа къ народу, подчеркиваніе всего поэтичнаго въ собранныхъ и систематизированыхъ авторомъ произведеніяхъ — все это на лицо и въ этой второй статьѣ. Приводимыя здѣсь колыбельныя пѣсни, безъ разграниченія, какъ и раньше, малорусскихъ, великорусскихъ и бѣлорусскихъ, сгруппированы въ два отдѣла: 1) пѣсни съ значительнымъ лирическимъ элементомъ и 2) пѣсни на исторической подкладкѣ. Изъ толкованій автора намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ одно. Онъ говоритъ, будто мать въ пѣснѣ проситъ, чтобы Богъ далъ ея дитяти «въ головку тришкы» и мотивируетъ это «тришкы» ея опасеніемъ, «чтобы различныя размышленія и умственныя запросы не отвлекали крестьянина отъ тяжкой работы, доставляющей семьѣ насущный хлѣбъ». Сколько знаемъ, такого страха предъ «размышленіями и умственными запросами» у народа нашего нѣтъ, нѣтъ его, очевидно, и въ цитируемой авторомъ колыбельной пѣснѣ. Вотъ эта пѣсня:

Ой ты сны, росты,
У Бога счастя просы,
А Богъ тоби счастя дасть
И добрую годыну
Для малои дытыны
И ручки и нижки,
И въ головку тришкы.
Пошлы ему, Боже, сонъ,
Щобъ головка не болила
А серденько не щемило.

Ясно, кажется, что выраженіе «*въ головку тришкы*» есть только скромное выраженіе пожеланія о ниспосланіи дитяти великаго разума, выраженіе подобное тому выраженію, какое нерѣдко примѣняютъ къ умному человѣку: «а въ его таки йе трохи розуму». Дальнѣйшія выраженія «щобъ головка не болила, а серденько не щемило» ставятся въ пѣснѣ въ зависимость отъ сна, а не отъ того, что у человѣка будетъ мало разуму. Но конечно, это мелочь, нисколько не умаляющая общаго хорошаго впечатлѣнія, оставляемаго статьей г. Ветухова.

[1]) Въ рецензіи на прежнія книжки „Этн. Обозрѣнія“ (Кіев. Ст. Августъ 1892 г.), по случайному недосмотру г. Ветуховъ названъ Верховымъ.

Библіографическій отдѣлъ какъ всегда, очень богатъ въ „Этногр. Обозрѣніи». Въ этотъ разъ мы встрѣтили въ немъ и тщательно составленный г. В. Каллашемъ указатель этнографическихъ матеріаловъ и статей въ «Кіевской Старинѣ» съ начала ея изданія. Указатель доведенъ пока до 1887 года.

Я. Ш.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Вып. I—XV. Изд. Полтавскаго Губернскаго Земства. С.-Пб. 1889—1892.

Полтавское Губернское Земство, по примѣру Нижегородскаго, въ 1887 году обратилось къ проф. *Докучаеву* съ предложеніемъ взять на себя изслѣдованіе почвъ Полтавской губерніи. Сочиненіе, заглавіе котораго мы привели, представляетъ собою рядъ отчетовъ по таковому изслѣдованію, исполненному подъ непосредственнымъ руководствомъ проф. Докучаева гг. *Георгіевскимъ* (Полтавскій уѣздъ), *Левинсономъ-Лессингомъ* (Лубенскій), *Польновымъ* (Хорольскій и Константиноградскій), *Глинкой* (Роменскій и Лохвицкій) [1]), *Земятчинскимъ* (Зѣньковскій), *Богушевскимъ* (Гадячскій и Переяславскій), *Ферхминымъ* (кобелякскій), *Пироцкимъ* (Золотоношскій), *Бодиско* (Миргородскій), *Агафоновымъ* (Прилуцкій), *Выдринымъ* (Пирятинскій) и *Вернадскимъ* (Кременчугскій).

При изслѣдованіи почвъ Полтавской губерніи, по словамъ руководителя, имѣлось въ виду главнымъ образомъ ближайшее *научное* знакомство съ ихъ *природными* достоинствами и недостатками, и кромѣ того желательно было воспользоваться такимъ изслѣдованіемъ, конечно въ связи съ сельскохозяйственными и экономическими данными, для *равномѣрнаго обложенія земель* и установки главнѣйшихъ основъ къ *поднятію производительности мѣстныхъ почвъ*.

Въ каждомъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ 15 выпусковъ представлены оро-гидрографическій и геологическій очерки даннаго уѣзда, изложено описаніе отдѣльныхъ мѣстностей въ почвенномъ отношеніи, а также даны общіе выводы касательно *типовъ* почвъ уѣзда, причемъ эти типы охарактеризованы со стороны ихъ мощности, распространенія, условій залеганія, физическихъ свойствъ и химическаго состава.

[1]) Изслѣдованіе Лохвицкаго уѣзда было произведено г. Васильевымъ, но, за смертью его, описаніе сдѣлано г. Глинкой.

Общій сводъ изъ всего фактическаго матеріала, заключающагося въ вышедшихъ описаніяхъ уѣздовъ, будетъ сдѣланъ, по заявленію проф. Докучаева, въ заключительныхъ выпускахъ, куда войдутъ гео-ботаническій и климатическій очерки всей губерніи, а также—данныя объ общемъ характерѣ и сравнительной расцѣнкѣ почвъ ея. По выходѣ въ свѣтъ этихъ заключительныхъ выпусковъ мы не замедлимъ познакомить съ ихъ содержаніемъ.

А.

Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи покойнаго профессора А. А. Потебни.

Въ № 12-мъ прошлаго года напечатано было приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія преміи имени нашего покойнаго сотрудника, профессора *А. А. Потебни.* Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что въ «Кіевской Старинѣ» тоже открыта эта подписка.

Въ Конторѣ Редакціи продается только-что вышедшая книга

ДНЕВНИКЪ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ ЯКОВА МАРКОВИЧА
(1717—1767 гг.).

Изданіе «Кіевской Старины»
подъ редакціей *АЛ. ЛАЗАРЕВСКАГО.*

Часть 1-ая (1717—1785 г.). Кіевъ, 1893 г. (I—XVI; 1—329 стр.).
Цѣна 2 рубля. Книжнымъ магазинамъ обычная уступка.

Запоздавшій выходомъ Библіографическій указатель всѣхъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ въ теченіе 10 лѣтъ (1882—1891 гг.) будетъ приложенъ къ мартовской книжкѣ текущаго года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ редакція „Русской Старины“ дала столько интереснаго историческаго матеріала, что нынѣ, вступая въ двадцать четвертый годъ своего существованія, считаетъ излишнимъ распространяться по этому поводу Достаточно сказать. что богатый архивъ редакціи едва только тронутъ, и для будущаго, начиная съ 1893 года, остается масса самаго разнообразнаго и въ высшей степени интереснаго историческаго матеріала, заключающаго въ себѣ записки, мемуары и замѣтки лицъ, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, начиная съ скромнаго служителя алтаря сельской церкви до сановнаго государственнаго дѣятеля.

Въ программу „Русской Старины“ входятъ слѣдующіе отдѣлы: I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльн. событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біограф. достопамятныхъ русск. дѣятелей: людей государств. ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русск. литерат. и искуствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русск. писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русск. исторической литерат.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписки и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Подписная цѣна 9 рублей съ пересылкою

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ, въ конторѣ „Русской Старины“, Фонт. 145, кв. № 1; въ книжн. магаз.: Цинзерлинга; въ Москвѣ—въ отдѣлен. конторы: при книжн. магаз. П. Карбасникова (Мохов. д. Коха), И. Мамонтова (Кузн. мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—книжн. магаз.: А. Дубровина (Воскресенск. ул. Гостин. дворъ, № 1). Въ саратовѣ—при книж. маг. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книж. магаз. Н. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, 145.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВТОРОЙ.

Открыта подписка въ 1893 году на

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ".

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Изданіе Антикварной книжной торговли П. Шибанова въ Москвѣ.

По своей обширной программѣ „Библіографическія Записки" служатъ дѣлу правильной разработки отечественной библіографіи и представляютъ собою пособіе при изученіи русской и заграничной литературы и книжнаго дѣла. Въ нихъ помѣщаются статьи и изслѣдованія, посвященныя изученію жизни и дѣятельности писателей и лицъ, потрудившихся на пользу просвѣщенія, ихъ переписка, историческіе документы, касающіеся преимущественно печатнаго и книжнаго дѣла, обзоры и историческіе очерки извѣстныхъ книгохранилищъ, отзывы о новыхъ книгахъ, статьи о книжной торговлѣ русской и заграничной. Указатель новыхъ книгъ ведется въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ не появлялся ни въ одномъ журналѣ; дается подробный указатель журнальныхъ статей, съ перечисленіемъ всѣхъ рецензій о выходящихъ вновь книгахъ.

Въ каждомъ нумерѣ помѣщаются портреты, большею частію на особыхъ листахъ, снимки съ рукописей, копіи съ рѣдкихъ гравюръ и автографическія воспроизведенія.

Вслѣдствіе этого „Библіографическія Записки" являются журналомъ необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ съ доставкой и перес. 6 р. — к.	Кромѣ того для любителей будетъ
За границу . . . . . 7 „ — „	печататься 50 нумерованныхъ
На другіе сроки подписка не принимается	экземпляровъ на лучшей бумагѣ.
Цѣна нумера въ отдѣльн. прод. —„ 75 „	Цѣна такому годовому изданію
Съ доставкою и пересылкою . 1 „ — „	съ дост. и перес. . . . . 12 р.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (**Москва, Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова**) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи. №—1.

Открыта подписка на 1893 г. (4-й годъ изданія)

На ежемѣсячный общепедагогическій журналъ для школы и семьи:

„РУССКАЯ ШКОЛА",

издаваемый подъ редакціею Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ вышедшихъ въ текущемъ 1892 году книжкахъ помѣщены, между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ. Проф. А. С. Тра-

чевскаго. 2) Янъ Амосъ Коменскій. 3) Какъ я сдѣлался писателемъ? (Нѣчто въ родѣ исповѣди). Проф. Н. П. Вагнера; 4) Изъ пережитаго (въ Маріинской женской гимназіи). Д. Д. Семенова; 5) Объ отношеніяхъ умственнаго труда къ физическому. В. В. Гориневскаго; 6) Объ общественныхъ задачахъ образованія. П. Ѳ. Каптерева; 7) Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки. Я. Г. Мора; 8) Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половою жизнью человѣческаго организма. А. М. Калмыковой; 9) Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и въ школѣ. Д-ра А. С. Виреніуса; 10) Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Проф. Н. И. Быстрова; 11) Къ вопросу о физическихъ упражненіяхъ учащихся. А. Я. Чернышевой; 12) О задачахъ русской педагогики. М. И. Демкова; 13) Наблюденія надъ развитіемъ нравственнаго уровня дѣтей въ одной изъ начальныхъ городскихъ школъ. О. Х. Павловичъ; 14) Общественное воспитаніе дѣтей въ Парижѣ. А. С. Симоновичъ; 15) О безпризорныхъ дѣтяхъ и дѣтскихъ садахъ для нихъ. Е. М. Гаршина; 16) Педагогическое значеніе занятія фотографіей. Проф. Д. Н. Кайгородова; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 18) Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. М. Ю. Гольдштейна; 19) Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи въ связи съ вопросомъ объ ученическихъ сочиненіяхъ. Ю. А. Галабутскаго; 20) О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ. А. И. Анастасіева; 21) О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи. В. Б. Струве; 22) О составленіи учениками историческихъ альбомовъ. К. А. Иванова; 23) Народное образованіе во Франціи. А. С. Симоновичъ; 24) Новый прусскій законопроектъ относительно народныхъ училищъ 1892 г. К. Н. Модзалевскаго; 25) О санитарномъ состояніи школъ въ Московской губерніи. В. А. Крандіевскаго; 26) О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому профессіональному образованію. А. А. Ильина; 27) Въ чемъ нуждаются городскія училища и начальныя школы. А. Г—ина; 28) Городскія училища по положенію 31 мая 1872 года. К. К. Сенъ-Илера; 19) Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя. А. М. Тютрюмова.

Кромѣ того, въ вышедшихъ книжкахъ за текущій 1892 годъ заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій слѣдующихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Школы“ проф. Д. Ѳ. Бѣляева, проф. Ю. А. Кулаковскаго, проф. П. Ф. Лесгафта, А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, П. Г. Мижуева, А. Ѳ. Соколова, А. Г. Шалыгина и многихъ другихъ (всего болѣе 60 рецензій); обзоръ нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, а также цѣлый рядъ статей по хроникѣ народнаго образованія Я. В. Абрамова; Отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности; отчеты о засѣданіяхъ общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ „Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—ШЕСТЬ рублей въ годъ; съ доставкою 6 р. 50 к.; для иногородныхъ съ доставкою СЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу—ДЕВЯТЬ рублей въ годъ. Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ дѣлается съ подписной цѣны одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платы въ два срока.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бас-

сейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“ и Калмыковой.

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

За 1891 и 1892 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

№ 1. Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
въ 1893 году.

Въ 1893 г. „Извѣстія“ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сербіи).

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся въ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи.

4) Хроника извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи.

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи.

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ „Извѣстій“ за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующія статьи: „Данныя о городахъ Волжской Булгаріи“ П. А. Пономарева; „Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ“ Его же, „Древнія мѣдныя орудія въ Кавк. губ.“ А. А. Штукенберга, „Древности Костром. губ.“ Его же, „Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII в.“ А. А. Спицына, „Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи“ (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), „Мордва Историко-этнографическій очеркъ“ И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій), „Черемисы Арбанской волости“ Н. Троцкій, „Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губерніи“ А. Д. Смирнова, „Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у Зырянъ“ А. В. Красова, „Кара-Якубовская волость Белеб. у. Уф. г. б.“ И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложеній къ „Извѣстіямъ“ будутъ печататься двѣ серіи изданій:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. „Черемиско-русскій словарь“ В. П. Троицкаго, II. „Мордовско-русскій словарь“ М. Е. Евсевьева.

2) Археологическая библіотека Извѣстій“. 1. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. II р. съ нѣм.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

№ 1. Члены Редакціоннаго Комитета И. Смирновъ и А. Соколовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1893 ГОДУ

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящій 1-го числа каждаго мѣсяца.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь.	іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала. . .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи. .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки. Книгопродавцамъ уступка въ 50 к. съ годового экземпляра.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9, и въ отдѣленіяхъ Конторы; въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени и Н. П. Карбасникова.

Въ теченіе 1892 г. въ „Сѣв. Вѣстн.“ было, между прочимъ, напечатано:

„Золото“, ром. Д. Мамина-Сибиряка. Жена, пов. А. Чехова. Севилья, миражи, впечатлѣнія, легенды В. Немировича-Данченко. Законныя жены, очерки Ольги Шапиръ. Трупъ, разск. П. Боборыкина. Vae victis, отрывокъ неоконч. романа Софьи Ковалевской. Петербургскій случай, пов. К. Баранцевича. Грани жизни, ром. А Лугового. Общество грамотности, посмертный разск. Каронина. Передъ чѣмъ-то, П. Боборыкина. Обида, пов. А. Шеллера (Михайлова). Дневникъ Маріи Башкирцевой, пер. съ франц. Алія, ром. Леффлеръ ди-Кайянелло, перев. со шведскаго. Софья Ковалевская (Что я пережила съ нею и что она разсказывала мнѣ о себѣ), Леффлеръ ди-Кайянелло. перев. со шведской рукописи, М. Лучицкой. Статьи: Неурожаи въ Россіи и ихъ причины, Л. Весина. Открытое письмо Генри Джорджа къ Папѣ Льву XIII, проф. И. Янжула. Право и справедливость, проф. С. Муромцева. Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка, проф. Ѳ. Леонтовича; Криминаль-

ная антропологія; проф. В. Чижа. Наканунѣ новаго столѣтія, проф. Алексѣя Веселовскаго. Объ усталости, М. Манасеиной; Двадцатипятилѣтіе передвижниковъ, Вѣнская музыкально-театральная выставка и др. В. Стасова. Кавалеры и круглоголовые, проф. Максима Ковалевскаго. Врагъ съ Востока, Влад. Соловьева. Борьба растеній съ засухой, проф. К, Тимиразева. Генрихъ Ибсенъ и его пьесы, Н. Минскаго. Судебная фотографія, И. Щегловитова, и друг. Стихотворенія: А. Жемчужникова, Н. Минскаго, Влад. Соловьева и друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной отдѣлъ. 2) Земскій отдѣлъ И. Бѣлоконскаго. 3) Провинціальная печать, (4 Новыя книги, 5) Письма изъ Америки, В. Макъ-Гаханъ. Письма изъ Парижа, Роберъ де Серизи, Письма изъ Италіи, Л. Рускина. 6) Внутреннее обозрѣніе. 7) Политическая лѣтопись проф. А. Трачевскаго и 8) Литературныя замѣтки А. Волынскаго.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ слѣдующія лица:

М. Н. Альбовъ, А. Л. Волынскій, Л. Я. Гуревичъ, Л. А. Полонскій, А. П. Субботинъ и А. С. Трачевскій.

Издательница Л. Я. Гуревичъ Редакторъ М. Н. Альбовъ. №—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1893 Г. НА

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

4-й годъ и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, Изданія.

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабрично-заводской промышленности, желѣзныхъ дорогъ и т. п. промышленныхъ предпріятій. 2. Машиностроеніе и механическое дѣло. 3. Механическія производства, ручная и машинная обработка металловъ, дерева, волокнистыхъ матеріаловъ и проч. 4. Химическія производства. 5. Желѣзнодорожный отдѣлъ. 6. Архитектура.—Инженерное и строительное искусства. 7. Электро-техническій отдѣлъ. 8. Санитарное дѣло. 9. Кустарный отдѣлъ. 10. Графическія искусства. 11. Техническое образованіе. 12. Обозрѣніе дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ. Біографіи съ портретами выдающихся дѣятелей техники и промышленности. 13. Критика и библіографія. 14. Смѣсь: Техническія замѣтки о новостяхъ техники, рецепты совѣты, описанія различныхъ новыхъ составовъ и средствъ, патентованныя и секретныя средства и пр.—Для выполненія упомянутыхъ выше отдѣловъ программы Редакція обезпечила себя солиднымъ контингентомъ постоянныхъ сотрудниковъ изъ числа профессоровъ и преподавателей техническихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также практическихъ дѣятелей, занимающихся на русскихъ и заграничныхъ фабрикахъ, заводахъ и въ др. промышленныхъ учрежденіяхъ. 15. Справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности. Торговыя и статистическія свѣдѣнія; данныя о спросѣ и предложеніи. Свѣдѣнія о новыхъ привилегіяхъ. 16. Объявленія въ текстѣ и въ видѣ особыхъ приложеній.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ фабрично заводскимъ производствамъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщаемыхъ въ нихъ статей и даетъ возможность своимъ читателямъ пользоваться массою полезнаго необходимаго и дорогаго, многимъ недоступнаго матеріала.

Контора изданія (коммерческій отдѣлъ) оказываетъ всѣмъ гг. подписчикамъ возможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, по выпискѣ книгъ, образцовъ разныхъ издѣлій, машинъ, инструментовъ и пр.

Къ журналу прилагаются: чертежи, книги и брошюры спеціальнаго характера

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой—16 р.; на полгода 9 р.
Учащіеся въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 25%.
Допускается разсрочка подписной платы по четвертямъ года.
Адресъ Редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.
№—1. Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. Казначеевъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

на самую большую и самую распространенную на югѣ Россіи

ежедневную

Политическую, Литературную, Научную, Обществен. и Коммерческ. Газету

„Одесскія Новости“

Отъ редакціи. Провинціальная печать завоевываетъ себѣ все большее значеніе Въ этомъ есть и хорошая, и дурная сторона: преобладаніе провинціальной прессы полезно для мѣстныхъ вопросовъ и для защиты мѣстныхъ въ, ленрес но оно угрожаетъ суженіемъ кругозора читателей, если ограничить его одними мѣстными интересами; чтобы этого не случилось, провинціальная газета должна представлять стройное объединеніе мѣстнаго съ общерусскимъ, общеевропейскимъ и общечеловѣческимъ. Она легко можетъ достигнуть этого, и такую именно цѣль мы ставимъ нашей газетѣ, разрабатывая въ передовыхъ статьяхъ, фельетонахъ и постоянныхъ корреспонденціяхъ, какъ мѣстныхъ, такъ и со всѣхъ концовъ земнаго шара,—мѣстныя, областныя событія, происшествія, вопросы и интересы, а въ тоже время, давая подробнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ сторонахъ матеріальной и духовной жизни остального міра. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ), переносимъ, такъ сказать, читателей какъ въ самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія, и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающихся въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городского управленія, педагогіи, науки и т. п.

До настоящаго времени мы встрѣчали широкую поддержку со стороны публики, поддержку, позволившую намъ въ 3 года съ 2000 экземпляровъ, расходившихся въ началѣ нашего изданія, достигнуть 12,000 экземпляровъ. Позволяемъ себѣ напомнить, что эта поддержка не осталась безплодной для нашихъ читателей каждый шагъ нашего матеріальнаго успѣха сопровождался новыми и дорого стоющими улучшеніями и весьма крупными затратами (увеличеніе формата, а стало

быть, и матеріала газеты почти въ $1^1/_2$ раза, печатаніе на ротаціонной машинѣ Маринони, позволяющей выпускать номера ранѣе прежняго въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ, введеніе въ газету рисунковъ, приглашеніе сотрудниковъ изъ среды столичныхъ писателей и т. п.). Такимъ образомъ, наше прошедшее ручается читателямъ за будущее, доказывая опытнымъ путемъ, что и впередъ мы будемъ употреблять нашъ матеріальный успѣхъ на пользу самаго дѣла, т. е. на дальнѣйшее усовершенствованіе газеты, какъ во внѣшнемъ, техническомъ, такъ и во внутреннемъ, литературномъ отношеніи, въ полнотѣ и изобиліи свѣдѣній и статей, приближаясь по мѣрѣ возможности къ нашему излюбленному идеалу газеты.

Въ газетѣ „Одесскія Новости“ помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы, искусства, науки и техники. Кромѣ спеціально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-техническій фельетонъ. Все это иллюстрируется цинкографическими портретами и рисунками. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подписчикамъ иллюстрированный „Дѣтскій нумеръ“, содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ „Одесскихъ Новостяхъ“ областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ достав. и пересыл. въ друг. города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 4 „	5 „ — „
На годъ	7 „ — „	На годъ	8 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ Гл. Конт.: Ланжероновская ул. (Пале-Рояль), с. д.

ГОДЪ II. **„МІРЪ БОЖІЙ“** ГОДЪ II.

Литературный и научно-популярный журналъ для юношества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

Въ текущемъ 1892 году въ журналѣ было, между прочимъ, помѣщено слѣдующее по беллетристикѣ: Д. Мамина-Сибиряка: „Зимовье“, „Отъѣздъ“, „Шарлатанъ“, „Послѣдняя треба“, повѣсть И. Потапенки „Земля“, повѣсть А. Шеллера-Михайлова „Трудные годы“, разсказъ Е. Коваленской „Валетка, „Въ чемъ же счастье“ повѣсть Бѣлавина, „Чортово болото“, повѣсть Жоржъ-Зандъ, „Непонятная“ повѣсть Э. Ожешковой, Вамирэхъ“, романъ изъ врем. каменнаго вѣка—Рони. Разсказы Киплинга. Въ приложеніи помѣщены 2 романа: „Сайласъ Марнеръ“ Джорджъ Элліотъ и „Тьма и разсвѣтъ“, историческій романъ Фаррара. Изъ научно-популярныхъ статей: „Сократъ и его время“, историческій очеркъ Д. Сиповскаго. „Этографическіе очерки“, проф. Ю. Петри. „О драмѣ“, Ив. Иванова, его же „Идеи и люди сово-

ковыхъ годовъ", „О Кольцовѣ", В. Острогорскаго, „Въ поискахъ за истиной", очеркъ по астрономіи Н. Рубакина, „Прошедшее и настоящее химіи" проф. Гольдштейна. „Финляндія, страна и народъ", Е. Водовозовой, „Растенія-животныя и животныя-растенія" д-ра Шуль, „Мильтонъ и Кромвель" д-ра Штерна, „Зороастръ и его ученіе" проф. Всев. Миллера.

Журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ. Подписка принимается въ Петербургѣ, Литовка, — 25—8, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Подписная цѣна безъ доставки 6 р., съ доставкой и пересылкой въ Россіи 7 р., за границу 10 руб.

Подписка на 1892 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

Издательница *А. Давыдова.* Редакторъ *Викторъ Острогорскій.* № 3.

Вышла первая (январьская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Содержаніе: I—Литературныя воспоминанія. Продолженіе.—Д. В. Григоровича. II—Наши люди. Повѣсть.—П. Д. Боборыкина. III—Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Ихъ переписка). IV—Стихотвореніе.—В. С. Соловьева. V—Космополитъ. Романъ Поля Бурже. Переводъ съ французскаго М. Продолженіе. VI—Пойдемъ за нимъ! Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. VII—Стихотвореніе.—С. Г—та. VIII—Вопросъ о подоходномъ налогѣ въ Россіи.—Л. В. Ходскаго. IX—Мурманскій берегъ, его обитатели и промыслы.—Н. В. Максимова. X—Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій.—П. Н. Милюкова.—XI—Объ основныхъ идеяхъ нашего вѣка. (Маленькая замѣтка о великомъ вопросѣ).—О. Т. В. XII—Вопросъ о воспитаніи во Франціи.—А. В. П. XIII—Клемансо.—З. Ѳ. Д. XIV—Умная книга. (Критическія статьи. Современникъ, 1854—1861 гг.).—М. А. Протопопова. XV—Текущая жизнь. (Размышленія, наблюденія и замѣтки).—Провинціальнаго наблюдателя XVI—Литература и жизнь.—Н. К. Михайловскаго. XVII—Внутреннее обозрѣніе. XVIII—1892 годъ въ политическомъ отношеніи.—В. А. Гольцева. XIX—Современное искусство.—Ан. XX—Научный обзоръ: Земство и агрономія.—А. Ѳ. Фортунатова. XXI—Макарьевское попечительство. (Изъ исторіи недавняго голода).—А. И. Эртеля. XXII—Письмо въ редакцію.—В. Я. Бахтеярова. XXIII—Библіографическій отдѣлъ. Объявленія.

При настоящей книжкѣ для новыхъ подписчиковъ прилагаются: начало литературныхъ воспоминаній Д. В. Григоровича и первая глава романа Бурже „Космополисъ". Начало романа Г. А. Мачтета „На зарѣ" будетъ приложенъ при той книжкѣ, въ которой будетъ напечатано окончаніе.

Принимается подписка на 1893 г, (четырнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи. . .	12 р.	9 р.—к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. —к.
За границу.	14 „	10 „ 50 „	7 р.	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Допускается разсрочка при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочка не допускается. Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Леонтьевскій, 21. Въ С-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°. Невскій.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.* № 1.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТ. Харьковскаго Университета

(Адресъ редакціи: Харьковъ, Университетъ).

Выходятъ четыре раза въ годъ: 1-го Января, 1-го Марта и 1-го Ноября.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть оффиціальная: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть неоффиціальная: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія. публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.). г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5. руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.* № 1.

ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

„Русская Жизнь“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемирный историчнскій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяцъ—3 р., 1 мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 к.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе октября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднимъ, желающимъ ознакомиться съ „Русской жизнью“, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за восемь семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.

№ 2. Редакторъ-Издатель А. Пороховщиковъ.

НАЙМЫЧКА поэма Т. Шевченка (32 стр). отпечатана новымъ изданіемъ въ Харьковѣ и продается въ бюро Харьковскаго Общества сельскаго хозяйства (Екатеринославская ул., № 33). Цѣна: 1000 экземпляровъ—6 руб,. 100 экземпляровъ—1 рубль.

Пересылка на счетъ покупателя; вѣсовыхъ на сотню—за 4 фунта.

№ 1.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

57, 58 и 59 выпуски

(Ленстеръ—Лохъ).

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изд. бывш. т-ва А. Гарбель и К°.

(Москва, Большая Никитская, Долгоруковскій переулокъ, д. 8).

Въ текстѣ помѣщены: 36 рисунковъ и 18 портретовъ.

Цѣна выпуску (съ перес). на обыкновенной бум. 30 к., на лучшей бум. 40 к.; цѣна тому въ переплетѣ на обыкновен. бум. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ 6 р.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ) и будетъ закончено въ 1893 году.

Подробные проспекты для ознакомленія съ изданіемъ высылаются по требованію безплатно.

Гг. служащіе въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкой за поручительствомъ казначеевъ.

нашему и недоежджая оного, осмотрували новой прорви, которая здѣлалася отъ Сулаку въ озера, але еще не силна, бо недавно, а будетъ верстъ зо двѣ отъ крѣпости.

Понеделокъ. 28. Сегодня рано были мы у генераловъ, обѣдали у генерала Кропотова, а по обѣдѣ ездили мы въ старую крѣпость, где були у Сойманова, а оттуду у Василя Гамалѣи, именинника, и просидѣли тамъ долго, играли у карти зъ Еропкиномъ и Мерзлюкиномъ; въ ночѣ пріехалисмо въ новую крѣпость и вечерали у Еропкина. Еропкину полковнику далемъ доношеніе, чтобъ пашпортъ данъ былъ слузѣ моему Алексѣеви въ Астрахань ехать. Дебриней пріехалъ зъ прорви.

Вовторникъ. Мѣсяць мартъ. 1. Сегодня татарчуку Думаеви имя далъ священникъ протопопъ здешній, Платона, и огласилъ оного ко крещенію, о которомъ такъ и въ рапортѣ написалемъ. Обѣдалисмо у себе зъ Тарновіотомъ, а передомъ были у мене обозній прилуцкій и сотникъ сенецкій и дали писма свои, чтобъ я включилъ въ свои въ домъ. Мартинъ повернулся зъ лагера и объявилъ, что за горѣлку отобралъ 42 руб., 26 а. и 4 д., а столько жъ еще отъ полковниковъ наказнихъ лубенского и полтавского доводится.

Середа. 2. Сегодня были ми у генераловъ обоихъ, а обѣдали зъ полковникомъ Еропкинимъ у генерала Шереметева. Надъ вечеръ были ми у Еропкина и посидѣли тамъ, а я игралъ зъ полковникомъ Еропкинымъ въ шахмати и виграл, а онъ безъ ферза игралъ; а оттуду прійшовши, застали у себе Худолѣя, которій и ночовалъ у насъ.

Четвер. 3. Сегодня былъ я рано у генерала Шереметева, где и пашпортъ получилъ слузѣ своему Алексѣю въ Астрахань зъ поворотомъ. У вечеру былъ у насъ капитанъ Гіонетъ и игралъ со мною въ пѣкетъ. Зачулемъ отъ генерала Шереметева, что гекботъ прійшолъ къ пристани аграханской, а откуду неизвѣстно. Генералъ Грузинскій, зъ Астраханѣ сюда пріехавшій, землею поехалъ въ ретранъжаментъ, а оттуду кверсомъ въ Гилянъ, черезъ которого писалъ я до Маслова коменданта гилянского, Александра Григор.

Пятокъ. 4. Сегодня были ми на службѣ Божой у великой церквѣ, а п. Михайло, передомъ бувши у Еропкина, отдалъ доношеніе о пашпортѣ слузѣ Гаврилови, которій мѣетъ въ домъ послатись зъ поворотомъ его сюда. По обѣдѣ были у насъ Стефанъ Гамалѣя и Григорашъ, а потомъ капитанъ Якобинъ, зъ которимъ игралъ я въ шахмати и виграл, а капитани Гіонетъ и Макарти, тутъ же прійшовшіи, играли въ ломбаръ зъ п. Михайломъ.

Субота. 5. Сегодня былъ у генерала Шереметева рано, а по службѣ обѣдали у себе зъ Худолѣемъ; по обѣдѣ ходили до крѣпости старой, а оттуду до обозного прилуцкого, где посидѣвши доволно, повернулись. Прорва загачена совсѣмъ.

Неделя. 6. Сегодня рано былъ я у генерала Шереметева, а по службѣ у Еропкина; обѣдалы у себе зъ Кандибою, Тарновіотомъ, Григорашомъ и Худолѣемъ. Зъ Кабарди до гг. генераловъ принесенно писмо и отъ солтанъ Мамута. Ходили мы до старой крѣпости и видѣли умножившуюся воду въ Аграханѣ. Повернувшись оттуду, былемъ у Еропкина, которій въ разговорѣ со мною говорилъ о чолобитной нашой. Писалемъ писмомъ до обозного прилуцкого о меду моемъ, зъ Астрахани отъ Демяна сюда посланномъ черезъ Федора Волошина, атамана опошнянского, сюда посланнимъ, але насъ недошедшимъ.

Понеделокъ. 7. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ. Полковникъ Дебриней пріехалъ зъ прорви. Надъ вечеръ, я бувъ у капитана Якобина и просилъ его жени быть воспріемницею моему татарчукови, а назадъ поворочаючись, стрѣлъся зъ капитаномъ Оздорфомъ, зъ которимъ и другими офѣцерами прійшолемъ до своей квартири.

Вовторникъ. 8. Сегодня татарчукъ мой Платонъ крещенъ, а воспріемникомъ былъ я и жена Якобина. Полковникъ Еропкинъ сегодня по полудню пошелъ въ партію въ тисячномъ числѣ рекгулярнихъ, а зъ нимъ подполковникъ Сомовъ и маіоръ Мерзлюкинъ. Ходилисмо до старой крѣпости и тамъ у Миклашевскихъ посидѣвши, назадъ прійшлисмо до своей квартири. Кума дала мнѣ хуетку, а я ей червоного..

Середа. 9. Сегодня обѣдалъ я у генерала Шереметева, а по обѣдѣ ходилъ до Дебринея и тамъ позабавивши, прійшолъ до своей квартири. Худолѣй ночовалъ у насъ.

Четвер. 10. Полковникъ Аракчѣевъ, а при немъ молодиковъ нашихъ два, Гаврило да Алексѣй, поехали зъ крѣпости ст. Креста въ Астрахань, откуду Гаврило мѣетъ ѣхать въ Украину, а Алексѣй сюда повернется. Черезъ Гаврила писалемъ до ясневел., брегад. и прокур. и род., о поведеніи нашомъ; до род. приложено, чтобъ Гаврилу, когда будетъ назадъ поворочатись, придано козаковъ два до Царичина чили сторожовъ. Гаврилу п. Михайло далъ 12 р. да черезъ его жъ писалъ я до брата Семена, до Василя Жуковского и до жени, чтобъ поспѣшалась виправа и зъ шваграми пресѣкла вражду. Алексѣю далемъ на покупки 9 р., да черезъ его жъ писалемъ до архиерея астраханского, до Полянского, п. Федора Марковича, до Якубовича и до Демяна о немедленномъ Алексѣя сюда поворотѣ, о висилцѣ сюда провіянта и остановцѣ оного малого числа тамъ, о баранкахъ, о колмичатахъ и протчемъ; ему жъ Алексѣеви далемъ наказъ, що мѣетъ спорадить тамъ и жебы болше 5 денъ не бавилъ въ Астраханѣ, а скоро сюда поворочался. Аракчѣеву далемъ писмо одно до князь Михайла Михайловича (Голицына) писанное отъ мене, а отъ обоихъ, другое, до Петра Андрѣевича (Толстаго). Получилемъ писмо отъ Якубовича зъ Астраханѣ 5 февр. ко мнѣ отправленное, въ которомъ ознаймуетъ цедулою, что Безобразовъ полковникъ и капитанъ Гуревъ уехали въ Москву и что надъ бунчуковими въ Астраханѣ обрѣтаючимися, дана коменда Стефану Миклашевскому, которій по всякъ день репортуетъ генерала порутчика Матюшкина, и что онъ, Якубовичъ, Томара, Дорошенко, Ширай, Галенъковскій, мѣютъ сюда своею волею пріехать; и что архиерей двохъ калмичонковъ мнѣ приготовилъ, которихъ онъ и видѣлъ. Обѣдалисмо оба и Худолѣй у генерала Кропотова. Худолѣй ездилъ до лагеру, черезъ которого еще о капустѣ, петрушцѣ и протчемъ приложилемъ, жебы купить въ Астраханѣ Алексѣеви. Пушкара полкового отъ рекгулярнихъ, поѣхавшого въ поле, напавши татаре зрубали. Ночовалъ у насъ Худолѣй.

Пятокъ. 11. Сегодня рано пріѣхалъ отъ Еропкина полковника зъ партіи Демяновъ зъ писмомъ къ генераламъ, въ которомъ ознаймуетъ, что ему помислно поводилося и немалое число всякого скоту загналъ, о чомъ будетъ нижей означено. Козаки яицкіе, ездившіе зъ капитаномъ Неплюевимъ до Астраханѣ, повернулись оттуду и сказовали про Неплюева, что оній удержанъ отъ генерала порутчика Матюшкина, а вмѣсто его посланъ другій офѣцеръ въ П. Бурхъ зъ извѣстіемъ о походѣ другомъ генералномъ. Андрей Миклашевскій былъ у насъ, зъ которимъ у службѣ Божой былисмо. Ревѣдовалемъ Вѣжевского въ росхожихъ денгахъ. Снѣгъ при заходѣ слонца началъ ити и холодно было. Худолѣй ночовалъ.

Субота. 12. Сегодня були мы у генерала Шереметева рано, а обѣдали у себе зъ Тарновіотомъ и Худолѣемъ. Полковникъ Еропкинъ, ходившій въ партію, повернулъся сюда и сказовалъ, что былъ онъ за Тарками недалеко ущелля карантацкого, где занялъ 3 табуна лошадей, а между тими жеребцовъ и кобилъ зъ лошатами около 700 или и болшъ, всѣхъ, да въ томъ же числѣ и собственнихъ шафкалскихъ многое число; между якими многие наши лошадѣ отогнанніе и мой ступакъ половій показалися; тогда жъ у татаръ, тамъ же, отогналъ онъ же товару рогатого штукъ 190 и овецъ болшъ 1000, при якихъ табунахъ и другой скотинѣ, убито татаръ около 50 чловѣка, а одного хлопца живцемъ взяли, да онъ же полковникъ сказовалъ, что синъ шафкалскій Будай былъ тогда въ Таркахъ въ 40 чловѣкахъ и пѣши въ гори увойшолъ, оставивши одежду свою и нѣсколко сѣделъ, про которого въ тотъ часъ наши не вѣдали. Ранено тамъ зъ нашей сторони чловѣка 2, колмикъ, одного донского козака да одного служителя генерала Кропотова. Онъ же полковникъ Еропкинъ сказовалъ, что получилъ онъ писма отъ князь Михаила Михаиловича Голѣцина и Григорія Петровича Чарнишева къ нему писанніе, въ якихъ обнадежуютъ его, что онъ отсюду будетъ свобожденъ и о всей комендѣ его князь Голѣцинъ мѣлъ доношеніе послать въ воинскую колегію. Худолѣй ночовалъ. Болѣлъ я тяжко на лоно и всю ночь страждалъ.

Неделя. 13. Сегодня да вчора приключившоюся болѣзнію, никуда не ходилъ, а обѣдалисмо у себе зъ Трощинскимъ и Худолѣемъ. По обѣдѣ приходилъ до насъ обозній прилуцкій, а у вечеру капитанъ Шидловскій. Кобили, конѣ и жеребята, пригнанніе зъ партіи, раздѣляли на генералитетъ, штапъ и другихъ офѣцеровъ. Тако жъ на рекгулярнихъ и на нерекгулярнихъ всякихъ на 1000 чловѣка по 50 коней опредѣляли. Получилъ я зъ Астраханѣ писма отъ Демяна 8-го февр. писанніе двѣ, въ которихъ ознаймуетъ, что у его взято 5 р. тамъ и запечатано водку.

Понеделокъ. 14. Сегодня полковникъ Еропкинъ прислалъ ко мнѣ ступака моего полового, которого въ партіи отъ татаръ отогнали, який прежде бывши на прорвѣ февр. 3-го отогнанъ зосталъ былъ. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а по обѣдѣ были у полковника Еропкина, у полковника Квѣтки и у Тарновіота, а потомъ прійшолъ я до квартири. Полковникъ Дебриней пріехалъ зъ прорви и былъ у насъ на квартирѣ. Зъ прорви жъ пріехалъ машталѣръ мой литвинъ Юско и сказалъ, что конь гнѣденкий, которого татаре не могли загнать зъ протчіими, за его приставствомъ здесь, и другий буланий здичать (?) готуется. Дефаршъ коня вороного кучеравого прислалъ назадъ ко мнѣ, которого я ему зъ пріезду моего подарилъ, того ради, что онъ готуется ехать до Астраханѣ зъ Дебринеемъ.

Вовторникъ. 15. Сегодня рано былъ я у генераловъ и полковника Еропкина, а обѣдали у себе зъ Худолѣемъ и штирманомъ морскимъ Норовымъ... По обѣдѣ ходилисмо до старой крѣпости, а оттуду ворочаючись, зайшли запрошенни до комисара Шепшина, оттуду до Дебринея, зъ которимъ на валъ ходилисмо, а потомъ на нашу квартеру, где посидѣли доволно. Князя Дергелинского горского братъ приехалъ съ синомъ его княжимъ малчикомъ сюда.

Середа. 16. Сегодня былъ я у генераловъ Кропотова и Шереметева, а обѣдалъ зъ п. Михаиломъ у полковника Еропкина. Худолѣй ночовалъ. Сими многими днями тепло зъ погодою великое было, такъ якъ у насъ о тройци буваетъ.

Четверъ. 17. Сегодня обѣдалисмо у себе, а зъ нами Худолѣй и Тарновіотъ. По обѣдѣ ходили до Шереметева, а оттуду

зайшли до Дебринея, у которого въ карти погравши прійшли до своей квартири. Сегодня извѣстно намъ стало, что аулнихъ татаръ партія пойшла на шафкала. Худолѣй ночовалъ у насъ и подштирманъ Норовъ, пянъ прійшовшій.

Пятокъ. 18. Сегодня получилъ я писмо отъ п. Федора Марковича зъ Астраханѣ, въ якомъ пишетъ, что Тернавскій и Полунѣцкій отпущени въ Малую Россію, а протчіимъ неслишно отпуску; до которого отписалемъ о собѣ, ознаймуючи и листъ другій приложилемъ до Алексѣя, чтобъ онъ прикупилъ еще овса четвертей 5, хрѣну и вина и армудовъ (?), и о колмичатахъ, и о покупкѣ на составленіе sap. migaѣ. Кропотовъ генералъ присилалъ сюда сина своего Семена ко мнѣ, просячи для болной генералши вина ренского, которого въ бутилцѣ далъ.

Субота. 19. Былъ я рано у генерала Шереметева, а обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Трощинскимъ. Полковникъ Еропкинъ получилъ писмо отъ маіора Аргарова зъ прорви писанное, что татаре 3-го часа ночи отогнали у донскихъ и яицкихъ козаковъ 360 лошадей противъ суботи, зъ якими конми послани они были въ Гребени, а козаковъ были 106 чловѣка, а зверхъ тихъ лошадей исцѣлѣли, у приколля бывшіе 116 числомъ. Мартинъ за вину свою наказанъ, а водка и вино врученно Вѣжевскому, его жъ калкуліовано въ денгахъ,которихъ въ пріемѣ показалось 496 зол. и 9 шаг., а въ расходѣ 350 зол. и 7 шаг., отобралемъ у его оставшихся 30 р. Худолѣй ночовалъ. Масу лѣкару далемъ 5 таляровъ бытихъ.

Неделя. 20. Сегодня былъ я рано у генераловъ, а по службѣ Божой былъ у насъ харковскій полковникъ, а потомъ зъ нимъ же обѣдалисмо у генерала Шереметева. Коня рижого купилемъ у капитана Волжинского за 12 р. Писма писалемъ до князь Михайла Михайловича зъ прошеніемъ о ходатайство, взглядомъ отпуску моего до полковника ахтирского и до родителя, а писма оніе включени въ пакетъ Еропкина полковника, которій онъ посилаетъ въ Астрахань черезъ своего человѣка. Писма другіе въ Астрахань писанніе до дядка п. Федора и до Алексѣя, Івану Кулябцѣ, теперъ отпускаючомуся въ Астрахань, отдалемъ черезъ Худолѣя, о якихъ

намѣнилемъ числа 18-го сего мѣсяца. Противъ понеделка ополночи, генералша Кропотова, Устина, преставилася. Татаре аулніе, ходившіе въ партію, повернулися.

Понеделокъ. 21. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ. Погребеніе генералши Кропотовой было передъ вечоромъ, спѣваніе по малороссійску, при собраніи многомъ, и поховано оную въ церквѣ великой, по лѣвой сторонѣ, при дверахъ западнихъ. Прапорщикъ казанского полку Биримовъ померъ, которого при церквѣ погребли зъ стрелбою трикратною 56 драгунъ. Еропкину послалемъ барило водки двойной.

Вовторникъ. 22. Сегодня рано полковникъ Дебриней отехалъ въ Астрахань, отсюду до ретранжамента Аграханского шлюпкою, а до Астраханѣ ботомъ. Поварови Дебринея далемъ 5 зол. Черезъ Дефарша писалемъ до Якубовича о здешнемъ повоженню моемъ и листъ давнѣйший къ нему писанний, а тутъ завалившійся, ему жъ отданъ черезъ Григораша шаргородскаго. По обѣдѣ ходилемъ до Еропкина и тамъ посидѣвши, отойшолъ.

Середа. 23. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у себе зъ Терновіотомъ и Худолѣемъ. Андрушко за барилце отдалъ 23 зол., якіе Вѣжевскій отобралъ. Маркитанти пріехали зъ Дербенѣ, которіе сказовали про бусу мою, якобы стала розбита. Аулніе татаре, сказовалъ Худолѣй, будто другимъ разомъ загорнули у татаръ противнихъ на килка десятъ коней.

Четвер. 24. Сегодня по службѣ Божой заходилъ до насъ Мерзлюкинъ маіоръ и капитани Бакѣевъ и Уваровъ и выпивши водки, отойшли отъ маркитантовъ, зъ Дербенѣ пріѣхавшихъ. Получилемъ писмо Гаврила слуги, зъ Дербенѣ писанное 15-го марта, въ якимъ ознаймуетъ, что судно мое буса разбита у низовей, межи Дербентомъ и Бакою, и что мозурѣ порабовали багажъ безъ него тогда тамъ же, когда его взяли были татаре, на два днѣ, до владѣлца татарского.

Благовѣщеніе. Пятокъ. 25. Сегодня рано были мы у генераловъ и службѣ Божой, где многіе зъ значковихъ и другой старшини, такъ же и бунчуковіе, спѣвали на криласахъ, нарочно орде-

ромъ генералскимъ призванъніе. У генерала Шереметева пакетъ отъ Холодовича писанній до обозного прилуцкого, врученъ ономy жъ обозному, въ которомъ и ко мнѣ отъ Гаврила 3 писмѣ включенніе были, въ якихъ о бусѣ, же разбита ознаймуетъ и что мозурѣ шкоди въ грабежѣ учинили на 100 р., которіе потомъ поймани въ Дербенѣ и осажени за караулъ, до особливе пишутъ ко мнѣ атамани смѣловскій и чорнускій зъ комендою, тамъ же въ Дербенѣ обрѣтаючійся, что скудѣни они въ харчъ и одѣяніе. Ходилемъ у день до старой крѣпости и сидѣлемъ у Миклашевскихъ.

Субота. 26. Сегодня былисмо у генераловъ, а по службѣ Божой у Еропкина, потомъ у насъ обѣдали Худолѣй, Григорашъ, Голубъ и Самойловичъ, а мы у генерала Кропотова обѣдали, где и всѣ штапъ офѣцери кушали, понеже его именини были, Гаврила; по обѣдѣ у вечеру ходилъ я до Щербачова капитана, базаромъ завѣдуючого, который про кгрузинъ сказалъ мнѣ, что въ Дербенъ едутъ, а оттуду заходилъ до Шереметева. Худолѣй ночовалъ у насъ

Неделя. 27. Сегодня обѣдали мы у полковника Еропкина зъ Худолѣемъ. Полковникъ Еропкинъ сказовалъ, что 2 фѣскала подали генераламъ доношеніе на полковника Дебринея, въ томъ что онъ въ запруженню прорви много кошту государевого потералъ, безъ чего было можна обойтись и что прорву не онъ послѣдній сей разъ, але козаки малороссійскіе, 3 чловѣка, запрудили. Худолѣй ночовалъ у насъ.

Понедел. 28. Сегодня рано былъ я у генерала Кропотова и просилъ его о писмо до Юнкгера, коменданта дербенского, и полковника Андрея Томасовича, а потомъ ходили за городъ на ринокъ, откуду повернувшись зъ Тарновіотомъ, кушали у себе, а по обѣдѣ были у насъ маіоръ Мерзлюкинъ, Кочубей, капитанъ Шидловскій на малое время. На прорвѣ вода плотину стала знову портить, чего ради майстеровъ нашихъ малороссійскихъ, загативших оную, послано туда. На прорвѣ 3 чловѣка татаръ драгуни поймали, которіе были подъ табуни подлѣзли, якіе въ допросѣ сказали, что оніе владѣнія Чепанъ Шафкала и будто ишли на Кубань коней красть. Тулзаковъ былъ у насъ, зъ которимъ равномѣрно у шах-

мати игралемъ. Худолѣй ночовалъ. Подорожную получилемъ у Шереметева, Гудимови въ Дербенъ ехать.

Вовторокъ. 29. Сегодня рано былъ я генерала Кропотова, отъ которого, такъ же отъ Лѣцкина и Еропкина полковниковъ писма, до Юнкгера о помоществованіи людемъ моимъ, получилемъ. Обѣдалъ у насъ обозній прилуцкій, а по обѣдѣ приходили до насъ Панченко, Тарновіотъ и Григорашъ. Гудиму далемъ на дорогу грошей 3 р.

Середа. 30. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а передъ вечоромъ милися у лазнѣ въ квартирѣ Кочубеевой. Григорій Гудимъ поехалъ въ Дербенъ зъ Арменіномъ въ бусѣ его, а черезъ его писалемъ до Гаврила наставленіе пунктами, жебы онъ управился зъ работниками, багажъ спродалъ, если що есть, такъ же и снасть по бусѣ оставшую, албо остановилъ у кого зъ роспискою, покупки спорадилъ и сюда приездилъ; а буде тамъ не управится, то ехалъ бы въ Астрахань; о помоществованіи въ томъ ему зъ прошеніемъ писалемъ до полковника Андрея Томасовича, Юнкера, такъ же до Холодовича, Назаренка и Мокіенка. Ему жъ Григорію Гудиму данъ приказъ на писмѣ, о покупкахъ, а взялъ онъ зъ собою 94 фунта воску.

Четвер. 31. Сегодня рано ходилъ я до генераловъ, а обѣдалисмо у себе зъ Тарноліотомъ. Полковникъ Еропкинъ ездилъ зъ лекаромъ Масомъ до лагеру нашего осмотрувать болнихъ коменди своей, для отпуску онихъ въ Астрахань. Сегодня татаръ непріятелскихъ 300 чловѣка напали на прорвѣ на нашихъ драгунъ. 30 чловѣка и 8 козаковъ донскихъ, обездившихъ караулъ, и когда драгуне спѣшились, то и татаре зсѣвши съ коней, не всѣ, стрилляли на нашихъ и убыли нашихъ драгунъ 2, а 11 ранено, и 3 съ козаковъ, а коней драгунскихъ на томъ бою отогнали татаре зъ кулбаками 17.

Мѣсяць Априль. Пятокъ. 1. Сегодня неходилъ я никуда, но въ своей квартирѣ былъ.

Субота. 2. Сегодня обѣдали мы у генерала Кропотова, а у насъ Худолѣй и Тарновіотъ. Сотникъ сенецкій, полку лубенскогo, Кирило Криштоповъ померъ зъ горячки. Обозній прилуцкій былъ унасъ.

Цвѣтная неделя. 3. Сегодня по службѣ Божой кушалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Федоромъ Чуйкевичомъ. Андрушко вѣдругбе за бочонокъ водки отдалъ Мартину 24 зол. По обѣдѣ зъ крѣпости прійшлисмо къ берегу надъ Сулакъ зъ п. Михайломъ, Тарновіотомъ и Худолѣемъ, зъ которими я пожекгнавшись, поехалемъ шлюпкою Миклашевскихъ до лагера нашего и пріехалемъ сюда при заходѣ слонца и тутъ наметомъ сталемъ. Маіоръ Аргаровъ зъ прорви пошолъ въ партію.

Понеделокъ вел. 4. Сей день въ лагерѣ пробавилемъ въ наметѣ и зъ Федоромъ Чуйкевичомъ въ куренѣ. Слишно учинилось, что маіоръ Аргаровъ остановился и неишолъ въ партію. Посѣщалемъ Семена Чуйкевича и Василя Романовича, болѣзнуючихъ. Коменди полковника Еропкина нерекгулярной 1500 чловѣка опредѣлени къ роботѣ до крѣпости новой на валъ, где обрѣтались цѣлий тиждень.

Вовторникъ вел. 5. Сегодня зъ прорви пріехали машталѣре и коней привели. Кучеръ пригналъ зъ города 2 козѣ зъ 4 козенятами, Мартиномъ купленнихъ. Стефанъ Гамалѣя подарилъ мнѣ гордовину на чубукъ. Листъ до брата п. Семена, въ 12 листахъ затинаючійся, окончилемъ.

Середа. 6. Сегодня рано прійшолъ Потапъ зъ крѣпости и подалъ писма зъ Астраханѣ привезенніе, зъ которихъ едно било ко мнѣ отъ полковника ахтирского Лесевицкого, отпущено генвар. 11, въ якомъ ознаймуетъ, что мои писма отсюду отправленніе въ Ахтирку принесенни генвар. 2-го, а между тими жъ писмами одно отъ Стефана Миклашевского до Кандиби писанное, въ якомъ узнаймуетъ, что товариство въ Астраханѣ обрѣтаючееся не похотѣли до складки грошевой пристати и что г. генералъ Матюшкинъ обѣщался до своихъ друзей въ П. Бурхъ о насъ писать и что милостивъ показуется. Андрею Трощинскому далемъ пшона мѣшокъ.

Четвер. вел. 7. Капелянъ тутейшій занемоглъ, чего ради призванъ сюда зъ нижней станицѣ капелянъ донскій, которій и службу Божую отправлялъ, а Потапъ зъ Вѣжевскимъ ездили въ старую

крѣпость причащатися. По службѣ Божой заходилемъ до Гамалѣи, где и обѣдалемъ.

Пятокъ вел. 8. Сегодня Худолѣй пріехалъ зъ крѣпости и забавивши тутъ до полудня отехалъ. Волъ Якубовичевъ, межи нашими волами бывшій, здохъ. Вѣжевскій переписалъ рѣчи всякіе у лагерѣ тутъ наши найдуючіеся реестромъ.

Субота. 9. Сегодня приступалъ я до коммунѣи, а обѣдалъ зъ Трощинскими, въ ихъ палатцѣ. Вѣжевскій передомъ, зъ рѣчами моими, отправленъ въ крѣпость.

Воскресеніе, неделя. 10. Пріехалъ я рано сюда въ крѣпость ст. Креста и оба зъ п. Михайломъ ходилисмо до генераловъ и полковниковъ зъ поздравленіемъ, а потомъ у службѣ Божой въ великой церквѣ были, где когда читалося Евангеліе, то зъ пушекъ, на валу стоячихъ всѣхъ, палено. Обѣдалисмо у Кропотова генерала зъ старшимъ Миклашевскимъ и Стефаномъ Гамалѣею. Генералъ Кропотовъ сказовалъ про князя Василія Володимер. Долгорукова, что оній виехалъ зъ С. П. Бурху о первой неделѣ поста, а отправленъ онъ сюда въ Астрахань главнимъ комендиромъ, чиномъ генерала полного пожалованъ и что генералъ полній Бонъ зъ 5 полками слѣдуетъ съ Казанѣ сюда жъ, очищать Астрабатъ и Мензандронъ.

Понеделокъ 11. Сегодня рано былисмо у генераловъ, а по службѣ Божой ходили до насъ обозній прилуцкій зъ полковниками наказними своее коменди и випивши водки, отойшли. По обѣдѣ прійшолъ до насъ Еропкинъ и игралъ съ нами и зъ Гамалѣями, оба порознь, въ карти; а меншій Гамалѣя Григорій захоровалъ у насъ на фебру [1]).

Вовторникъ. 12. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у себе зъ Григорашомъ и Худолѣемъ; по обѣдѣ ходили до старой крѣпости, а прійшовши оттуду позвани были до Еропкина, где генерали и штапъ офѣцери кушали сегодня, и заставши всѣхъ, кромѣ Кропотова, забавили и сами, а потомъ розійшлись. Мерзлюкинъ коменди-

[1]) За симъ слѣдуетъ списокъ „пожалованныхъ въ чины персонъ“, который здѣсь опускается. См. изд. 1859 г., I, 154.

рованъ зъ двома ротами драгунъ въ гребенскіе городки, для припроваженя оттуду сюда драгунскихъ лошадей, тамъ зимовавшихъ въ крѣпость, при которихъ были 2 капитана и 400 драгунъ. П. Михаило купилъ коня рижого за 9 р. зъ полтиною у донця. У вечеру былъ у насъ оберъ провіянтмейстеръ Лутавинъ и сказовалъ про 2 щербота, новоздѣланніе судна въ Казанѣ, прійшовшіе зъ Астраханѣ будто въ ретранжаментъ аграханскій, да онъ же говорилъ, что здесь провіянтъ дается на 14000 человѣка, кромѣ семейнихъ донцовъ, зъ которими будетъ на 15000 зъ баришкомъ, але уменшается такая дача провіянтовая, затимъ же помираютъ много, якъ и въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ умерло зъ всего корпуса на 500, а зъ команди обозного прилуцкого, черезъ еденъ мартъ, 284 чловѣка.

Середа. 13. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у генерала Шереметева многіе зъ бунчуковихъ, также Еропкинъ, обозній прилуцкій зъ двома полковниками наказними. Капитанъ чили порутчикъ Григоровъ пріехалъ зъ Астраханѣ сюда на тихъ щерботахъ, о которихъ вчора упомянуто въ 4-мъ нумерѣ, и вѣдомость привезлъ о перемѣнѣ генерала Бона князь Василіемъ Володимеровичомъ Долгоруковимъ. Были у насъ въ день капитани Діонетъ, Макарти и Пѣперъ, зъ которими кромѣ Пѣпера, ходилисмо за городъ зъ Худолѣемъ.

Четвер. 14. Сегодня по службѣ Божой былъ я у генерала Шереметева, оттуду въ себе кушалисмо зъ Діонетомъ и Тарновіотомъ, и Худолѣемъ. У вечеру ходилъ я до харковского полковника и тамъ зъ Кочубеемъ посидѣвши и Сулимою, назадъ повернулъся.

Пятокъ. 15. Сегодня рано были мы у генераловъ, а кушали оба зъ п. Михайломъ у Еропкина; оттуду прійшлисмо въ свою квартеру зъ капитаномъ Якобѣномъ и порутчикомъ Мертвимъ. Получилемъ писмо отъ ахтирского полковника, 21 януар. отпущенное, въ которомъ пишетъ о добромъ здоровью домашнихъ моихъ. Алексѣй слуга мой повернулся зъ Астраханѣ и привезлъ провіянтъ и писма: *1-т*, писмо отъ архіерея Горки, въ которомъ объявляетъ, что архимандритъ Рафаилъ Заборовскій устроенъ епископомъ псковскимъ и совѣтникомъ въ синодѣ и что отецъ Соколовичъ померъ, и о кол-

мичатахъ, на попа рождественского отца Петра Аграханского нѣчого надѣятись. *2-do.* Писмо другое отъ Полянского, о томъ что немоглъ на своихъ судахъ отправить провіянта моего за оскудѣніемъ онихъ и что оніе жъ въ комендѣ офѣцеровъ морскихъ, а не его суть. *3-tio.* Отъ пана Федора Марковича зъ комплементомъ. *4-to.* Отъ Демяна, февр. 23-го писмо, въ якомъ пишетъ, что получилъ онъ писма зъ дому ко мнѣ надлежащіе отъ губернатора астраханского роспечатанніе и что архиерей обѣщалъ одно колмича дать мнѣ. *5-to.* Отъ Демяна-жъ, о томъ что взялъ бурмистръ 3 кулѣ бокуну у его штрафу, тамъ же приложенъ реестръ 13 р. денегъ, даннихъ Алексѣеви на покупку. Особливе же реестрикъ приложенъ, что зъ Алексѣемъ отпустилъ онъ сюда гербарій 8, борошна куховъ 7, тютюну куховъ 2 и кулей 7, сухарей кулей 4, меду полъ 6 пуда, кагве фунтовъ 7, сала мало и протчее дробнее, да еще реестра приложени, что гор. продалъ онъ вѣд. 12, а взялъ денегъ 40 р. и 8 гривенъ, роздалъ людямъ по моемъ приказу вѣдеръ 6, тютюну продалъ 300 папушъ и бокуну столко жъ, а взялъ 18 р., и того всѣхъ денегъ взялъ 58 р. и 8 гривенъ, а въ росходѣ реестромъ показалъ денегъ 58 р. и 30 а. Особливе зъ дому писма получилемъ черезъ Алексѣя жъ: *1-mo*, отъ родителя и родителки зъ обыкновеннымъ благословеніемъ; *2-do*, отъ жени, что она въ декавр. поехала въ Чернѣговъ, ради поминовенія родителя своего и что всѣ живи домашніе, и что въ Тулиголовахъ у винницѣ на 10 казановъ робится, лошаковъ у степу поставили на станокъ 30, млинъ калюжновскій мелетъ, въ Сварковѣ хати молодецкіе додѣлани, а зъ верблюдовъ, посланнихъ зъ Царицина, еденъ на дорозѣ здохъ, а три пригнани; *3-tio*, отъ Якова Дуброви писмо, въ якомъ ознаймуетъ, что въ Перервинцяхъ коней верховихъ 9, ижджалихъ 15, четвертаковъ вновъ слученнихъ 15, дрикгантовъ 6, да дрикгантовъ же своего стада два, гнѣдій и чалій; особливе кобилъ зъ лошатами 42, яловихъ 21, лошаковъ третяковъ 12, лошиць третячокъ 12, стрижаковъ 19, стрижачокъ 17, лошатъ сеголѣтнихъ 43, овецъ стриженихъ 165; въ Кривой Рудѣ коровъ съ телятами 70, яловихъ биковъ, бичатъ и телиць не означилъ, телятъ 43, овець

725, козъ 92, сѣна скиртъ 70, въ Сухоносовцѣ скиртъ 7, и что шинкара лубенского зраховалъ, отъ которого, за 723 и 724 года, приходилю отъ его за всякіе напитки грошей 568 зол. и шаг. 5, зъ якои суми Орановскій взялъ до своихъ рукъ 190 зол., а Романъ слуга бывшій 127 зол. и шаг. 5, а розно забрано 55 зол. и шаг. 7, Плетюнка, староста сухоносовскій, забралъ 65 зол. и шаг. 5. и того въ заборѣ 438 зол. и шаг. 7, а еще на ономъ доводится 129 зол. и шаг. 8, а въ 1725 году Плетюнка далъ ему варъ пива, да бочку меду, за якій напитокъ и отобралъ староста денги. Вѣдомо учинилося, что писаръ енер. Семенъ Савичъ, въ Москвѣ, отъ каменной болѣзни, и Кирпичъ номеръ. Суддя гадяцкій Гребянка и Петро Корецкій зъ С. П. Бурху отпущенни зъ нѣкоторими въ доми свои. Брегадиръ Веляминовъ отехалъ въ С. П. Бурхъ и прокуроръ Хрущовъ отехалъ же туда вовся, и той же брегадиръ виступилъ зъ моего двора и сталъ тамъ комендантъ Писаревъ; урожай въ Малой Россіи на хлѣбъ не худий былъ и хочай жита отъ збытнихъ дожчевъ послабы были, однакъ ярини хорошіе.

Субота 16. Сегодня по службѣ Божой заходили мы до полковника Еропкина, где вѣдомо намъ было о Івану Андрѣевичу Толстому, что оній повернулъся зъ Цариграда и знову въ генварѣ имѣлъ ехать туда жъ. Дефаршъ пріехалъ въ крѣпость ст. Креста и, бувши у насъ, отдалъ мнѣ писмо отъ Якубовича писанное о его въ Астраханѣ удержаннюся и чтобъ Рогачевского туда послать.

Неделя. 17. Сегодня былисмо у генерала Шереметева, где видѣли нѣчмана Хитрова, пріехавшого зъ Астраханѣ на щерботахъ, которій сказовалъ, что 50 щерботовъ опредѣлено ходить сюда до Сулаку для привозу сюда провіанта, и отдани оніе подъ коменду 5 нѣчманамъ. Обѣдалисмо у себе зъ Худолѣомъ и Тарновіотомъ, а по обѣдѣ приходили до насъ Кочубей и Сулима. Были мы у оберъ провіянтмейстера Радіона Назаріева Лутавѣнова и видѣли тамъ обявленіе о состоявшомся тайномъ верховомъ совѣтѣ февр. 14, о чомъ тамъ же зри нумеръ 4. Козакъ яитскій, бывшій у шафкала въ неволѣ, сказовалъ, что къ оному шафкалу пріездилъ Суркай и обявлялъ, что имѣетъ онъ 5000 пѣхоти татаръ и обѣ-

щалъ шафкалу помогать, ежели турчинъ приидетъ на помочь, а въ шафкала его войска всего будто будетъ на 3000 и пушокъ 3 и въ ущелля висшого караулъ отправляютъ его татаре по 500 чловѣка. Тризничъ приходилъ до насъ и далъ мнѣ писмо отъ Якубовича зъ Астраханѣ отпущенное ко мнѣ марта 25-го, въ якомъ пишетъ о томъ, что хотя онъ и другіе бунчуковіе просились будто сюда въ Сулакъ у г. генерала Матюшкина, однакъ отказалъ онимъ, же мовитъ и зде будетъ вамъ дѣло и чтобъ слугъ Якубовичеви отослать въ Астрахань, и что іваницкій сотникъ полку прилуцкого Іванъ Стороженко первую жену свою, за болѣзнь ея, постригши въ черницѣ, женилъся на другой и недель зо двѣ поживши, самъ померъ и постриженая преставилась.

Понеделокъ. 18. Сегодня былъ у насъ рано харковскій полковникъ зъ Миклашевскими обома и, випивши водки, отойшолъ, а Миклашевскіе у насъ кушали. Ширай до Миклашевского п. Андрѣя писалъ, что г. генералъ Матюшкинъ о нашемъ отпуски до господъ въ С. П. Бурхъ двократно писалъ, и что вѣсть носится въ Астраханѣ, якобы свѣтлѣйшому князю (Меншикову) Батуринъ данъ въ день первозванного ст. апостола Андрея. Худолѣй у насъ. Отъ Кочубея принесени мнѣ двѣ цедули отъ п. Федора дядка ко мнѣ писанніе, въ якихъ ознаймуетъ, что табаку моего 3 кулѣ взяти вмѣсто штрафа въ Астраханѣ и что объ отпуску нашемъ тамъ вѣсти жадной нѣтъ.

Вовторникъ. 19. Сегодня кушалисмо у себе зъ Худолѣемъ и Тарновіотомъ, а по обѣдѣ были у Кочубея и посидѣвши отойшли оттуду, а ходили до старой крѣпости и на ринокъ, откуду зъ харковскимъ полковникомъ были у Миклашевскихъ, и прийшли потомъ до своей квартери, куда у вечеру приходилъ до насъ Чуйкевичъ; Худолѣй ездилъ въ лагеръ и того ради не ночовалъ у насъ.

Середа. 20. Сегодня по службѣ Божой былъ я у генерала Шереметева, где мнѣ вручено писмо отъ Любима Полянского зъ Астраханѣ писанное зъ еднимъ комплементомъ; оттуду зайшолъ я до генерала Кропотова, а обѣдалъ у полковника Еропкина, куда потомъ и Худолѣй приишовши, съ нами жъ обѣдалъ. Потомъ хо-

дили мы до полковника Лѣцкина и; тамъ посидѣвши, заходили на мостъ и пришли въ свою квартеру. Маіоръ Мерзлюкинъ повернулъся зъ Гребеней и припровадилъ въ цѣлости всѣ лошадѣ тамъ досолѣ обрѣтавшіеся разныхъ командъ и потомъ у насъ былъ. Худолѣй, повернувшись зъ лагера, привезлъ мнѣ писмо ахтирского полковника до Стефана Гамалѣи писанное, въ которомъ выражено, что надѣятись намъ отпуску на весну до дому, понеже о насъ тамъ старателство въ Ахтирки отъ князь Михаила Михаиловича Голѣцина имѣется. Да Бутовичъ же Стефанъ показовалъ листъ отъ швакгра его полковника гадяцкого Милорадовича къ нему писанний, что помянутий князь Голѣцинъ изволилъ сказовать, что на веснѣ непремѣнно намъ отпускъ учинится. Алексѣй пріехалъ сюда водою зъ провіянтомъ, зъ нимъ отъ Астраханѣ припроваженнимъ, але провіянтъ, за небытіемъ зде воловъ, до завтрого на берегу зложенъ, а въ лагерѣ зложилъ онъ муки пшеничной бочокъ 4, житной бочку 1, пшона 1, товчи 1, съ тютюномъ 2, сухаревъ куліовъ 4.

Четвер. 21. Сегодня рано былъ у насъ Кандиба и показивалъ писма отъ Тамари къ нему зъ Астраханѣ писанніе, въ которихъ ознаймуетъ объ отездѣ г. генерала Матюшкина въ Москву и о прихилности его до нашихъ. Также былъ у насъ же рано обозній прилуцкій и капитани чили порутчики Прончищевъ и Давидовъ, а обѣдали у своей квартири зъ Синдаревскимъ, Дефаршомъ, Тарновіотомъ, Григорашомъ и Худолѣмъ. Получилъ я писма 2 зъ Дербенѣ отъ Мокіенка и Гаврила слуги моего, писанніе 1-го апр., въ которихъ нѣчого немашъ полезного, ибо первий проситъ въ позику денегъ, а другій требуетъ резолюціи на первіи свои писма. Барилъ досипали водкою, зъ тутейшого барила, на досипку трохъ барилъ пойшло горѣлки осмухъ 21, а вѣдерокъ здешнихъ 2 и осмухъ 1, а другихъ трохъ барилъ на досипку жъ, зъ привезенного барила, пойшло осмухъ полъ 14, що чинитъ вѣдеръ тутейшихъ 1, и полъ 3 осмухи. Тютюну куліовъ 4, зложили папушами тютюнъ въ коморцѣ, зъ первого куля вийшло папушъ 150, зъ другого 206, зъ третого 185, зъ четвертого 100 и того 641, зъ пятого проданного жъ. Барилъ всѣхъ было привезено 8, въ которихъ въ росходъ